

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2025. № 1(187)

Научно-практический журнал
Выходит 6 раз в год

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике; 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика; 5.2.5 – Мировая экономика; 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5 – Политическая социология; 5.4.7 – Социология управления; 5.5.1 – История и теория политики; 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии; 5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики; 5.5.4 – Международные отношения.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНЖиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. www.acjournal.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2025
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — доктор экономических наук, научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Санкт-Петербург);

Заместитель главного редактора: Азаров А. А. — кандидат технических наук, проректор по науке Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хлутков А. Д. — доктор экономических наук, профессор, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург), председатель редакционного совета;

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Сюйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Некипелов А. Д. — доктор экономических наук, профессор, академик РАН (Москва);

Новикова И. Н. — доктор исторических наук, профессор (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Растворцева С. Н. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Диего Эрнандес — PhD, доктор в области политической социологии (Монтевидео, Уругвай)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Doctor of Science (Economics), Research Supervisor of the North-West Institute of Management of the RANEPА, State Councilor of the Russian Federation of the 1 class (St. Petersburg);

Deputy Chief Editor: Azarov A. A. — Candidate of Technical Sciences, Vice-Rector for Science of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Khlutkov A. D. — Doctor of Science (Economics), Professor, Director of the North-West Institute of Management of the RANEPА (St. Petersburg), Chairman of the Editorial Council;

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);

Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Nekipelov A. D. — Doctor of Science (Economics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow);

Novikova I. N. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Rastvortseva S. N. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);

Diego Hernández — PhD, Doctor in Political Sociology (Montevideo, Uruguay)

ОТ РЕДАКЦИИ

- 8 ХЛУТКОВ А. Д.**
Стратегия пространственного развития России: современная реакция на новые вызовы
- 10 ПОЛТАВЧЕНКО Г. С.**
Импортозамещение и технологический суверенитет как один из путей борьбы с инфляцией

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

- 14 БАТАЛОВА Ю. В.**
Взаимодействие власти и НКО в России: ценностное измерение

**ИССЛЕДОВАНИЯ, СТРАТЕГИРОВАНИЕ
И УПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЕМ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ**

- 23 КАРНАТОВА Л. Г., ЕЛСУКОВ М. Ю.**
О стратегии реализации политики импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации
- 34 ДМИТРИЕВ А. В.**
Организационно-экономические аспекты обеспечения информационной безопасности в логистических системах
- 45 РОМАНОВ И. Г.**
Методологические подходы к оценке участия национальных экономик в глобальных цепочках создания стоимости

**ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗВИТИЕ: ИСТОРИЧЕСКИЕ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ,
МЕЖДУНАРОДНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

- 58 БЕЗЛЕПКИН Н. И., БАЖУКОВ В. И.**
Война как принуждение к миру.
К вопросу о диалектике войны и мира в современных международных отношениях
- 72 ГУБАНОВА А. Ю., КОЛОСОВА Е. А., КОНЯШКИНА А. С. В.,
МАЙОРОВА-ЩЕГЛОВА С. Н.**
Социологическое исследование событийности детства: доказательный подход в проектировании программ для детей и молодежи
- 84 ШУМИЛОВ М. М.**
МТК «Север — Юг»: геополитические вызовы и риски. Часть 2

A LINEA**107 ЛИ МЭНДА**

Оценка дифференциации регионов в контексте обеспечения экономической безопасности

116 БОРОДИН С. Н.

Оценка перспектив развития региона на основе концепции устойчивого развития

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ**130 КАРНАУХ В. К.**

Рецензия на книгу J. Walklate “Time and the Museum: Literature, Phenomenology, and the Production of Radical Temporality”

133 КАШИНА М.А.

Учеными не рождаются, учеными становятся: о Первой научно-практической конференции сети СНО РАНХиГС «Молодые ученые РАНХиГС – 2024»

НОВОСТИ**137** Новости РАНХиГС Санкт-Петербург

FROM THE EDITORIAL OFFICE

- 8   ANDREY D. KHLUTKOV**
Spatial Development Strategy of Russia: Modern Reaction
to New Challenges
- 10   GEORGIY S. POLTAVCHENKO**
Import Substitution and Technological Sovereignty as One of the Ways
to Fight Inflation

STATE AND MUNICIPAL ADMINISTRATION

- 14   YULIA V. BATALOVA**
Interaction Between Government and Ngos in Russia:
a Value Dimension

**RESEARCH, STRATEGIZING AND MANAGEMENT
OF THE DEVELOPMENT OF ECONOMIC SYSTEMS**

- 23   LARISA G. KARANATOVA, MIKHAIL Y. ELSUKOV**
On the Strategy for Implementing the Import Substitution Policy
and Ensuring Technological Sovereignty of the Russian Federation
- 34   ALEXANDER V. DMITRIEV**
Organizational and Economic Aspects of Ensuring Information Security
in Logistics Systems
- 45   IGOR G. ROMANOV**
Methodological Approaches to Assessing the Participation
of National Economies in Global Value Chains

**SOCIAL DEVELOPMENT: HISTORICAL, NATIONAL,
INTERNATIONAL AND GLOBAL ASPECTS**

- 58   NIKOLAY I. BEZLEPKIN, VLADIMIR I. BASHUKOV**
War as Peace Enforcement. On the Issue of the Dialectics
of War and Peace in Modern International Relations
- 72   ALEXANDRA YU. GUBANOVA, ELENA A. KOLOSOVA,
ANNA SOFIA V. KONYASHKINA,
SVETLANA N. MAYOROVA-SCHEGLOVA**
The Sociological Study of the Eventfulness of Childhood:
an Evidence-Based Design of Programs for Children and Youth
- 84   MIKHAIL M. SHUMILOV**
INSTC: Geopolitical Challenges and Risks (Part 2)

A LINEA**107 LI MENGDA**

Assessment of the Regions Differentiation in the Context of the Economic Security Ensuring

116 SEMEN N. BORODIN

Assessment of the Prospects for the Development of the Region Based on the Concept of Sustainable Development

ANNUAL CONTENT**130 VLADIMIR K. KARNAUH**

Review on the book of J. Walklate "Time and the Museum: Literature, Phenomenology, and the Production of Radical Temporality"

133 MARINA A. KASHINA

Scientists are Not Born, Scientists Become Scientists: About the First Scientific and Practical Conference Scientific Community of Students of the RANEPА Network "Young Scientists of RANEPА – 2024"

NEWS**137** News of RANEPА Saint Petersburg

Стратегия пространственного развития России: современная реакция на новые вызовы

Spatial Development Strategy of Russia: Modern Reaction to New Challenges

В совсем праздничные, предновогодние дни была принята новая редакция «Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» (далее — «Стратегия пространственного развития»). Документ был утвержден Распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 декабря 2024 г. № 4146-р.

«Стратегия пространственного развития» — документ достаточно важный. Отметим то, что министерства пространственного/регионального развития существуют в странах, в десятки и сотни раз меньших по размеру, например, в Эстонии.

Для России с ее территориальными контрастами «Стратегия пространственного развития» является интегральным документом, «связывающим» воедино иные стратегии в сфере экономики, демографии и т. д.

Пространственная ткань России в известной степени данность. Железные дороги европейской части страны в 2013 г. удивительнейшим образом повторяли территориальный каркас железных дорог Российской империи, более того, 100 лет прогресса не дали и ускорения движения, о чем свидетельствуют железнодорожные расписания.

Инерционность пространства не предполагает сохранение прежних форм управления этим пространством. Критерий эффективности является определяющим, критерий «древности» здесь не работает.

В «Стратегии пространственного развития» введены новые и важные понятия, к примеру «стратегические территории». Действительно, в последние три года произошла переоценка пространства. Санкт-Петербург 1913 г., разумеется, обладал таким статусом. Но предположить появление флотов противника на рейде Гогланда или угрозу обстрела из Ревеля было невозможно. Качественно возросла значимость дальневосточного выхода к морю. Другие территории временно могли утратить свое значение.

В Российской империи до 50% территории управлялось по особым законам: казачьи земли, Остзейские губернии, Хива, Бухара, Великое княжество Финляндское.

Конечно, это же избыточный почти «австро-венгерский процент», но выскажем предположение о том, что эффективность территориального управления является дополнительным ресурсом, способным добавить государству прочности, или, увы, поставить его перед новыми сложностями.

В целом получился достаточно интересный и сбалансированный документ, не лишенный некоторых недостатков. К примеру, узнать о пространственных пробле-

мах новых территорий из него невозможно, за исключением нового статуса Азовского моря.

Важной частью «Стратегии пространственного развития» стало выявление перспективных центров экономического роста, в которых сложились условия для формирования научно-образовательных центров мирового уровня. Не менее важно диагностировать приграничные геостратегические территории Российской Федерации. Неудивительно то, что их список начинается с Ленинградской области.

Подведем итоги и отметим главное.

Федеральная стратегия не может и не предполагает игру масштабами и должна дополняться стратегиями регионального уровня. В нашем случае стратегией пространственного развития на уровне СЗФО.

*А. Д. Хлутков,
директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук, председатель редакционного совета*

Импортозамещение и технологический суверенитет как один из путей борьбы с инфляцией

Полтавченко Г. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

Для цитирования: Полтавченко Г. С. Импортозамещение и технологический суверенитет как один из путей борьбы с инфляцией // Управленческое консультирование. 2025. № 1. С. 10–13.

Import Substitution and Technological Sovereignty as One of the Ways to Fight Inflation

Georgiy S. Poltavchenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation

For citing: Poltavchenko G.S. Import Substitution and Technological Sovereignty as One of the Ways to Fight Inflation // Administrative consulting. 2025. N 1. P. 10–13.

Что такое инфляция? Это устойчивое повышение общего уровня цен на товары и услуги.

По прогнозу Центробанка РФ, годовая инфляция в 2024 г. могла достичь 8–8,5%. Целевые показатели ЦБ на 2025 и 2026 гг. составляют соответственно 4,5–5% и 4%.

Попробуем разобраться, чем обусловлена инфляция в России. Как известно, главной причиной этой проблемы всегда является дисбаланс спроса и предложения, который может быть вызван как наличием избыточной денежной массы у населения, так и дефицитом определенных товаров и услуг, либо увеличением издержек их производства, влекущим повышение себестоимости, которые производитель вынужден компенсировать повышением цены продукции.

Что касается денежной массы, за последние годы она действительно выросла за счет активного ипотечного и потребительского кредитования населения, обусловленного сравнительно невысокой ключевой ставкой ЦБ в 2018–2023 гг., а также ростом бюджетных расходов на финансирование социальных программ и вопросов национальной безопасности. Для сдерживания роста денежной массы регулятор предлагает ужесточить бюджетную и финансово-кредитную политику. В том числе поднять ключевую ставку до 21%, а в перспективе возможно увеличить ее. Эта жесткая, но достаточно продуманная и вполне эффективная мера может реально оказать влияние на снижение объема свободных денег. Однако, на мой взгляд, ее следует рассматривать исключительно как временную — на короткую перспективу. В противном случае длительное отсутствие в экономике сравнительно недорогих кредитных средств может серьезно ударить

по производителям товаров и услуг, заставив их компенсировать неизбежный рост издержек путем значительного повышения цены продукции. Что, естественно, не приведет к снижению инфляции. Либо вообще вызовет остановку и банкротство целого ряда низкорентабельных предприятий реального сектора экономики. Кстати, в связи с существенным удорожанием ипотеки в зоне риска может оказаться один из драйверов экономического развития — жилищное строительство. Его замедление окажет негативное воздействие на состояние банковских структур, активно занимающихся ипотечным кредитованием.

Значит, необходимо искать параллельные не менее эффективные пути борьбы с инфляцией, и в первую очередь с ее причинами. Какие?

Давайте посмотрим на информационные ожидания россиян. Согласно данным dzen.ru (созданным нейросетью Ya GPT), наибольшего дефицита в 2024 г. наши сограждане ожидали в таких товарах, как:

- 1) лекарственные препараты и медицинское оборудование;
- 2) продукты питания;
- 3) запчасти для автомобилей;
- 4) импортная электроника;
- 5) товары для ремонта и строительства;
- 6) бытовая электротехника;
- 7) косметика и предметы личной гигиены;
- 8) одежда и обувь;
- 9) детские товары;
- 10) товары для животных;
- 11) автомобили;
- 12) товары для дома, мебель, хозтовары и садовый инвентарь;
- 13) товары для отдыха и спортивный инвентарь.

По данным сайта «Бизнес клуб Атланты», на конец 2023 г. в России существовал дефицит по следующим позициям:

- 1) кварцевые трубки;
- 2) чипы для транспортных и банковских карт;
- 3) лифтовое оборудование;
- 4) комплектующие для автомобилей;
- 5) лекарственные препараты;
- 6) бытовая химия;
- 7) печать;
- 8) упаковка, в том числе картонная;
- 9) корм для животных;
- 10) мебель;
- 11) станки и тракторы.

При этом доля импорта данной продукции из недружественных стран составляла в 2023 г. 51%.

Если внимательно изучить два перечня, без труда можно заметить, что они включают в себя в основном импортируемые товары. То есть товары, которые мы приобретаем не за рубли, а за валюту (в основном доллары США и евро). С учетом значительного снижения курса рубля по отношению к этим валютам, можно сделать очевидный вывод: современный инфляционный процесс в нашей стране во многом связан с отсутствием импортозамещения в сфере производства продукции повышенного спроса. Да, зачарованные рассказами об универсальности ВТО, «справедливом» и «равноправном» участии в мировом распределении труда, следуя своей излюбленной привычке абсолютно безосновательно подозревать самих себя в «косорукости», мы либо вовсе перестали, либо сократили до неоправданного минимума производство товаров, которые всегда умели создавать в необходимом

количестве и с достаточным качеством. Сегодня даже гвозди, зубные щетки, ведра, лопаты, садовые тачки ввозим из-за рубежа.

Для достижения реального экономического суверенитета необходимо наращивать внутреннее производство продукции постоянного повышенного спроса, способной заместить импорт. Производить и реализовывать ее за рубли. При существующей ключевой ставке ЦБ развернуть такую работу практически невозможно, так как мало кто из предпринимателей рискнет заняться новым или расширять имеющийся бизнес под непосильным бременем дорогих кредитных денег. Следовательно, необходимо проработать отдельные формы государственной поддержки уже действующих и вновь создаваемых предприятий, ориентированных на импортозамещение в области потребительских товаров. Как вариант: создать временный (сроком на 10 лет) государственный «Фонд обеспечения внутреннего спроса», который будет финансировать подобную предпринимательскую инициативу. Финансирование осуществлять через прямое вхождение фонда в капитал предприятий и его участие в распределении прибыли. На мой взгляд, при таком подходе мы сможем не только значительно нарастить импортозамещение за десять лет, но и получить существенное налоговое отчисление от этой деятельности. Возможно также предусмотреть дополнительные конкретные меры поддержки предприятий, выпускающих продукцию для строительства, ремонта, бытовой техники, бытовую химию, мебель, одежду, обувь, товары для детей и т. д. Например, через введение для них режима льготного налогообложения при условии сохранения ими цены на продукцию, действовавшей на момент принятия решения о льготах, с ежегодной ее корректировкой на процент инфляции.

Откровенно говоря, несколько удивляет, что в приведенном выше перечне опасений граждан есть обеспокоенность по поводу возможного дефицита продовольствия. Благодаря принятым еще в начале двухтысячных годов решениям нашего Президента Россия сегодня практически полностью обеспечивает себя основными продуктами питания. Да, мы импортируем продовольствие из-за рубежа. Сельхозпродукция и продовольствие составляют 14,5% нашего импорта. Это в основном то, что в силу климатических условий не может производиться в нашей стране или производится в недостаточных объемах. Но возникает большое сомнение в необходимости ввоза в Россию огромного количества пальмового масла. Общеизвестно, что оно по своим свойствам не отвечает основным критериям оценки здорового питания. Однако многие производители масло-молочной, кондитерской продукции активно используют его в своих изделиях вместо натуральных продуктов российского производства, стремясь получить максимальную экономическую выгоду в ущерб качеству. Это не только негативно влияет на развитие молочного животноводства в стране, но и существенно сказывается на здоровье потребителей. Полагаю, что следует резко сократить импорт данного продукта, ограничив объемами, необходимыми исключительно для производства изделий, которые без него невозможно создать. Зачем тратить валютные средства на то, что мы можем заместить качественным сырьем собственного производства.

Важным фактором борьбы с инфляцией и эффективной мерой поддержки реального сектора экономики может стать введение жесткого квотирования ввоза в страну продукции, которую способны выпускать в необходимых объемах и с соответствующим качеством отечественные производители. Опыт начала двухтысячных годов, когда было своевременно принято решение о квотировании импорта в Россию пресловутых «ножек Буша» — хороший тому пример. Буквально в течение трех–четырёх лет мы полностью себя обеспечили мясом куры высокого качества, а про «ножки» практически забыли.

Еще одним направлением борьбы с инфляцией должна стать уже проводимая Правительством РФ работа по переводу внешнеторговых сделок на расчеты в национальных валютах.

Эта политика может значительно стабилизировать цены на товары, которые сегодня не могут выпускаться российскими производителями.

В завершение хотелось бы остановиться на самом сложном, но и самом важном. Уверен, что нам удастся справиться с инфляцией. Развернуть и нарастить производство продукции для внутреннего потребления. Но на чем мы будем производить эту продукцию? Сегодня техника, оборудование и транспорт составляют 45% нашего импорта. В основном он идет из недружественных стран. Значит, следует уделить особое внимание разработке и широкому внедрению собственных технологий, заимствованию их у других стран для создания своей мощной технологической базы, необходимой для производства и обеспечения страны соответствующими товарами и услугами. Производить и продавать за рубли качественную продукцию в необходимых объемах и по реальным ценам — главное лекарство от любой инфляции.

Об авторе:

Полтавченко Георгий Сергеевич, председатель попечительского совета Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); губернатор Санкт-Петербурга (2011–2018)

About the author:

Georgiy S. Poltavchenko, Chairman of the Guardianship Board of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation); governor of St. Petersburg (2011–2018)

Взаимодействие власти и НКО в России: ценностное измерение

Баталова Ю. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация, 3j@mail.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи является необходимость пересмотра в рамках отечественной политической науки либеральной парадигмы соотношения государства и негосударственных некоммерческих организаций (далее: НКО) в целях наполнения публично-политического пространства властно-общественного взаимодействия ценностями конструктивного, созидательного сотрудничества. Используются сравнительный, исторический, описательный методы. Получены следующие результаты. Выявлена и охарактеризована причина, снижающая валидность популярной в современной политической науке модели государства-«садовника», в соответствии с которой власть создает все условия для поддержки гражданских инициатив, развития и масштабирования технологий межсекторного социального партнерства, при этом не вмешиваясь в процесс эволюции НКО, предоставляя полную свободу их деятельности. Такой причиной неэффективности модели государства-«садовника» представляется заложенный в ее основу деидеологизированный либерализм конца XX в., нивелировавший роль государства в вопросах инициирования, разработки и реализации политики поддержки и регулирования третьего сектора, в том числе идейно-ценностного наполнения общественно-государственного взаимодействия. На конкретных примерах аргументировано, что попытки переноса модели государства-«садовника» в демократии нелиберального типа способствовали появлению и усилению кризисов и диспропорций развития как организаций некоммерческого сектора, так и национальных политических систем. Обосновано, что глубинной причиной резкого ужесточения государственной политики России по отношению к НКО в 2000–2010-х годах стал ценностный конфликт между ультралиберальными общественными организациями и властью в 1990-х годах. В итоге аргументирована необходимость для современной политической науки и практики корректировки модели государства-«садовника» в аспектах усиления целеполагающей, идеологической функции государства по отношению к НКО. Первоочередным этапом конструктивизации властно-общественного взаимодействия в публично-политической сфере представляется внедрение концепции управления по ценностям для НКО.

Ключевые слова: публичная политика, политические ценности, негосударственные некоммерческие организации, государство-«садовник», гражданское общество

Для цитирования: Баталова Ю. В. Взаимодействие власти и НКО в России: ценностное измерение // Управленческое консультирование. 2025. № 1. С. 14–22.

Interaction Between Government and Ngs in Russia: a Value Dimension

Yulia V. Batalova

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia, 3j@mail.ru

ABSTRACT

The relevance of the topic of the article is determined by the need to revise, within the framework of domestic political science, the liberal paradigm of the relationship between the state and non-governmental non-profit organizations (hereinafter: NPOs), in order to fill the public-political space of government-public interaction with the values of constructive, constructive cooperation. Comparative, historical, and descriptive methods were used. The following results

were obtained. The author identifies and characterizes the reason that reduces the validity of the “gardener state” model, popular in modern political science, according to which the government creates all conditions for supporting civil initiatives, developing and scaling technologies of intersectoral social partnership, while not interfering in the evolution of NGOs, providing full freedom of their activities. Such a reason for the ineffectiveness of the “gardener state” model is the de-ideologized liberalism of the late twentieth century, which leveled the role of the state in initiating, developing and implementing policies to support and regulate the third sector, including the ideological and value content of public-state interaction. Using concrete examples, it is argued that attempts to transfer the model of the “gardener state” to an illiberal type of democracy have contributed to the emergence and intensification of crises and imbalances in the development of both non-profit sector organizations and national political systems. It is proved that the underlying reason for the sharp tightening of Russia’s state policy towards NGOs in the 2000s and 2010s was the conflict of values between ultra-liberal public organizations and the government in the 1990s. As a result, the need for modern political science and practice to adjust the model of the “gardener” state in terms of strengthening the goal-setting, ideological function of the state in relation to NGOs is argued. The introduction of the concept of values management for NGOs is considered to be the primary stage in the constructivization of government-public interaction in the public-political sphere.

Keywords: public policy, political values, non-governmental non-profit organizations, the “gardener” state, civil society

For citing: Batalova Y.V. Interaction Between Government and Ngos in Russia: a Value Dimension // Administrative consulting. 2025. N 1. P. 14–22.

Введение

Сегодня, когда в контексте возрастающих геополитических угроз необходимость усиления роли государства в вопросах нациестроительства стала очевидной, внимание ученых сосредоточивается на механизмах и технологиях укрепления гражданской идентичности, понимаемой прежде всего как совокупность политических ценностей, связывающих человека и государство [5].

Вместе с тем, обращаясь к российским исследованиям, посвященным проблематике взаимодействия государства и НКО как авангарда гражданского общества, можно заметить преобладание либеральной традиции исследования данного вопроса. В соответствии с данной традицией НКО позиционируются как независимые от власти передовые институты гражданского общества, а роль государства сводится исключительно к поддержке и обеспечению развития этих организаций. При этом любое воздействие власти на НКО предстает как покушение на их политическую независимость [8; 18; 22; 24].

Материалы, методы и модели

В рамках данной исследовательской логики наиболее известными и часто упоминаемыми являются модели, концептуализированные по критерию характера взаимоотношений власти и НКО, а именно: партнерство (модели «садовника» и «архитектора»); отсутствие взаимодействия (модель «игнорирования»); доминирование государства (модели «патерналистская» и «приводных ремней»); конфронтация (модели «борьбы с противником» и «гражданского неповиновения») [16].

Помимо указанного, существуют и иные подходы к концептуализации государственно-общественных отношений, например:

- модель «структурно-функционального консенсуса», в соответствии с которой приоритет отдается развитию институтов и структур взаимодействия государственной власти и НКО [11];

- модели функционирования гражданского общества, классифицированные в зависимости от внешних эффектов, на которые оно воздействует, контактируя с властью [2];
- модели государственно-общественного взаимодействия в социально-исторической ретроспективе [13; 19].

Несмотря на имеющиеся различия, эти и большинство других известных автору концепций формулируются с учетом приоритизации идеи партнерства власти и гражданского общества в ракурсе модели государства-«садовника», согласно которой власть «взрачивает» сектор НКО, создает условия для его полноценного развития, стимулирует и всемерно поддерживает инициативных граждан и их объединения, поощряет и тиражирует успешные практики межсекторного партнерства, при этом *не вмешиваясь в процесс эволюции НКО*, предоставляя полную свободу их деятельности. Исключение составляет лишь позиция В.В. Рябева, который считает, что преуменьшение роли государства в развитии гражданского общества характерно только для индивидуалистической или либеральной модели властно-общественных отношений [15].

Модель «садовника», несмотря на ее критику за излишнюю дискриптивность [17], признается отечественной политической наукой концептуальным ориентиром для разработки и реализации политики современного государства в отношении НКО. И это отчасти справедливо.

К несомненным преимуществам данной модели можно причислить, например, направленность на развитие институционального дизайна и технологий взаимоотношений власти и общественных организаций; преобладание «мягких», недирективных инструментов поддержки инициатив НКО; обеспечение условий роста разнообразных общественных инициатив «снизу-вверх».

Однако, по мнению автора, данная модель (по крайней мере, в ее интерпретации отечественными учеными) имеет существенное концептуальное упущение: она недооценивает роль государственной власти как основного субъекта целенаправленной, стратегически продуманной политики в отношении НКО-сектора.

Наличие этого «слабого звена» можно объяснить следующими обстоятельствами онтологического и гносеологического характера.

Первое. Модель «садовника» была сформирована в период так называемого деидеологизированного либерализма [4], ставшего для США и западноевропейских стран временем относительно спокойного, лишённого политических кризисов и потрясений, социально-экономического развития. Это давало возможность эмансипироваться НКО-сектору, а роль государства как управляющего субъекта отодвинулась на второй план. Деидеологизированный либерализм, таким образом, способствовал появлению множественных инициативных, т. е. исходящих от НКО, технологий и механизмов взаимодействия с властью. Именно эти инициативные технологии попали в фокус политической науки, а деятельность государства как главного субъекта публичной политики осталась в тени.

Второе. Отсутствие в модели «садовника» прочных ценностных, идеологических основ взаимодействия власти и НКО, которые бы соответствовали требованиям и вызовам постиндустриального общества на современном этапе его развития. Деидеологизированный либерализм конца XX в., основанный на ценностях либеральной демократии, в то же время стал временем «размывания» этих ценностей, взамен не предложив сколько-нибудь значимых идей, способных стать основой политической консолидации власти и общественности в период постмодерна [4]. Даже важнейшая ценность либеральной демократии — активное гражданское общество, которое компетентно в режиме конструктивного конфликта взаимодействует с государством по вопросам соблюдения и защиты своих прав и законных интересов, предлагает власти альтернативные пути и ме-

ханизмы решения актуальных проблем социально-экономического развития, — подверглась эрозии в условиях развития так называемого индивидуализированного сообщества, в котором, по меткому выражению З. Баумана, «подавлялись проявления человеческого духа, в прошлом вдохновлявшие людей к социальным преобразованиям» [3].

Третье. Попытки переноса модели государства-«садовника» на нелиберальную почву способствовали появлению и усилению кризисов и диспропорций, в развитии как организаций некоммерческого сектора, так и национальных политических систем.

Либерально ориентированные механизмы и технологии взаимодействия государства-«садовника» и НКО-сектора были перенесены в конце 70-х — начале 90-х годов XX в. в страны, именуемые американской политологией «молодыми демократиями» [7]. В указанный период, характеризующийся стремительной либерализацией национальных государственно-политических элит в этих странах, активными агентами политических изменений становятся зарубежные неправительственные организации (их отделения и представительства). Под эгидой благотворительной и просветительской деятельности они широко используют технологии влияния на общественное мнение, в этом смысле нередко становясь наставниками и вдохновителями, а часто и главными спонсорами нарождающихся в «молодых демократиях» организаций негосударственного некоммерческого сектора. Поскольку общественные организации включают наиболее активных в социально-политическом плане граждан, закономерно, что, впитав идеи и ценности либерализма, лидеры и члены НКО в «молодых демократиях» попросту не могли не стать идейными оппонентами по отношению к любой власти (кроме ультралиберальной), а любые попытки государства повлиять на характер их развития считали покушениями на их независимость. Ко всему этому добавлялось также упрощенное, поверхностное восприятие идей либерализма в «молодых демократиях» (об этом нам уже приходилось рассуждать ранее применительно к российской государственности [12]).

Позднее, когда в борьбу за политическую власть в «молодых демократиях» вступают более умеренные и конструктивные в плане созидания национальной государственности силы, ценностный конфликт либерально ориентированных НКО с властью и не либеральной по своей сути социально-политической средой часто выливается в открытое противостояние. «Маркерами» такого конфликта можно назвать, в частности, «цветные» революции (Грузия — 2003, Украина — 2004, Киргизия — 2005 и др.), массовые акции гражданского протеста под предводительством либеральных лидеров общественного мнения, распространение оппозиционных (в духе ультралиберализма) по отношению к власти и ее представителям материалов, пропаганда (в том числе в молодежной среде) идей и ценностей, направленных на подрыв основ национальной государственности [14].

Изложенное в полной мере можно отнести и к России.

Результаты

Попытки транзита модели государства-«садовника» в 1990-х годах оказались тактически успешными в аспекте технологизации взаимодействия власти и НКО лишь в некоторых регионах нашей страны. Однако эти успехи объяснялись прежде всего лояльностью исполнительной власти регионов. В большинстве субъектов РФ модель государства-«садовника» не прижилась.

Ценностный раскол между властью и лидерами правозащитных НКО (в незначительной степени простимулированный зарубежными неправительственными организациями — основными спонсорами российского правозащитного движения

в 1990-х годах)¹, проявился в оппозиционных настроениях и акциях, отказах сотрудничать с государственными структурами под девизом «мы не доверяем власти»², создании собственных оппозиционных коалиций (впрочем, также идейно непрочных и потому недолговременных)³, а также негативном воздействии на общественное мнение путем сбора и распространения информации (не подтвержденной официально) о нарушениях прав человека в России, «жесткой» агитационной работы под эгидой гражданско-правового просвещения⁴.

Разумеется, эти проявления ультралиберальных ценностных идеалов представляли реальную угрозу российской государственности и потому не могли не спровоцировать резкого ужесточения политики в отношении НКО-сектора в направлениях сужения сферы деятельности общественных организаций исключительно до социально ориентированной, а также пресечения любых попыток политического влияния НКО (последнее стало трактоваться в действующем законодательстве широко, как «влияния на общественное мнение») [6].

Обсуждение

В условиях множественных кризисов и угроз национальной государственности, такая деполитизация деятельности НКО тактически объяснима. Однако можно ли в стратегическом масштабе исключить НКО, которые всегда являлись авангардом гражданского общества и позиционировались в классической политологии как общественно-политические институты, из сферы публичной политики (понимая последнюю в античных традициях, как «искусство жить вместе»)?

Очевидно, что в этом случае государство лишится стратегического партнера, который бы помогал ему не только эффективно реализовать публичную политику, но и выступал бы ее «архитектором», инициатором и агентом преобразований.

Эти и иные публично-политические функции крупным общественным организациям затруднительно эффективно реализовывать исключительно в статусе поставщиков социальных услуг, на стимулирование развития которых направлена в настоящее время политика российской власти. Более того, не только крупные НКО, но и относительно молодые организации, а также инициативные активисты, реализуя социально ориентированные проекты и программы, неизбежно будут оказывать влияние на общественное мнение, в этом смысле, осуществляя политическую деятельность.

То, каким будет это влияние, должно регулироваться государством, которое, выполняя естественно присущую ему функцию целеполагающего воздействия на общественные явления, процессы и отношения, иницирует стратегически продуманную политику в отношении развития гражданского общества и его авангарда — НКО.

Первоочередным шагом в данном направлении представляется создание условий для развития ценностей конструктивного сотрудничества власти и НКО.

Именно совпадение по ценностям, а не развитые институты и технологии взаимодействия, в первую очередь гарантируют взаимное доверие власти и НКО, а следовательно, конструктивизацию совместной деятельности.

В этой связи представляется стратегически перспективной корректировка существующих концепций властно-общественного взаимодействия (в том числе мо-

¹ Например, фонд Сороса (признан Генеральной прокуратурой России нежелательной на территории России организацией).

² Например, Общероссийское общественное движение защиты прав человека «За права человека» (признано Минюстом России иностранным агентом).

³ Например, «Всероссийский гражданский конгресс».

⁴ Например, правозащитная организация «Команда против пыток» (признана Минюстом России иностранным агентом).

дела государства-«садовника») путем закрепления за властью функции воздействия на ценности НКО.

Реализация этой функции будет способствовать осознанию и устойчивому воспроизводству организациями негосударственного некоммерческого сектора присущей им миссии — решать в сотрудничестве с государством политически важные задачи удовлетворения нематериальных потребностей общества. Это сотрудничество может осуществляться в режиме диалога, может носить характер оппонирования и даже «рабочего» конфликта, что вполне соответствует практике правового демократического государства. Главное — конструктивный целевой ориентир такого взаимодействия, его принципиальная направленность на созидание и укрепление национальной государственности.

Как известно, концепция управления по ценностям была разработана в рамках теории менеджмента в качестве рецепта идейного сплочения индивидов в рамках корпораций [23]. В рамках данной концепции под ценностями понимаются принципы, которыми индивид руководствуется всегда, даже если это ему экономически невыгодно. Стремительная популяризация концепции управления по ценностям основана на доказанном практикой предположении, что в постиндустриальном мире в условиях многообразия и нестабильности социальных коммуникаций и ролей, существования множества субкультур только общие, разделяемые ценности способны послужить стабильной основой долгосрочного сотрудничества [21].

Концепция управления по ценностям часто применяется не только при укреплении корпоративной культуры, но и при решении задач развития управленческих команд, участники которых являются высокоинтеллектуальными, амбициозными, профессиональными, развитыми личностями и потому часто трудно срабатываются. Зато сработанные, ценностно однородные команды демонстрируют впечатляющие синергетические эффекты вне тесной зависимости от сферы деятельности [9].

Лидеры и сотрудники НКО, которые «по зову сердца, а не по долгу службы» работают в неприбыльном секторе, имеют схожие с членами управленческих команд статусные и личностные характеристики, поэтому концепция управления по ценностям может быть результативно использована при воздействии на их мировоззрение в аспекте отказа от ультралиберальных мировоззренческих ориентиров в пользу более умеренных ценностей. Таким образом, идеи ценности прав и свобод личности смогут ужиться с ценностями сильного государства, способного эти права и свободы защитить, гарантировать и обеспечить.

Выводы

Таким образом, в процессе формирования и приоритизации ценностей конструктивного взаимодействия с государством сами лидеры и участники НКО должны сыграть сегодня немаловажную роль. О том, что большинство из них готовы и способны справиться с этой ролью, свидетельствуют процессы консолидации российского общества в период обострения внешних угроз [10], многочисленные факты совершенствования личностных и социально ориентированных характеристик участников межсекторного взаимодействия вследствие деятельности благотворительных, волонтерских организаций в современной России [20]. Например, помощь волонтеров способствует повышению результативности работы врачей, а сотрудничество гражданских служащих с НКО в ходе реализации благотворительных проектов делает чиновников более человечными, клиентоориентированными, креативными [1].

Представляется, что социально ориентированные ценности добровольчества, дополненные политическими ценностями патриотизма, ответственной гражданственности, социальной справедливости, правовой демократической государственности,

должны стать элементами «разделяемого видения» в системе взаимодействия власти и НКО. Это создаст основу профилактики распространения ультралиберального радикализма, который служил глубинным фактором деструктивной протестной активности правозащитного движения в России конца XX в. и явился главной причиной вывода НКО из сферы социально-политической активности исключительно в сферу социального обслуживания в начале нынешнего века.

Литература

1. Аналитический отчет по результатам телефонного опроса на тему: «Востребованные векторы поддержки добровольчества в Российской Федерации» [Электронный ресурс] Исследование 1. ВЦИОМ. 2023. URL: https://vk.com/doc39030316_670541146?hash=8CUnhy6XyS2rdvIcTvbIEIndGmlvJVlIN1jtV0BivxH&dl=vyuyKcNvEioN5JXPNOytsh4ULZJlZn2PfSjOidQlLez (дата обращения: 23.12.2024).
2. Аузан А. А. Гражданское общество как альтернативный способ производства благ // Гражданское общество: экономический и политический подходы. 2005. № 2. С. 7–10.
3. Бауман З. Индивидуализированное сообщество. М. : Логос, 2005. 390 с.
4. Валлерстайн И. После либерализма. М. : Ленанд, 2018. 264 с.
5. Гражданская идентичность россиян: Современный политический концепт: коллективная монография / под науч. ред. О. А. Коряковцевой. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 179 с.
6. Кожевников О. А., Нечкин А. В. Некоммерческие организации — иностранные агенты: опыт России и других государств СНГ // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 491. С. 242–249.
7. Мельвиль А. Ю., Стукал Д. К. Условия демократии и пределы демократизации: Факторы режимных изменений в посткоммунистических странах: опыт сравнительного и многомерного статистического анализа // Полис: Политические исследования. 2011. № 3. С. 164–169.
8. Митин А. А. Пути оптимизации взаимодействия левых молодежных организаций с государством и институтами гражданского общества // Вестник КемГУ. 2013. № 1 (53). С. 119–123.
9. Никитин А. С., Гимазова Ю. В. Ценностный фактор развития региональных управленческих команд // Государственная служба. 2018. Т. 20. № 2. С. 8–16.
10. Никовская Л. И. К проблеме формирования консолидации российского общества: взгляд конфликтолога // Местное право. 2022. № 3. С. 45–50.
11. Новикова О. В. Эффективная модель взаимодействия государства и гражданского общества в современной России: формирование структурно-институционального консенсуса // Вестник ПАГС. 2009. С. 48–53.
12. Омельченко Н. А., Гимазова Ю. В. О демократическом идолопоклонничестве, химерах русского политического либерализма и демократии в России // Социодинамика. 2013. № 9. С. 153–182.
13. Резник Ю. М. Современное гражданское общество: основные проблемы и подходы к изучению [Электронный ресурс] // Евразийство — будущее России: диалог культур и цивилизаций. Размышления перед конференцией. URL: www.nasledie.ru/ipravo/20_10/21_2/h1.html (дата обращения: 12.12.2024).
14. Рукина И. М., Анфимова А. Ю. Иностранные агенты как фактор разрушения государственного суверенитета // Вестник РАЕН. 2017. Т. 17. № 1. С. 118–121.
15. Рябев В. В. К вопросу о взаимодействии государства и гражданского общества в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2005. Т. VIII. № 2. С. 5–21.
16. Сунгуров А. Ю. Модели взаимодействия органов государственной власти и структур гражданского общества: российский опыт [Электронный ресурс]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_modeli.pdf (дата обращения: 05.11.2024).
17. Тиховодова А. В. Взаимоотношения государства и гражданского общества: обзор концептуальных моделей // Вестник ВГАВТ. Разд. VI. Философия. Общество. Культура. Вып. 44. 2015. С. 222–230.
18. Широков Д. Д. Негосударственные некоммерческие организации в системе институтов гражданского общества // Ташкентский государственный юридический университет. 2020. № 2 (28). С. 71–72.
19. Шкирчак С. И. К вопросу о моделях взаимодействия государственной власти и гражданского общества // Научные ведомости. Сер. История. Политология. Экономика. Информатика. 2013. № 22. Вып. 28. С. 179.

20. Якимец В. Н. Со-участие, диалог, обратные связи и доверие при решении социально значимых проблем — императив для солидарного гражданского общества // Местное право. 2022. № 3. С. 33–44.
21. Baker W., Inglehart R. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2020. Vol. 65 (1). P. 19–51.
22. Belyaeva N. Yu., Proskuryakova L. N. Civil Society Diamond. Civic Civil Society Index — Shortened Assessment Tool Report for the Russian Federation. Moscow : International Public Foundation «Interlegal». 2008. 130 с.
23. Meynhardt T. Public Value is Knowable, Public Value Creation is Not // Administration & Society. 2021. № 53 (10). P. 1631–1642.
24. Uldanov A., Jakubiak L., Ait el Caid H. Protest Public as the “Triggers” of Political Changes in Hybrid Regimes: the Cases of Tunisia, Morocco, and Egypt // Societies and Political Orders in Transition. 2019. P. 233–257.
25. Yazici A. M., Öztirak M. The Mediator Role of the Organizational Culture in the Relationship between Charismatic Leadership and Corporate Reputation // Organizacija. 2023. N 56 (3). P. 247–264.

Об авторе:

Баталова Юлия Владимировна, начальник отдела организации защиты диссертаций Управления аспирантуры и докторантуры Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент, 3j@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5581-5758>

References

1. Analytical report on the results of a telephone survey on the topic: “In-demand vectors of volunteerism support in the Russian Federation” [Electronic resource]. Research 1. VTsIOM. [VCIOM]. 2023. URL: https://vk.com/doc39030316_670541146?hash=8CUnhy6XyS2rdvIctVblEIndGmlvJVIIIN1jtV0BivxH&dl=vyyKcNvoEioN5JXPN0ytsh4ULZJIZn2PfsjOiDqLLez (accessed: 23.12.2024).
2. Auzan A. A. Civil society as an alternative way of producing goods // Civil society: economic and political approaches [Grazhdanskoe obshchestvo: ekonomicheskij i politicheskij podhody] 2005. N 2. P. 7–10 (In Russ.)
3. Bauman Z. The individualized community. Moscow : Logos, 2005. 390 p. (In Russ.)
4. Wallerstein I. After liberalism. Moscow : Lenand, 2018. 264 p. (In Russ.)
5. The civil identity of Russians: A modern political concept: a collective monograph / under the scient. ed. of O. A. Koryakovtseva. Yaroslavl : RIO YAGPU, 2022. 179 p. (In Russ.)
6. Kozhevnikov O. A., Nechkin A. V. Non-profit organizations — foreign agents: the experience of Russia and other CIS countries // Bulletin of Tomsk State University [Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2021. N 491. P. 242–249. (In Russ.)
7. Melville A. Yu., Stukal D. K. The conditions of democracy and the limits of democratization: Factors of regime change in post-communist countries: the experience of comparative and multidimensional statistical analysis // Polis: Political Studies [Polis. Politicheskie issledovaniya.] 2011. N 3. P. 164–169. (In Russ.)
8. Mitin A. A. Ways to optimize the interaction of leftist youth organizations with the state and civil society institutions // Bulletin of KemGU [Vestnik KemGU]. 2013. N 1 (53). P. 119–123. (In Russ.)
9. Nikitin A. S., Gimazova Yu. V. The value factor of the development of regional management teams // Civil Service [Gosudarstvennaya sluzhba]. 2018. Vol. 20. N 2. P. 8–16. (In Russ.)
10. Nikovskaya L. I. On the problem of formation of consolidation of Russian society: the view of a conflictologist // Local law [Mestnoe pravo]. 2022. N 3. P. 45–50. (In Russ.)
11. Novikova O. V. Effective model of interaction between the state and civil society in modern Russia: formation of a structural and institutional consensus // PAGES Bulletin [Vestnik PAGES]. 2009. P. 48–53. (In Russ.)
12. Omelchenko N. A., Gimazova Yu. V. On Democratic idolatry, the chimeras of Russian Political liberalism and Democracy in Russia // Sociodynamics [Sociodinamika]. 2013. N 9. P. 153–182. (In Russ.)
13. Reznik Yu. M. Modern civil society: main problems and approaches to study [Electronic resource] // Eurasianism — the future of Russia: dialogue of cultures and civilizations. Reflections before the conference. URL: www.nasledie.ru/ipravo/20_10/21_2/h1.html (accessed: 23.12.2024).

14. Rukina I. M., Anfimova A. Y. Foreign agents as a factor in the destruction of state sovereignty // Bulletin of the Russian Academy of Sciences [Vestnik RAEN]. 2017. Vol. 17. N 1. P. 118–121. (In Russ.)
15. Ryabev V. V. On the issue of interaction between the state and civil society in modern Russia // Journal of Sociology and Social Anthropology [Zhurnal sociologii i social'noj antropologii]. 2005. Vol. VIII. N 2. P. 5–21. (In Russ.)
16. Sungurov A. Y. Models of interaction between public authorities and civil society structures: Russian experience [Electronic resource]. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Sungurov_modeli.pdf (accessed: 05.11.2024).
17. Tikhovodova A. V. The relationship between the state and civil society: a review of conceptual models // Bulletin of VGAVT [Vestnik VGAVT]. Section VI. Philosophy. Society. Culture. Is. 44. 2015. P. 222–230. (In Russ.)
18. Shirinov D. D. Non-governmental non-profit organizations in the system of civil society institutions // Tashkent State Law University [Tashkentskij gosudarstvennyj yuridicheskij universitet]. 2020. N 2 (28). P. 71–72. (In Russ.)
19. Shkirchak S. I. On the issue of models of interaction between state power and civil society // Scientific Bulletin. A series of Stories. Political science. Economy. Computer science [Nauchnye vedomosti. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika]. 2013. N 22. Is. 28. P. 179. (In Russ.)
20. Yakimets V. N. Co-participation, dialogue, feedback and trust in solving socially significant problems — an imperative for a solidary civil society // Local law [Mestnoe pravo]. 2022. N 3. P. 33–44. (In Russ.)
21. Baker W., Inglehart R. Modernization, Cultural Change and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2020. Vol. 65 (1). P. 19–51.
22. Belyaeva N. Yu., Proskuryakova L. N. Civil Society Diamond. Civic Civil Society Index — Shortened Assessment Tool Report for the Russian Federation. Moscow : International Public Foundation «Interlegal». 2008. 130 с.
23. Meynhardt T. Public Value is Knowable, Public Value Creation is Not // Administration & Society. 2021. № 53 (10). P. 1631–1642.
24. Uldanov A., Jakubiak L., Ait el Caid H. Protest Public as the “Triggers” of Political Changes in Hybrid Regimes: the Cases of Tunisia, Morocco, and Egypt // Societies and Political Orders in Transition. 2019. P. 233–257.
25. Yazici A. M., Öztirak M. The Mediator Role of the Organizational Culture in the Relationship between Charismatic Leadership and Corporate Reputation // Organizacija. 2023. N 56 (3). P. 247–264.

About the author:

Yulia V. Batalova, Dissertation Defense Organization Department of Postgraduate and Doctoral Studies Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow, Russia), Candidate of Political Sciences, Associate Professor, 3j@mail.ru

О стратегии реализации политики импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации

Каранатова Л. Г., Елсуков М. Ю. *

Северо-Западный институт управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); *elsukov-my@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматриваются вопросы разработки политики в сфере импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета. Рассматриваются предпосылки возникновения необходимости их решения. Санкционное давление на экономику России привело к уходу с отечественного рынка инвесторов из государств, которые проводят недружественную политику в отношении Российской Федерации. Это в свою очередь привело к разрыву экономических и технологических связей. Заставило искать замену импортируемым товарам из этих стран, реализовывать политику импортозамещения. Дальнейшая эскалация санкционного давления потребовала разработки и реализации политики обеспечения технологического суверенитета. Это потребовало по-новому взглянуть на вопросы инновационного развития. В России есть опыт реализации политики, направленной на построение инновационной экономики. На основе ее анализа, сделаны выводы о рисках обеспечения инновационного развития путем заимствования иностранных технологий, необходимости реализации политики технологического развития с опорой на собственные ресурсы. В статье рассматриваются Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации и Концепция технологического развития на период до 2030 года как документы стратегического планирования, связанные с реализацией политики в сфере импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета. В статье рассмотрены проблемы функционирования системы стратегического планирования, предложены подходы согласования стратегии обеспечения технологического развития с отраслевыми стратегиями и стратегией пространственного развития. Предложены и сопоставлены варианты проведения этих согласований.

Ключевые слова: импортозамещение, технологический суверенитет, санкции, инновационная экономика, стратегия, концепция, стратегическое планирование, отрасль, пространственное развитие

Для цитирования: Каранатова Л. Г., Елсуков М. Ю. О стратегии реализации политики импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации // Управленческое консультирование. 2025. № 1. С. 23–33.

On the Strategy for Implementing the Import Substitution Policy and Ensuring Technological Sovereignty of the Russian Federation

Larisa G. Karanatova, Mikhail Y. Elsukov*

North-West Institute of Management, RANEPa (Saint Petersburg, Russian Federation); *elsukov-my@ranepa.ru

ABSTRACT

The article examines the issues of developing a policy in the field of import substitution and ensuring technological sovereignty. The prerequisites for the emergence of the need to solve them are considered. Sanction pressure on the Russian economy led to the departure of investors from the domestic market from states that pursue an unfriendly policy towards the

Russian Federation. This, in turn, led to the rupture of economic and technological ties. It forced us to look for a replacement for imported goods from these countries, to implement an import substitution policy. Further escalation of sanctions pressure required the development and implementation of a policy to ensure technological sovereignty. This required a new look at the issues of innovative development. Russia has experience in implementing a policy aimed at building an innovative economy. Based on its analysis, conclusions are made about the risks of ensuring innovative development by borrowing foreign technologies, the need to implement a technological development policy based on our own resources. The article considers the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation and the Concept of Technological Development for the period up to 2030 as strategic planning documents related to the implementation of policies in the field of import substitution and ensuring technological sovereignty. The article considers the problems of the functioning of the strategic planning system, proposes approaches to coordinating the strategy for ensuring technological development with industry strategies and the strategy of spatial development. Options for carrying out these agreements are proposed and compared.

Keywords: import substitution, technological sovereignty, sanctions, innovative economy, strategy, concept, strategic planning, industry, spatial development

For citation: Karanatova L. G., Elsukov M. Y. On the Strategy for Implementing the Import Substitution Policy and Ensuring Technological Sovereignty of the Russian Federation // Administrative consulting. 2025. N 1. P. 23–33.

Введение

В первые годы реформ приоритетные цели и задачи государственной экономической политики в России были связаны с проведением общего курса, направленного на включение российской экономики в систему международных экономических отношений. Упор делался на международную кооперацию, привлечение иностранных инвестиций, выход российского бизнеса на зарубежные рынки. Это формировало общую иллюзию развития сотрудничества с зарубежными странами, которое выстраивается по существующим правилам на взаимовыгодной основе. Однако в силу геополитических амбиций по мнению стран так называемого коллективного Запада во главе с США развитие международных отношений должно быть подчинено удовлетворению интересов исключительно одной стороны. На всем протяжении трех десятилетий реформ Российская Федерация сталкивалась с двойными стандартами поведения тех государств, которые рассматривались в нашей стране как важные партнеры в международном экономическом сотрудничестве. В итоге эта политика привела к прямому игнорированию странами Запада ценностей государственного суверенитета Российской Федерации.

Моментом надлома стали события 2014 г.: государственный переворот на Украине, опасность выхода к российским государственным границам военных баз НАТО, прямая угроза обеспечения национальной безопасности России. Реакцией на эти события стал референдум о выходе из состава Украины Республики Крым и города Севастополь, включение их в состав Российской Федерации. После 2014 г. в отношении России были введены беспрецедентные санкции. Возникшие к этому времени экономические связи с Российской Федерацией недружественными странами стали разрываться в одностороннем порядке. Ответными шагами России стали не только точечные меры контрсанкций, но и проведение на системной основе политики импортозамещения. В результате ухода иностранного бизнеса из России стали разрушаться производственные связи, российские предприятия стали ощущать дефицит импортных комплектующих, исчезла возможность напрямую поставлять свою продукцию на зарубежные рынки недружественных стран. В реализацию политики импортозамещения ока-

зались вовлечены практически все отрасли народного хозяйства. Возможность получения дефицитной в России продукции частично осталась за счет сотрудничества со странами, которые сохранили с Россией дружественные связи. Но большую часть проблем приходится решать собственными силами.

Необходимость опираться преимущественно на собственные ресурсы стала очевидной после начала Специальной военной операции в 2022 г. Таким образом политика импортозамещения трансформировалась в политику обеспечения технологического суверенитета, которая была провозглашена и сформулирована Президентом России В. В. Путиным в июне 2022 г. на Пленарном заседании XXV Петербургского международного экономического форума: «Сквозной, объединяющий нашу работу принцип развития — это достижение настоящего технологического суверенитета, создание целостной системы экономического развития, которая по критически важным составляющим не зависит от иностранных институтов»¹.

Таким образом, о достижении целей политики импортозамещения можно говорить только тогда, когда национальная экономика располагает технологическим суверенитетом. Если решение вопросов импортозамещения можно рассматривать в контексте внесения корректив в текущую работу органов государственной власти, то достижение целей политики обеспечения технологического суверенитета предполагает реализацию соответствующей стратегии, ориентированной на долгосрочную перспективу, внесения корректив в документы стратегического планирования Российской Федерации.

Методы и принципы исследования

Неудивительно, что вопросы импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета стали одной из наиболее обсуждаемых тем у российской научной общественности. Так, рассматриваются проблемы непосредственного влияния санкций на обеспечение технологического суверенитета отдельных отраслей и сфер экономики [8; 9 и др.]. Заслуживают внимания работы, посвященные теме влияния санкций и политики по обеспечению технологического суверенитета на стратегию развития и структурные изменения экономики России [4; 6 и др.]. Важной стала тема выстраивания политики импортозамещения в отношении стран, проводящих дружественную и недружественную политику, установления баланса внешнеэкономических связей, не допускающего изоляцию России из новой системы организации внешнеэкономических связей [6; 7 и др.]. Представляет исследовательский интерес позиция авторов, рассматривающих инвестиционный потенциал региона в качестве фактора достижения технологического суверенитета в ключевых отраслях экономики России [2 и др.]. В целом можно согласиться с мнением, что изучение политики обеспечения технологического суверенитета формирует новое направление исследований, которое требует осмысления в общей системе научных знаний [1; 2; 5 и др.].

Обобщая результаты работ современных исследователей, методология разработки стратегии импортозамещения и технологического суверенитета может быть основана на основе следующих подходов.

Первым заслуживает упоминания подход, основанный на принципах протекционизма. Практика его применения насчитывает несколько столетий. К нему всякий раз возвращаются, столкнувшись с проблемами необходимости структурных преобразований и адаптации к изменяющимся условиям развития эко-

¹ Пленарное заседание XXV Петербургского международного экономического форума. 17 июня 2022 года. Президент Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/68669> (дата обращения: 01.10.2024).

номики. В целях защиты национальной экономики с позиции протекционизма предполагается применение различных запретов и ограничений, налоговых мер, введения таможенных пошлин, квотирование и пр. В целом данный подход предусматривает ужесточение государственного регулирования и усиление государственного контроля.

Второй подход предполагает развитие ресурсной базы и структурных преобразований национальной экономики за счет наиболее конкурентоспособных отечественных производств. В данном случае предусматривается максимальное использование преимуществ отдельных наиболее развитых отраслей народного хозяйства для формирования ресурсной базы развития тех отраслей и сфер, которые этими преимуществами изначально не располагают, но благодаря мерам государственной поддержки приобретут.

Третий подход предусматривает структурные преобразования экономики для защиты национальных интересов, ориентированные на продвижение инноваций и достижения конкурентных преимуществ в технологической сфере. Отличие данного подхода от вышеупомянутых заключается в том, что если в первых двух случаях достижение целей стратегии импортозамещения и технологического суверенитета предполагает обеспечение независимости национальной экономики, ориентируясь на текущий уровень научно-технического развития, то третий подход для достижения указанных целей предполагает приобретение технологического лидерства в стратегически значимых отраслях экономики, получение в этих отраслях абсолютных преимуществ.

Именно этот, назовем его инновационно ориентированный, подход в наибольшей степени соответствует масштабам задач обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации.

Результаты

В 2009 г. на тот момент Президент России Д. А. Медведев провозгласил тезис о необходимости смены сырьевой модели развития российской экономики на инновационную¹. Были обозначены задачи, по своему масштабу и содержанию сопоставимые с теми, которые требуют обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации. Впоследствии они были конкретизированы в Стратегии инновационного развития, которая была утверждена в 2011 г. и рассчитана до 2020 г.²

Результаты ее реализации подверглись критике³ [2 и др.]. Изначально поставленные генеральные цели Стратегии не были достигнуты. Это было связано с рядом объективных причин. Часть периода действия Стратегии совпала с радикально изменившимися условиями ее реализации после 2014 г. В Стратегии предусматривались механизмы, предполагающие привлечение инноваций за счет иностранных инвестиций. Так, в отрасли автомобилестроения действовали соглашения, по которым иностранным инвесторам предусматривалось предоставление на определенных условиях льгот⁴. В обмен на это инвесторы брали на себя обязательства по нара-

¹ Медведев Д. А. Россия, вперед! 10.09.2009 // Президент Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/5413> (дата обращения: 01.06.2024).

² Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года : Распоряжение Правительства РФ от 08.12.2011 № 2227-р (ред. от 18.10.2018).

³ Медовников Д. «Стратегия инновационного развития» провалилась. 22 июля 2020. Сетевое издание Ведомости <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2020/07/22/835097-strategiya-innovatsionnogo> (дата обращения: 01.10.2024).

⁴ Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации на период до 2020 г. : Приказ Минпромторга РФ от 23.04.2010 № 319.

щиванию объемов производства продукции и повышению уровня локализации, созданию или модернизации центров НИОКР. Такого рода соглашения имели долгосрочный характер и приносили ощутимые для российской экономики результаты, что вселяло уверенность в достижимости поставленных целей. Аналогичные проекты реализовывались и в других отраслях. Развить данные успехи не удалось. Заложенный в Стратегии инновационного развития эволюционный путь построения инновационной экономики был оборван в 2014 г. Иностранные инвесторы по политическим мотивам в массовом порядке были вынуждены покинуть Россию¹.

Критика результатов Стратегии инновационного развития имела и более глубокие основания.

Во-первых, сотрудничество с зарубежными инвесторами, по примеру автопрома, отнюдь не гарантирует построение инновационной экономики. Результатом такой политики может стать приведение в соответствие с международными стандартами организации производства в России и это позволяет говорить только о модернизации отдельных отраслей.

Во-вторых, опыт свидетельствует, что иностранные инвесторы крайне неохотно делятся имеющимися у них технологиями: используют способы формального выполнения условий по локализации, пытаются ограничиться переносом производства, не представляющего ценность на рынке технологий².

В-третьих, критику вызывает эффективность работы российских проектов по созданию и продвижению инноваций³.

После 2014 г. внимание со Стратегии инновационного развития переключилось на государственную программу «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»⁴. Именно в этот документ в первую очередь вносились поправки, вызванные реализацией принятой политики по импортозамещению. Они касались как цели, так и самого понятия «импортозамещение». Так, в качестве рабочего использовалось его понимание как создание современных производств, которые могут конкурировать с иностранными компаниями и выпускать товары, которые вытеснят зарубежные аналоги. После 2022 г. такое толкование уже утратило прежний смысл. В новых условиях возникла необходимость не только уточнения понятий, но и в целом корректировка реализуемой политики в данной области. Дальнейшее развитие в данном направлении происходит уже исходя из принципов политики обеспечения технологического суверенитета.

В 2023 г. Правительством Российской Федерации утверждена «Концепция технологического развития на период до 2030 года»⁵, а в 2024-м «Стратегия научно-

¹ Колесова М. General Motors ушел из России. Какие заводы были, какие авто выпускались. 20 апреля 2022. Autonews [Электронный ресурс]. URL: <https://www.autonews.ru/news/625fe0239a79470b09525f13> (дата обращения: 01.06.2024).

² Распопова А. Двигатели должны производиться в России. Минпромторг намерен обязать производить двигатели и коробки передач в России. Газета.Ру. Главные новости дня. АвтоРынок. 21.10.2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.gazeta.ru/auto/2016/10/20_a_10261799.shtml (дата обращения: 01.06.2024).

³ Лебедев С. Импортозамещение не удалось: чем все эти годы занимались в Сколково? 03.10.2022. Правда.Ру [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.ru/society/1755151-skolkovo/> (дата обращения: 01.06.2024); Васильев А. Громкий прожект или реальная наука: чего за 12 лет добился проект «Сколково». 18.04.2022 Банки сегодня. Информационно-аналитическое финансовое издание [Электронный ресурс]. URL: <https://bankstoday.net/last-articles/gromkij-prozhekt-ili-realnaya-nauka-chego-za-12-let-dobilysya-proekt-skolkovo> (дата обращения: 01.06.2024) и др.

⁴ Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»: Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 328 (ред. от 29.10.2024).

⁵ Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года»): Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-п (ред. от 21.10.2024).

технологического развития Российской Федерации»¹. Обращает на себя внимание то, что в утвержденной Указом Президента Российской Федерации Стратегии отсутствует упоминание о сроках ее действия. Это свидетельствует о долгосрочном характере реализуемой политики в сфере научно-технологического развития, в центре внимания которой находятся цели обеспечения технологического суверенитета.

После принятия Стратегии в Концепцию были внесены некоторые коррективы. Но не существенные, не меняющие общего содержания первоначальной версии документа. Таким образом, на ближайшую перспективу до 2030 г. в этом документе утверждаются основные положения, цели и механизмы политики импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета.

В первых разделах рассматриваются основные понятия, которыми оперирует документ, вызовы и этапы, принципы, цели и индикаторы технологического развития Российской Федерации. Следует отметить значительный перечень терминов, которые представлены в Концепции. Это неудивительно, поскольку необходимость ее разработки была вызвана принципиальными изменениями, произошедшими в данной сфере, обновлением арсенала методов достижения принципиально новых целей.

Так, под импортозамещением понимается создание новых или развитие действующих производств, способных заместить импортируемые товары, услуги и технологии. Здесь же указывается, что оно осуществляется либо путем локализации, либо путем «переориентации трансграничных производственных цепочек на устойчивых (надежных) поставщиков».

Технологический суверенитет подразумевает наличие в Российской Федерации «критических и сквозных технологий собственных линий разработки и условий производства продукции на их основе», которые устойчиво позволяют реализовывать национальные интересы, достигать собственные цели развития. Указывается, что он обеспечивается в двух формах: в форме исследований, разработки и внедрения критических и сквозных технологий; и в форме производства высокотехнологичной продукции, которое основано на указанных технологиях. Следует отметить, что в определении технологического суверенитета особо отмечается возможность его реализации на основе устойчивого международного научно-технического сотрудничества с дружественными странами.

При рассмотрении технологического суверенитета упоминаются критические и сквозные технологии. Они занимают особое место в документе. В первом случае речь идет об отраслевых технологиях, которые критически необходимы «для производства важнейших видов высокотехнологичной продукции и создания высокотехнологичных сервисов, имеющие системное значение для функционирования экономики, решения социально-экономических задач и обеспечения обороны страны и безопасности государства». Во втором случае подразумеваются межотраслевые технологии, «обеспечивающие создание инновационных продуктов и сервисов и оказывающие существенное влияние на развитие экономики, радикально меняя существующие рынки и (или) способствуя формированию новых рынков». Эти технологии «определяют перспективный облик экономики и отдельных отраслей в течение ближайших 10–15 лет».

Анализ текущего положения говорит о наступлении после 2022 г. нового этапа технологического развития. Целями государственной политики на этом этапе должны стать:

- 1) обеспечение национального контроля над воспроизводством критических и сквозных технологий;

---

¹ О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации : Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402280003> (дата обращения: 02.12.2024).

- 2) переход к инновационно ориентированному экономическому росту, усиление роли технологий как фактора развития экономики и социальной сферы;
- 3) технологическое обеспечение устойчивого функционирования и развития производственных систем.

В документе представлены показатели и механизмы достижения указанных целей.

В Концепции отдельный раздел посвящен приоритетным проектам в ключевых отраслях экономики (проекты технологического суверенитета). Устанавливаются требования к данным проектам, и при условии их выполнения они могут приобрести статус «проектов технологического суверенитета». Вопросы порядка организации работы данных проектов утверждаются отдельным постановлением Правительства Российской Федерации¹.

В Концепции определяется роль субъектов Российской Федерации и международного научно-технического сотрудничества в ускорении технологического развития страны.

В целом документ полностью соответствует вызовам времени. Он подготовлен с учетом накопленного опыта государственной политики научно-технического и инновационного развития. Его содержание в части стратегических ориентиров формирования основ инновационной экономики созвучно со Стратегией инновационного развития, которая была утверждена в 2011 г. Однако радикально отличается по содержанию разделов, посвященных целям и механизмам реализации, и принципиально по вопросам обеспечения технологического суверенитета Российской Федерации.

Обсуждение

Нельзя не согласиться, что в настоящее время наступает новый этап научно-технологического развития Российской Федерации. Он обусловлен необходимостью защиты национального суверенитета нашей страны, что невозможно без наличия технологического суверенитета. Это накладывает особую ответственность в осуществлении мероприятий, которые будут реализовываться в соответствии с требованиями Стратегии научно-технологического развития и Концепции технологического развития. Но выполнение этих мероприятий в отрыве от прочих, связанных с обеспечением социально-экономического развития нашей страны, не принесет должных эффектов, не приведет к достижению целей, поставленных в вышеупомянутых документах.

Реализация государственной политики научно-технологического развития осуществляется в общем комплексе работ системы стратегического планирования Российской Федерации, которая существует начиная с 2014 г. в соответствии с требованиями принятого тогда закона².

---

¹ Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации, о представлении сведений о проектах технологического суверенитета и проектах структурной адаптации экономики Российской Федерации и ведении реестра указанных проектов, а также о требованиях к организациям, уполномоченным представлять заключения о соответствии проектов требованиям к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации : Постановление Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 (ред. от 06.11.2024).

² О стратегическом планировании в Российской Федерации : Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ (ред. от 13.07.2024).

В законе о стратегическом планировании представлена системная взаимосвязка документов, обеспечивающих социально-экономическое развитие Российской Федерации. Этот документ стал первым в новейшей истории нашей страны, в котором была поставлена и решена столь сложная задача. Он устранил проблемы несогласованной работы федеральных, региональных и муниципальных органов власти.

Система документов стратегического планирования на каждом уровне управления предусматривает разработку документов целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования. В первоначальной редакции закона на первом этапе работы предполагается подготовка документов целеполагания. Именно к этой группе документов относятся Стратегия научно-технологического развития и Концепция технологического развития. Главной задачей этих документов является установление целей государственной политики в соответствующей сфере. Законом предусматривается подготовка стратегий отдельных отраслей и документов, предусматривающих развитие территории Российской Федерации, в том числе — Стратегия пространственного развития Российской Федерации. На следующем этапе разрабатываются документы прогнозирования. Их функция, в первоначальной редакции закона — определить наиболее эффективные пути достижения целей, указанных в документах целеполагания. Завершают цикл подготовки документы планирования и программирования, в которых уже составляются планы деятельности соответствующих органов власти, утверждаются к финансированию из бюджета государственные программы. Эта логика повторяется на региональном и муниципальном уровне управления.

Опыт работы системы стратегического планирования показал недостаточную ее эффективность. Одной из причин этого было признано нарушение логики подготовки документов. Устанавливаемые зачастую, по сути, директивным образом цели в документах целеполагания не всегда достигались. Развитие ситуации на практике сильно отличалось от того положения, которое было взято за основу в стратегиях, концепциях и доктринах. Тем более, что принят был закон в 2014 г. и его применение на практике совпало с последующими затем известными событиями вокруг нашей страны.

Очевидно, что утверждению документов целеполагания должна предшествовать подготовка соответствующих прогнозов, в которых есть возможность учитывать возможные риски и предлагать различные сценарии развития ситуации. На этой основе уже можно более взвешенно разрабатывать документы целеполагания, предлагать различные варианты, чтобы на их основе, в случае наступления негативных или позитивных сценариев, своевременно вносить правки в документы планирования. Например, сдвигая сроки достижения поставленных целей.

Этот недостаток был признан и устранен соответствующим Указом Президента от 08 ноября 2021 г.¹ В настоящее время последовательность работ должна выглядеть следующим образом. Сначала разрабатываются прогнозы. Далее на их основе документы целеполагания. Затем — планирования и программирования.

Указом вводится еще один элемент работы системы стратегического планирования. Это мониторинг и контроль. Его осуществление Указом оставлено за Президентом. Это было вызвано большим количеством подготовленных документов. И особенно это касается стратегий развития отраслей. Результаты реализации заложенных в документы стратегического планирования мероприятий требуют комплексной оценки, своевременной корректировки и взаимного согласования.

¹ Об утверждении Основ государственной политики в сфере стратегического планирования в Российской Федерации : Указ Президента РФ от 08.11.2021 № 633.

Очевидно, что достижение целей Стратегии научно-технологического развития и Концепция технологического развития существенно повысится в том случае, если вместе с тем будет проводиться работа по совершенствованию системы стратегического планирования. Особенно следует обратить внимание на согласование и детализацию положений целей проводимой политики по достижению технологического суверенитета в вопросах согласования отраслевого и регионального стратегического планирования.

Это может идти по пути четкого перечисления регионов, которые имеют стратегическое значение для реализации проектов, обеспечивающих технологический суверенитет в отраслевых стратегиях. Второй путь — большая конкретизация в освещении данного круга вопросов в стратегии пространственного развития. Действующая на сегодня стратегия рассчитана до 2025 г.¹ В ней указаны отрасли специализации субъектов Российской Федерации, без указания тех отраслей, которые в конкретном регионе могут быть вовлечены в решение вопросов обеспечения технологического суверенитета. Проект Стратегии пространственного развития на период до 2030 г.² содержит перечень перспективных отраслей специализации, но в крайне обобщенном виде, в изложении без привязки к действующему перечню отраслей Общероссийского классификатора видов экономической деятельности³, в отношении федеральных округов, не по всему перечню субъектов Российской Федерации и без упоминания тех, что значимы для реализации политики достижения целей технологического суверенитета. Первый вариант видится более приемлемым. Тем более что его осуществление поможет найти критерии, по которым действительно требуется разработка отдельных отраслевых стратегий.

Заключение и выводы

Вызовы, которые брошены суверенитету Российской Федерации, требуют ответных мер. Для противодействия угрозам оказался необходимым кардинальный пересмотр приоритетов, целей и задач внешней и внутренней политики. Введение санкций в отношении нашей страны привело к разрыву экономических связей, потребовало замещения товаров импортного происхождения из недружественных стран на новые рынки, реализации политики импортозамещения. Дальнейшая эскалация санкционного давления привела к более широкой постановке вопросов обеспечения суверенитета Российской Федерации в сфере технологического развития.

Решение вопросов реализации политики технологического суверенитета невозможно вне контекста инновационного развития. В Российской Федерации есть опыт разработки и реализации политики формирования инновационной экономики. Его изучение позволяет извлечь уроки и избежать ошибок при решении текущих актуальных проблем. В настоящее время утверждены Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации и Концепция технологического развития на период до 2030 г., которые являются основой реали-

¹ Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года : Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 30.09.2022).

² Материалы парламентских слушаний «Об основных положениях проектируемой стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года». Москва, 2024 год. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <http://council.gov.ru/media/files/cvSAdA1kZhZ3v4kYylsic|JcblrwAH3nj.pdf> (дата обращения: 30.10.2024).

³ ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности : Приказ Росстандарта от 31.01.2014 № 14-ст (ред. от 11.10.2024).

зации политики импортозамещения и технологического суверенитета, являются документами целеполагания системы стратегического планирования.

Эффективность мероприятий в области технологического развития требует согласования с прочими документами стратегического планирования, особенно отраслевыми стратегиями и стратегиями социально-экономического развития Российской Федерации. Эти согласования происходят в условиях совершенствования системы стратегического планирования и рассмотрение этих вопросов в контексте решения проблем импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета могут позволить найти основу для устранения противоречий в организации стратегического планирования Российской Федерации.

Литература

1. *Андреев В. Н.* Управление технологическим капиталом машиностроительных предприятий в условиях обеспечения суверенитета отечественной промышленности : автореф. дис. ... д-ра экон. наук. ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет». М., 2024. 46 с.
2. *Волкова Н. Н., Романюк Э. И.* Вклад регионов в технологический суверенитет страны: использование возможностей статистического анализа // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2024. № 6. С. 93–115.
3. *Дудин М. Н.* Инновационный вектор развития национальной экономики как стратегический приоритет структурных преобразований в российской народнохозяйственной сфере : монография. М. : Русайнс, 2017. 185 с.
4. *Квинт В. Л., Новикова И. В., Алимуратов М. К., Сасаев Н. И.* Стратегирование технологического суверенитета национальной экономики // Управленческое консультирование. 2022. № 9(165). С. 57–67.
5. *Ковалев С. Г.* Технологическая суверенность России в новейшем мировом порядке // Философия хозяйства. 2020. № 6(132). С. 29–47.
6. *Константинов И. Б., Константинова Е. П.* Технологический суверенитет как стратегия будущего развития российской экономики // Вестник Поволжского института управления. 2022. Т. 22. № 5. С. 12–22.
7. *Оруч Т. А.* Развитие методологии и инструментария процессов импортозамещения технологических инноваций промышленных предприятий России : дис. ... д-ра экон. наук. Самара, 2023. 414 с.
8. *Шинкевич А. И., Галимулина Ф. Ф.* Трансформация подходов к эффективности промышленных систем в эпоху технологического суверенитета : монография. Казань : [б. и.]; Курск : Университетская книга, 2023. 103 с.
9. *Шкодинский С. В., Продченко И. А.* Влияние санкций на технологический суверенитет России // Проблемы рыночной экономики. 2022. № 2. С. 75–96.

Об авторах:

Каранатова Лариса Геннадиевна, декан факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; karanatova-ig@ranepa.ru

Елсуков Михаил Юрьевич, доцент кафедры экономики, факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат географических наук, доцент; elsukov-my@ranepa.ru

References

1. Andreev V. N. Managing the technological capital of mechanical engineering enterprises in the context of ensuring the sovereignty of the domestic industry: abstract of dis. ... Doctor of Economics: 5.2.3. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "National Research Moscow State University of Civil Engineering". Moscow, 2024. 46 p. (In Russ.)
2. Volkova N. N., Romanyuk E. I. The contribution of regions to the technological sovereignty of the country: using the capabilities of statistical analysis // Bulletin of the Institute of Economics

- of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Instituta e`konomiki Rossijskoj akademii nauk]. 2024. N 6. P. 93–115. (In Russ.)
3. Dudin M.N. Innovative vector of development of the national economy as a strategic priority of structural transformations in the Russian national economic sphere : monograph. Moscow : Rusains, 2017. 185 p. (In Russ.)
  4. Kvint V.L., Novikova I.V., Alimuradov M.K., Sasaev N.I. Strategizing technological sovereignty of the national economy // Administrative consulting. 2022. N 9(165). P. 57–67. (In Russ.)
  5. Kovalev S.G. Technological Sovereignty of Russia in the Newest World Order // Philosophy of Economy [Filosofiya xozyajstva]. 2020. N 6(132). P. 29–47. (In Russ.)
  6. Konstantinov I.B., Konstantinova E. P. Technological Sovereignty as a Strategy for the Future Development of the Russian Economy // Bulletin of the Volga Region Institute of Management [Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya]. 2022. Vol. 22. N 5. P. 12–22. (In Russ.)
  7. Oruch T.A. Development of the Methodology and Instrumentation of Import Substitution Processes of Technological Innovations of Industrial Enterprises of Russia. Dissertation for the degree of Doctor of Economics. Samara, 2023. 414 p. (In Russ.)
  8. Shinkevich A.I., Galimulina F.F. Transformation of Approaches to the Efficiency of Industrial Systems in the Era of Technological Sovereignty: monograph. Kazan : [b. i.]; Kursk : University Book, 2023. 103 p. (In Russ.)
  9. Shkodinsky S.V., Prodchenko I.A. The Impact of Sanctions on Russia's Technological Sovereignty // Problems of Market Economy [Problemy` ry`nochnoj e`konomiki]. 2022. N 2. P. 75–96. (In Russ.)

About the authors:

Larisa G. Karanatova, Dean of the Faculty of Economics and Finance, North-West Institute of Management, RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Economic Sciences, Professor; karanatova-ig@ranepa.ru

Mikhail Yu. Elsukov, Associate Professor of the Department of Economics, Faculty of Economics and Finance, North-West Institute of Management, RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation), Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor; elsukov-my@ranepa.ru

Организационно-экономические аспекты обеспечения информационной безопасности в логистических системах

Дмитриев А. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; dmitriev-av@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье обсуждаются вопросы обеспечения информационной и экономической безопасности, являющиеся одними из важнейших качественных характеристик логистических систем, определяющих способность соблюдать в процессе товародвижения установленные параметры материальных потоков при внедрении современных информационных систем и технологий. Проводится анализ современных рисков и угроз, характерных для развития цифровых экосистем транспортно-логистического обслуживания. Исследуются ключевые факторы обеспечения экономической безопасности и их значение в логистике с точки зрения обеспечения оперативного контроля за соблюдением установленных ключевых показателей товародвижения. Затрагиваются вопросы обеспечения параметров товародвижения в рамках установленных пороговых значений с целью достижения оптимальности функционирования товаропроводящей системы и обеспеченности хозяйственной деятельности предприятия всеми необходимыми ресурсами. Исследуются логистические системы на предмет эффективной организации и управления материальными потоками, направленных на обеспечение надежности функционирования и реализации стратегии хозяйственных субъектов. Обосновывается необходимость использования современных цифровых технологий для повышения уровня экономической безопасности в логистических системах и обеспечения прозрачности, контролируемости и прослеживаемости материальных потоков в сфере товародвижения. При этом сам факт цифровизации процессов доставки грузов рассматривается с позиции экосистемной парадигмы и платформенной концепции. Обосновываются закономерности трансформации традиционных логистических операторов в провайдеров цифровых логистических услуг. Разработана модель киберфизической экосистемы в логистике, обеспечивающей сквозное управление бизнес-процессами и обмена данными в процессе товародвижения.

Ключевые слова: информационная безопасность, экономическая безопасность, логистика, цифровые экосистемы, транспорт, цифровые технологии, цифровые платформы

Для цитирования: *Дмитриев А. В.* Организационно-экономические аспекты обеспечения информационной безопасности в логистических системах // Управленческое консультирование. 2025. № 1. С. 34–44.

Organizational and Economic Aspects of Ensuring Information Security in Logistics Systems

Alexander V. Dmitriev

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (North-West Institute of Management RANEPa), St. Petersburg, Russian Federation; dmitriev-av@ranepa.ru

ABSTRACT

The article discusses issues of ensuring information and economic security as one of the most important qualitative characteristics of logistics systems that determine the ability to ensure

the established parameters of material flows in the process of goods distribution when introducing digital systems and technologies. An analysis of modern risks and threats characteristic of the development of digital ecosystems of transport and logistics services is carried out. The key factors for ensuring economic security and their importance in logistics are examined from the point of view of ensuring operational control over compliance with established key indicators of product distribution. The issues of ensuring the parameters of commodity distribution within the established threshold values are touched upon in order to achieve optimal functioning of the commodity distribution system and ensure the economic activity of the enterprise with all the necessary resources. Logistics systems are studied for the effective organization and management of material flows, aimed at ensuring the reliability of operation and implementation of the strategy of economic entities. The necessity of using modern digital technologies to increase the level of economic security in logistics systems and ensure transparency, controllability and traceability of material flows in the field of commodity distribution is substantiated. At the same time, the very fact of digitalization of cargo delivery processes is considered from the perspective of the ecosystem paradigm and platform concept. The patterns of transformation of traditional logistics operators into providers of digital logistics services are substantiated. A model of a cyber-physical ecosystem in logistics has been developed, providing end-to-end management of business processes and data exchange in the process of goods distribution.

Keywords: information security, economic security, logistics, digital ecosystems, transport, digital technologies, digital platforms

For citing: Dmitriev A. V. Organizational and Economic Aspects of Ensuring Information Security in Logistics Systems // Administrative consulting. 2025. N 1. P. 34–44.

Введение

В современных экономических и технологических условиях информационная безопасность представляет собой важнейшую качественную характеристику в логистических системах, поскольку в последнее время все больше транспортно-логистических операций выполняется при посредстве информационных технологий. Как экономическая, так и информационная безопасность не только определяют функциональные возможности логистических систем по обеспечению установленных параметров материальных потоков в процессе товародвижения, но и формируют достаточный уровень обеспеченности предприятий и организаций ресурсами для осуществления ими своей хозяйственной деятельности.

Согласно общепринятому определению, безопасность — это, с одной стороны, защита субъекта от внешних и внутренних угроз, а с другой стороны, способность субъекта к стабильному функционированию в условиях противодействия негативному влиянию окружающей среды. Соответственно, экономическая и информационная составляющие представляют собой функциональные направления обеспечения безопасности хозяйствующих субъектов [1].

Поскольку в современном понимании логистику рассматривают как научную дисциплину и сферу практической деятельности, связанную с оптимизацией организационно-технологических и экономико-управленческих механизмов контроля материальных потоков, поэтому инструментарий логистики направлен на поддержание эффективного функционирования хозяйственной деятельности и реализации стратегических целей предприятия в области доведения продукции до конечного потребителя с наименьшими затратами.

Отсутствие налаженной и устойчивой системы экономической и информационной безопасности не позволит хозяйствующим субъектам обеспечить реализацию своей логистической стратегии, а также приведет к высокой степени вероятности потери конкурентных преимуществ на рынке.

При этом можно выделить целый ряд ключевых факторов обеспечения экономической и информационной безопасности, имеющих существенное значение в рамках проектирования и развития логистических систем (табл. 1).

Таблица 1

Ключевые факторы обеспечения экономической и информационной безопасности в логистических системах [1]
Table 1. Key factors for ensuring economic and information security in logistics systems [1]

Факторы	Значение
• Налаженные и упорядоченные правила и процедуры управления бизнес-процессами в логистике; • задокументированные правила внутреннего распорядка и ответственность за их соблюдение; • соблюдение техники безопасности на рабочих местах; • урегулирование претензий в досудебном порядке; • работа по единым стандартизированным технологиям; • применение специализированных закрытых цифровых сетей для обмена данными; • конфиденциальность, обеспечение и охрана коммерческой тайны; • профессиональная переподготовка сотрудников	• Обеспечение оперативного контроля за соблюдением установленных ключевых показателей товародвижения; • снижение риска противоправных действий должностных лиц; • повышение производительности труда, сокращение срывов графика работы; • сокращение количества рекламаций и штрафных санкций; • применение всеми субъектами цепи поставки единых форм документов и технологических решений; • предотвращение несанкционированного доступа к информации третьими лицами; • противодействие промышленному шпионажу и инсайдерским атакам; • усиление кадровой составляющей экономической безопасности

Материалы и методы

Одним из важнейших факторов повышения уровня экономической безопасности в области логистики следует считать применение современных цифровых информационных технологий в сфере товародвижения для обеспечения прозрачности и контролируемости материальных потоков в режиме онлайн [2; 10].

В последние годы платформенная концепция управления цифровыми экосистемами в транспортной логистике является уже широко применяемой формой организации бизнеса, которая обеспечивает существенно более высокий уровень конкурентоспособности на рынке по отношению к традиционной работе логистических операторов и трансформирует способ предоставления клиентам цифровых логистических услуг.

Учитывая вышесказанное, а также то, что общепринятая методика, применяемая ранее в логистике в течение долгого времени, предполагала достижение экономических результатов исключительно за счет деятельности только самого предприятия непосредственно и его ближайшего окружения в цепи поставки, в настоящее время и в перспективе ближайших лет будет доминировать цифровая парадигма транспортно-логистического обслуживания, основанная на использовании цифровой платформенной концепции и создающей необходимые предпосылки для формирования развитых экосистем, в которых множество вовлеченных субъектов создают высокий процент добавленной стоимости совмест-

но при условии создания высокозащищенной и устойчивой цифровой информационной инфраструктуры логистики.

Указанным тенденциям следует и авторский взгляд в публикации [4], направленный на анализ структурно-трансформационных процессов, обеспечивающих развитие сетевой телекоммуникационной конвергенции и расширение информационно-аналитического пространственного взаимодействия на различных уровнях, в том числе на уровне региона, государства и мировом уровне. Отмечаются достоинства от внедрения и интеграции цифровых платформенных решений в транспортную логистику отдельной страны, а также цифровых интегрированных платформ глобального охвата, что обеспечивается за счет преодоления временных и пространственных разрывов и барьеров при взаимодействии субъектов транспортно-логистических процессов.

В данном контексте ряд научных работ, таких как, например, «Государство как платформа», которое выполнено Центром стратегических исследований, рассматривают физических и юридических лиц в качестве приоритетных потребителей цифровых государственных услуг, когда все подключенные субъекты имеют возможность работать с универсальными базами данных, но с разграниченным уровнем доступа. При этом добавочный синергетический эффект для пользователей цифровых сервисов может быть достигнут благодаря использованию инновационных способов сетевой координации и контроля сетевого взаимодействия [5].

Результаты

Поскольку предоставление логистических услуг в цифровом виде и развитие киберфизических систем непосредственно зависят от уровня защищенности цифровой инфраструктуры товародвижения, в данном контексте целесообразно остановиться на анализе и оценке рынка услуг кибербезопасности по итогам 2023 г., опубликованного Фондом «Центр стратегических разработок» (ЦСР) [7].

Прежде всего, рассмотрим структурные показатели по объемам долей рынка на 2023 г. по категориям средств защиты информации (табл. 2).

Среднегодовые показатели темпа роста рынка кибербезопасности в России по итогам 2021 г. оцениваются более чем в 17%. Данное значение превышает прирост мировых показателей, которые хотя и были исторически довольно высоки, благодаря промышленно развитым странам в Западной Европе и Северной

Таблица 2

Объемные структурно-рыночные показатели в разрезе видов и категорий средств защиты цифровых данных

Table 2. Volumetric structural and market indicators by types and categories of digital data protection tools

Средства защиты цифровых данных	Доля рынка, %	Доля рынка, млрд руб.	Темп роста, %
1. Безопасность компьютерных сетей	45	61	20
2. Защита пользовательских данных	15	20	13
3. Средства защиты автоматизированных рабочих мест	13	18	17
4. Инфраструктурная безопасность	12	17	32
5. Защита пакетов прикладных программ и приложений	8	11	34
6. Защиты учетных записей пользователей	7	9	10

Рис. 1. Динамика и прогноз объема рынка кибербезопасности в России, млрд руб.

Fig. 1. Dynamics and forecast of the cybersecurity market size in Russia, billion rubles

Америке, однако в настоящее время в силу сформировавшейся за последние годы зрелости и насыщения, растут в меньшей степени (в среднем около 11% ежегодно). При этом, согласно прогнозам ЦСР, российский рынок кибербезопасности к 2026 г. может достичь показателя в 446 млрд руб. (рис. 1) [9].

Обсуждение

Приведенные выше результаты исследования Центра стратегических разработок «Прогноз развития рынка решений для информационной безопасности в Российской Федерации в 2022–2026 годах» интересны еще и тем, что в последнее время на конъюнктуру российского рынка кибербезопасности оказывает существенное влияние изменение геополитической обстановки, повлекшее в первом квартале 2022 г. массовый уход из России западных разработчиков и вендоров комплексных решений и средств информационной защиты, что предопределило существенную реструктуризацию рыночных долей в перспективе ближайших 5 лет.

По оценкам аналитического агентства ЦСР, с 2023 по 2027 г. объемные показатели российского рынка кибербезопасности должны вырасти не менее, чем в 2,5 раза. При этом, начиная с 2023 г., практически весь бюджет заказчиков на средства защиты информации в секторах B2G и B2B будет потрачен на продукцию российских вендоров, что даст возможность роста этой части рынка со 113 млрд руб. в 2021 до 446 млрд руб. в 2026 г.

Также на рынок кибербезопасности значительное влияние оказывает активная позиция регуляторов и органов власти в части необходимости импортозамещения (обеспечения технологической независимости) технических решений, связанных с обеспечением безопасного функционирования объектов критической информационной инфраструктуры [7].

В настоящее время неизбежность, объективность и долговременность цифровых трансформационных процессов практически во всех сферах деятельности предприятий и организаций не вызывает сомнений. Современная эра всеобщих реформ связана с изменением и приобретением инновационных феноменов, содержательно и по форме значительно отличающихся от прежних социально-политических и экономических отношений, технологических и энергетических решений, научно-педагогических и образовательных процессов, природоохранных и экологических мероприятий, а также в сфере обеспечения экономической безопасности транспортно-логистических операций.

Следует признать, что целеполагание будущего миропорядка и его отличительные черты будут иметь прямое отношение к дальнейшему всеобщему и повсеместному внедрению цифровых решений, обусловливаемых нарастающей модернизацией микроэлектроники, телекоммуникационных средств и информационных технологий [3].

Цифровые трансформационные процессы в приоритетных отраслях российской экономики должны осуществляться исключительно с использованием отечественных разработок, платформенных решений и сервисов, создаваемых на основе сквозных универсальных цифровых инструментов, к числу которых относятся:

- Big Data;
- 3D-printing;
- Internet of Things;
- Artificial Intelligence;
- Wireless connection;
- Robotics & Sensors;
- Quantum technologies;
- Blockchain;
- Augmented & Virtual Reality.

В своей общности перечисленные инструменты формируют модель киберфизической экосистемы в логистике (рис. 2), позволяющей формировать совокупность

Рис. 2. Модель киберфизической экосистемы в логистике [5]
Fig. 2. Model of the cyber-physical ecosystem in logistics [5]

интегрированных взаимодействий в системах «потребитель-поставщик» в функциональном логистическом контуре координации сквозных бизнес-процессов товародвижения и обмена данными о поставках на базе аналитики больших данных о характеристиках товаров и сведений о грузовладельцах для принятия обоснованных и оперативных решений в онлайн-режиме [2].

Однако следует признать, что процессам всеобщей цифровой трансформации присущ ряд серьезных рисков и угроз, в частности, большое количество автоматизированных транспортно-складских операций в логистике приведет к замене рабочих мест роботами, что может вызвать массовую безработицу в рядах низко- и среднеквалифицированных сотрудников. А это, в свою очередь, может существенно снизить уровень жизни достаточно большой части работоспособного населения. Тем не менее эра цифровых преобразований, формирование которой происходит очень быстро, предопределяет в ближайшем будущем востребованность на кадровый потенциал высокой квалификации, а сотрудники будут привлекаться к выполнению функционала по контролю за функционированием роботов и поддержанию их устойчивой работы и жизнеспособности.

Транспортная логистика, в свою очередь, подвержена негативному влиянию целого спектра рисков и угроз внедрения современных цифровых инструментов (табл. 3).

Таблица 3

**Угрозы при внедрении цифровых инструментов
в транспортной логистике [5; 11]**

Table 3. Threats in the implementation of digital tools in transport logistics [5; 11]

Риски	Угрозы
Риски больших данных	Нарушение конфиденциальности данных; неоптимальная система сбора и хранения больших данных; частичная или полная утрата данных вследствие ошибок обработки; обработка больших данных не дает результата для аналитиков; неготовность к переменам со стороны персонала и руководства
Риски промышленного интернета	Внедрение вредоносного программного обеспечения, перехват управления устройствами, разрушение и воровство устройств; уязвимости программного обеспечения; DDoS-атаки на вычислительную систему; сбой системы, сети, устройств в результате потери электропитания и других техногенных и природных факторов
Риски искусственного интеллекта и роботизации	Недостаток машинных мощностей для решения задач; вытеснения рабочей силы искусственным интеллектом; ошибки в обучении искусственного интеллекта и внедрении робототехники; уязвимость робототехники (программа, калибровка, контроллеры); большинство людей предпочитают человеческий контакт
Риски распределенного реестра	Блокировка и потеря средств из-за уязвимости кода или заикливания смарт-контракта; утечка персональных данных; атаки на узлы отправки и получения транзакций; захват контроля благодаря доминирующим вычислительным мощностям; отсутствие нормативного регулирования

Согласно статистическим данным, на начало 2023 г. на 65% возросло общее количество кибератак на Россию. Фиксируется 15-кратное повышение количества кибератак на российские сервисы. Нейтрализовано около 25 000 кибератак на государственные цифровые ресурсы. Приблизительно 1200 кибератак были направлены на объекты критической инфраструктуры (энергоснабжения, водоснабжения, экологического мониторинга, транспорта и прочих ключевых систем, обеспечивающих жизнедеятельность населения) [6].

На морском транспорте на смену используемым ранее обычным системам, отвечающим за безопасность и оповещение об авариях и бедствиях, пришли локальные полноценные цифровые сети, основанные на использовании облачных технологий, в частности, программное обеспечение, управляющее электронной навигацией. Указанные сети стали довольно заманчивой целью для хакерских атак, так как их работа направлена на постоянный сбор, интегрирование и анализ бортовой информации для отслеживания местоположения судна, данных о грузовых местах, технических вопросов, а также целого ряда проблем, связанных с судовождением в различных местах мирового океана и прибрежных акваториях.

С похожими ситуациями сталкивается и железнодорожный транспорт. На смену обычным проводным системам управления движением поездов, которые были довольно сильно ограничены в возможностях информационного обмена с внешней средой, приходят беспроводные стандарты, обеспечивающие работоспособность широких сетей, объединяющих грузовые и пассажирские поезда с пультами управления железнодорожным движением дежурного по станции. А это тоже может быть привлекательной мишенью для кибератак.

С целью нейтрализации перечисленных выше рисков и угроз необходимо во все большей степени внедрять цифровые экосистемы в транспортной логистике, которые будут предусматривать в своей инфраструктуре комплекс современных информационных систем и технологий, имеющих потенциальную полезность для бизнеса и общества, а также позволяющих существенно повысить эффективность бизнес-процессов в транспортной логистике.

Изображенные в табл. 4 цифровые информационные технологии, используемые в экосистемах транспортной логистики, обеспечивают доступность по цело-

Таблица 4

**Современные цифровые информационные технологии
в экосистемах транспортно-логистического обслуживания [5]**

Table 4. Modern digital information technologies in transport
and logistics service ecosystems [5]

Активно работают	Предполагаются к внедрению	Перспективные
• Развитие продаж через Интернет (электронная торговля); • омниканальность (работа с заказчиками через все возможные каналы); • мобильный доступ к корпоративным информационным системам	• Настройка производства под конкретные заказы; • анализ и прогноз поведения заказчиков; • цифровое проектирование и моделирование	• Использование технологии «блокчейн» для защиты информации; • применение криптовалют для взаиморасчетов; • внедрение Интернета вещей для автоматического управления производством; • искусственный интеллект для автоматизации принятия решений

му ряду показателей контроля и мониторинга: сообщения о нештатных событиях; контроль температуры скоропортящихся грузов; обеспечение работы сенсоров и датчиков; определение времени в пути, возможных задержек, длительности стоянок и даты прибытия к месту назначения; определение местоположения транспорта, навигация и маршрутизация; расчет времени погрузочно-разгрузочных работ.

Заключение

Для устранения проблемных вопросов, связанных с безопасностью экосистемных решений в транспортной логистике, требуется использовать цифровые информационные сервисы, имеющие следующие достоинства: усиление результативности логистических бизнес-процессов в части перемещения и доставки грузовых партий; выполнение требований по срочности текущих перевозок и интегрированное планирование последующих транспортировок; уменьшение доли поврежденных или похищенных грузов в процессе перемещения; быстрая реакция на нештатные события и ситуации; контроль состояния товаров в процессе транспортировки и мониторинг отгрузок.

Таким образом, развитие рынка информационной безопасности России в контексте нейтрализации угроз внедрения цифровых инструментов в транспортно-логистических системах является ключевым для сохранения технологического суверенитета страны. В условиях продолжающейся цифровизации всех отраслей экономики, в частности, промышленности и транспортно-логистического комплекса, именно усиление информационной безопасности позволит обеспечить контроль над суверенными цифровыми активами и системами управления товародвижением.

В то же время, поскольку до 2022 г. в России доля иностранных цифровых решений была достаточно большой, это позволило установить высокий уровень требований к продуктам и российским производителям. Начавшийся до 2022 г. процесс импортозамещения решений в сфере информационной безопасности теперь идет довольно быстро [8]. Однако надо отметить, что переход на полностью отечественное ПО для компаний транспортно-логистического комплекса процесс все еще непростой и противоречивый. Прежде всего, в силу высокой стоимости, так как цены на российское программное обеспечение возросли в среднем на 50% за последнее время. Поэтому далеко не каждое предприятие готово выделять дополнительные финансовые и материально-технические ресурсы для поддержания надежности своих систем кибербезопасности.

Хотя надо признать, что в среднем стоимостные показатели российских цифровых решений в области транспортной логистики ниже зарубежных аналогов, ранее представленных на рынке. А основные сложности заключаются в недостаточном уровне соответствия отечественного программного обеспечения требованиям и задачам компаний-заказчиков, поэтому организации и предприятия, связанные с выполнением транспортно-логистических услуг, вынуждены перестраивать свою цифровую информационную инфраструктуру, используя больше отечественных IT-решений, что также способствует увеличению нагрузки на сопровождение и поддержание данной инфраструктуры.

Литература

1. *Дмитриев А. В.* Диджитализация транспортной логистики. СПб. : СПбГЭУ, 2018. 161 с.
2. *Дмитриев А. В.* Методологические основы управления логистикой транспортно-складских центров // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов. 2012. № 6 (78). С. 76–81.

3. Информационная безопасность [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (дата обращения: 30.11.2023).
4. Логистика и управление цепями поставок : учебник / В. В. Щербаков, Э. М. Букринская, Н. А. Гвилия [и др.]. 1-е изд. М. : Юрайт, 2019. 582 с.
5. Плотников В. А., Погодина В. В., Смирнов А. А. Национальная экономическая безопасность и государственная политика развития промышленности // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 35–44. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-9-35-44>
6. Прогноз развития рынка кибербезопасности в Российской Федерации на 2022–2026 годы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/ru/research/> (дата обращения: 30.11.2023).
7. Управление цепями поставок : учебник / Н. А. Гвилия, А. В. Дмитриев, И. Ф. Рудковский [и др.]. М. : Юрайт, 2017. 209 с.
8. Халин В. Г., Чернова Г. В. Цифровизация и киберриски // Управленческое консультирование. 2023. № 7. С. 28–41. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-7-28-41>
9. Число кибератак на информационные системы России выросло на 65%. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2023/03/03/965181-chislo-kiberatak> (дата обращения: 30.11.2023).
10. Шабеева С. В., Шабеев А. И. Инструменты реализации стратегий в условиях цифровой трансформации промышленных предприятий // Управленческое консультирование. 2023. № 10. С. 69–79. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-10-69-79>
11. Barriers to adoption of blockchain technology in green supply chain management / S. Bag, A. V. Dmitriev, A. K. Sahu // Journal of Global Operations and Strategic Sourcing. 2020. P. 0027. DOI 10.1108/JGOSS-06-2020-0027

Об авторе:

Дмитриев Александр Викторович, заведующий кафедрой безопасности Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, доцент; dmitriev-av@ranepa.ru

References

1. Dmitriev A. V. Digitalization of transport logistics. Saint Petersburg : Saint Petersburg State Economic University, 2018. 161 p. (In Russ.)
2. Dmitriev A. V. Methodological foundations of logistics management of transport and warehouse centers // News of the Saint Petersburg University of Economics and Finance [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo universiteta e'konomiki i finansov]. 2012. N 6 (78). P. 76–81. (In Russ.)
3. Information security [Electronic resource]. URL: <https://www.tadviser.ru/index.php/> (accessed: 30.11.2023). (In Russ.)
4. Logistics and supply chain management : textbook / V. V. Shcherbakov, E. M. Bukrinskaya, N. A. Gviliya [etc.]. 1st ed. Moscow : Yurayt Publishing House, 2019. 582 p. (In Russ.)
5. Plotnikov V. A., Pogodina V. V., Smirnov A. A. National economic security and state policy for industrial development // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2023. N 9. P. 35–44. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-9-35-44>
6. Forecast for the development of the cybersecurity market in the Russian Federation for 2022–2026 [Electronic resource]. URL: <https://www.csr.ru/ru/research/> (accessed: 30.11.2023). (In Russ.)
7. Supply chain management : textbook / N. A. Gviliya, A. V. Dmitriev, I. F. Rudkovsky [etc.]. Moscow : Yurayt Publishing House, 2017. 209 p. (In Russ.)
8. Khalin V. G., Chernova G. V. Digitalization and cyber risks // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2023. N 7. P. 28–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-7-28-41>
9. The number of cyber attacks on Russian information systems has increased by 65%. [Electronic resource]. URL: <https://www.vedomosti.ru/technology/news/2023/03/03/965181-chislo-kiberatak> (accessed: 30.11.2023). (In Russ.)
10. Shabaeva S. V., Shabaev A. I. Tools for implementing strategies in the context of digital transformation of industrial enterprises // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2023. N 10. P. 69–79. (In Russ.) <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2023-10-69-79>

11. Barriers to adoption of blockchain technology in green supply chain management / S. Bag, A. V. Dmitriev, A. K. Sahu // Journal of Global Operations and Strategic Sourcing. 2020. P. 0027. DOI: 10.1108/JGOSS-06-2020-0027

About the author:

Alexander V. Dmitriev, Head of the Department of Security, North-West Institute of Management RANEPA (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Economics, Associate Professor; dmitriev-av@ranepa.ru

Методологические подходы к оценке участия национальных экономик в глобальных цепочках создания стоимости

Романов И. Г.

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; iromanova1409@yandex.ru

РЕФЕРАТ

В статье освещаются концептуальные основы международной фрагментации производства в формате глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) как важной характерной черты глобализации мирового хозяйства. Цель настоящего исследования состоит в выявлении ключевых методологических приемов, позволяющих измерить участие национальных экономик в ГЦСС. Традиционная внешнеторговая статистика, размещаемая на сайтах государственных таможенных органов, не располагает достаточным для этого инструментарием. Проанализирована разработанная Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) в начале 2010-х гг. концепция торговли в категориях добавленной стоимости, определены и систематизированы базовые показатели интеграции стран в ГЦСС, а также рассмотрены ведущие международные базы данных по ГЦСС и раскрыты их сильные и слабые стороны. В результате проведенного анализа сделан вывод о том, что существующие сегодня методологические подходы к изучению ГЦСС дают новое представление о месте стран и регионов в мировом производстве и мировой торговле. Соответствующая статистика может использоваться как международными компаниями для оптимизации географической структуры созданных ими глобальных стоимостных цепочек и повышения эффективности их деятельности, так и государствами принимающих стран в процессе планирования экономического развития.

Ключевые слова: глобальные цепочки создания стоимости, международная фрагментация производства, торговля в категориях добавленной стоимости, показатели участия в ГЦСС, базы данных по ГЦСС

Для цитирования: Романов И. Г. Методологические подходы к оценке участия национальных экономик в глобальных цепочках создания стоимости // Управленческое консультирование. 2025. № 1. С. 45–57.

Methodological Approaches to Assessing the Participation of National Economies in Global Value Chains

Igor G. Romanov

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; iromanova1409@yandex.ru

ABSTRACT

The article examines the conceptual basis of international fragmentation of production in the form of global value chains (GVCs) as an important feature of globalization of the world economy. The aim of the study is to reveal the key methodological approaches that allow measuring the participation of national economies in GVCs. Traditional international trade statistics published on the official websites of state customs authorities are not sufficient to address this task. The concept of trade in value added suggested by the Organization for Economic Cooperation and Development (OECD) in the early 2010s is analyzed, the main indicators of countries' integration into GVCs are identified and systematized, as well as the leading international databases on GVCs are described with their strengths and drawbacks being shown. The author concludes that the existing methodological approaches to the investigation of GVCs provide new insight into the positioning of countries and regions in global

production and trade. The relevant statistics can be applied both by transnational corporations to optimize the geography of their GVCs and improve the efficiency of their activities, and by host countries' governments implementing the strategies of economic development.

Keywords: global value chains, international fragmentation of production, trade in value added, indicators of participation in GVCs, databases on GVCs

For citing: Romanov I. G. Methodological Approaches to Assessing the Participation of National Economies in Global Value Chains // Administrative consulting. 2025. N 1. P. 45–57.

Введение

В последние десятилетия XX в. в мировой экономике ускорились глобализационные процессы, непосредственным проявлением которых стало расширение транснациональной деятельности компаний. Либерализация внешнеэкономических связей и революция в сфере ИКТ способствовали тому, что международный бизнес получил качественно новый формат — формат глобальных цепочек создания стоимости (ГЦСС) [10]. Суть ГЦСС заключается в «поставке товаров из-за рубежа, которые затем становятся промежуточными компонентами в создании готового продукта, ориентированного на доступ не только к потребителю на национальном рынке, но и к покупателю за границей» [4, с. 80]. Сегодня в ГЦСС задействованы почти все страны мира, но в разной степени и на разных стадиях производственного процесса.

Масштабное распространение ГЦСС в международном обмене с 1980-х гг. привело к тому, что географическая и товарная структура мировой торговли стала более сложной и диверсифицированной. При этом традиционная внешнеторговая статистика не отражает с достаточной достоверностью торговые потоки в эпоху ГЦСС, главным образом, по причине того, что не позволяет отследить происхождение добавленной стоимости в составе экспорта или импорта стран и отраслей. Она также содержит в себе «повторный счет», возникающий в связи с тем, что промежуточная продукция часто пересекает национальные границы двух и более государств в ходе переработки в конечный продукт и его продажи населению, и, как следствие, ее стоимость неявно учитывается в составе экспорта каждой из стран-участниц ГЦСС. Все это свидетельствует о том, что требуется новый статистический инструментарий для измерения торговых потоков в контексте международной фрагментации производства и оценки участия национальных экономик в ГЦСС.

Таким образом, цель исследования заключается в выявлении основных методологических приемов, обеспечивающих оценку участия национальных экономик в ГЦСС. Для достижения поставленной цели решаются следующие задачи: 1) раскрыть содержание концепции торговли в категориях добавленной стоимости; 2) выделить важнейшие статистические показатели интеграции национальных экономик в ГЦСС; 3) охарактеризовать ведущие международные базы данных по ГЦСС.

Концепция торговли в категориях добавленной стоимости

Одним из основополагающих современных методологических подходов к изучению ГЦСС и позиционирования различных стран в глобальных стоимостных цепочках является оценка внешней торговли в категориях добавленной стоимости. Соответствующий подход широко применяется как в работах индивидуальных исследо-

вателей и их коллективов [3; 6; 7; 9; 11; 13], так и в публикациях международных экономических организаций (ВТО, МВФ, Группа Всемирного банка, ООН, ЮНКТАД) [12; 20; 23]. Он предполагает последовательное выполнение трех действий:

- очистить валовый объем экспорта товаров и услуг от «повторного счета»;
- аналитически разложить стоимость экспорта каждой страны на составляющие, по-разному входящие в воспроизводственный процесс в странах-импортерах (либо в качестве готовой продукции, используемой на цели конечного потребления, либо в качестве промежуточной продукции, используемой для производства товаров более высоких переделов);
- создать математическую модель межстранового межотраслевого баланса, включив в нее данные по показателям, полученным в ходе прохождения двух вышеперечисленных этапов [1, с. 8].

История разработки данной методологии берет начало в трудах Василия Леонтьева, которым в 1930-е гг. был впервые использован подход «затраты-выпуск» для исследования производственных связей в США. Однако впоследствии в условиях глобализации мирового хозяйства его необходимо было усовершенствовать, чтобы оценивать не только внутренние, но также трансграничные потоки торговли промежуточными и конечными продуктами. Над этой работой активно трудились различные зарубежные ученые в течение 1990-х — 1-й половины 2000-х гг. Многими из них были определены и введены в научный оборот базовые понятия по международной фрагментации производства. Например, в 1985 г. был предложен термин «цепочка создания стоимости» (value chain) известным американским ученым М. Портером [22], в 1994 г. — «глобальная товарная цепочка» (global commodity chain) Г. Джереффи [15], в 1998 г. — «вертикальная специализация» (vertical specialization) Д. Хаммелсом и др. [19], а уже в 2000-е гг. появились понятия «глобальная производственная сеть» (global production network) [17] и «торговля операциями (функциями, задачами)» (trade in tasks) [16]. Несмотря на это, им не удалось создать целостную методологию, которая позволяла бы количественно измерить торговые потоки в рамках ГЦСС. И только в начале 2010-х гг. коллективом авторов под руководством Р. Купмана [21] была выдвинута концепция «Trade in Value Added» (TiVA), осуществлявшая все три указанных действия, и описана соответствующая ей методика расчетов (рисунок)¹.

Представленная концепция основывается на выделении в составе валового экспорта каждой страны двух базовых компонент, а именно: национальной (созданной внутренними факторами производства) и иностранной (воплощенной в импорте промежуточных товаров и услуг, используемых для изготовления собственной экспортной продукции) добавленной стоимости. Национальная добавленная стоимость экспорта, в свою очередь, либо напрямую потребляется на внутреннем рынке страны-импортера в виде уже готовой продукции, либо используется в ней для производства конечных товаров и услуг местного назначения, либо реэкспортируется из нее в составе продуктов более высоких переделов. В первом и втором случаях авторы говорят о прямой добавленной стоимости экспорта, в оставшемся — о косвенной (при реэкспорте в третьи страны) и «возвращенной» (при реэкспорте в страну первоначального происхождения) добавленной стоимости экспорта. Последняя возникает, в частности, при импорте страной конечной продукции, собранной в зарубежных странах с помощью отечественного сырья и комплектующих. Экспорт в валовом выражении, будучи очищен от иностранной добавленной стоимости («повторного счета») и от «возвращенной» добавленной стоимости, дает оценку экспорта страны в категориях добавленной стоимости.

¹ ДС (здесь и далее) — добавленная стоимость.

Декомпозиция валового экспорта по добавленной стоимости
Decomposition of gross exports by value added

Источник: Koopman R., Powers W., Wang Z., Wei S.-J. Give Credit Where Credit Is Due: Tracing Value Added in Global Production Chains // NBER Working Paper. 2010. N 16426. P. 34.

В настоящее время на «повторный счет» приходится примерно 30% объема мирового экспорта товаров и услуг [25, р. 22]. Ввиду этого доля стран и регионов в мировой торговле, рассчитанная на валовой основе, существенно отличается от их доли в мировом экспорте в категориях добавленной стоимости. Опора исключительно на валовые показатели внешней торговли может повлечь за собой неверные решения для государственной политики в сфере социально-экономического развития. В этой связи измерение участия национальных экономик в ГЦСС приобретает важное практическое значение. Рассмотренная методология декомпозиции валового экспорта по добавленной стоимости делает это возможным.

Измерение участия стран в глобальных цепочках создания стоимости

На сегодняшний день разработан комплекс показателей, отражающих участие стран в глобальных стоимостных цепочках. Следует отметить, что данные показатели позволяют охарактеризовать позиционирование в системе географической фрагментации производства не только с позиции масштабов вовлеченности национальной экономики в ГЦСС, но также с точки зрения специализации

в этих цепочках и размера экономических выгод, получаемых странами от участия в ГЦСС. Основные из них указаны в табл. 1.

Наиболее простым показателем, измеряющим уровень вовлеченности стран в ГЦСС, является доля промежуточной продукции в объеме внешней торговли. Поскольку, как было отмечено, ГЦСС по своей природе предполагают трансграничную поставку промежуточной продукции, то его применение представляется уместным. Его недостаток состоит в том, что он не раскрывает происхождение добавленной стоимости в составе экспортно-импортных операций, так как экспорт промежуточной продукции страны может включать иностранную добавленную стоимость, а импорт — национальную добавленную стоимость. Особенно это характерно для стран, глубоко интегрированных в сложные и фрагментированные цепочки создания стоимости (например, в автомобилестроении или в электронной промышленности). Показатели, рассчитываемые непосредственно на основе концепции «TiVA», устраняют эту проблему. Степень обратного участия в ГЦСС отражает вовлеченность стран в глобальные стоимостные

Таблица 1

Статистические показатели участия национальных экономик в ГЦСС
Table 1. The statistical indicators of national economies' participation in GVCs

Показатель	Формула расчета	Применение для исследования ГЦСС
Доля промежуточной продукции в объеме внешней торговли	Отношение экспорта (импорта) промежуточной продукции к валовому экспорту (импорту)	Уровень вовлеченности в ГЦСС
Степень обратного участия в ГЦСС	Отношение иностранной ДС экспорта к валовому экспорту	Уровень вовлеченности в ГЦСС
Степень прямого участия в ГЦСС	Отношение национальной ДС экспорта, реэкспортированной странами-импортерами, к валовому экспорту	Уровень вовлеченности в ГЦСС
Индекс участия в ГЦСС	Сумма показателей прямого и обратного участия в ГЦСС	Уровень вовлеченности в ГЦСС
Экспорт в рамках ГЦСС	Сумма иностранной ДС экспорта и национальной ДС экспорта, реэкспортированной странами-импортерами	Уровень вовлеченности в ГЦСС
Индекс позиции в ГЦСС	Соотношение показателей прямого и обратного участия в ГЦСС	Специализация в ГЦСС
Индекс расстояния до конечного спроса	Среднее количество стадий ГЦСС, через которые произведенный в стране продукт должен впоследствии пройти, чтобы достичь конечного потребителя	Специализация в ГЦСС
Национальная ДС экспорта на душу населения	Отношение национальной ДС экспорта к общей численности населения	Экономические выгоды от участия в ГЦСС

Источник: составлено автором.

цепочки со стороны покупателя зарубежных товаров и услуг, поступающих в производство отечественной продукции, идущей на экспорт. Страны, специализирующиеся в основном на сборке конечных промышленных товаров, демонстрируют высокие значения показателя обратного участия в ГЦСС. Степень прямого участия в ГЦСС указывает на долю валового экспорта стран, которая приходится на продукцию, перерабатываемую в странах-импортерах и реэкспортируемую ими (другими словами, это отношение суммы косвенной и «возвращенной» добавленной стоимости экспорта к валовому экспорту)¹. Общий уровень вовлеченности национальной экономики в ГЦСС оценивается при помощи индекса участия в ГЦСС². Чем он выше, тем страна относительно интенсивнее задействована в глобальных стоимостных цепочках. В аналитических целях зачастую применяется абсолютное значение экспорта в формате ГЦСС — сумма иностранной, косвенной и «возвращенной» добавленной стоимости экспорта.

Среди показателей специализации стран в ГЦСС наиболее простыми в методологии и широко используемыми для эмпирических исследований служат индекс позиции в ГЦСС и индекс расстояния до конечного спроса. Первый из них рассчитывается как соотношение показателей прямого и обратного участия в ГЦСС³. Второй устроен как среднее количество стадий производственного процесса, через которые товар, изготовленный в данной стране, должен впоследствии пройти перед тем, как достичь своего конечного потребителя⁴. Исходя из этого, с ростом значений этих показателей специализация на начальных сегментах ГЦСС (разработка технологии и дизайна продукта, НИОКР, добыча и обработка сырья) становится более выраженной, а на конечных сегментах (сборка и реализация готового товара) — менее выраженной. Наконец, участие в ГЦСС вносит определенный вклад в экономический рост и развитие стран-реципиентов за счет наращивания их экспортных возможностей, создания рабочих мест и получения доступа к технологиям иностранных инвесторов: около 30% ВВП развивающихся стран и 18% ВВП развитых стран создается в рамках ГЦСС [2, с. 266]. Для оценки экономических выгод от включения страны и ее местных производителей в ГЦСС используется такой показатель, как национальная добавленная стоимость экспорта на душу населения — аналог ВВП на душу населения применительно к выпуску в рамках ГЦСС. Все вышеупомянутые показатели участия стран в ГЦСС рассчитываются экспертами международных организаций, и большинство из них находятся в свободном доступе.

Статистические базы данных по глобальным цепочкам создания стоимости

С начала 2-го десятилетия XXI в. была проведена значительная аналитическая работа по созданию статистических баз данных, отражающих масштабы участия и специализацию стран в ГЦСС. До этого вовлеченность национальных экономик в глобальные стоимостные цепочки иллюстрировалась, главным образом, с помощью кейсов, описывающих структуру ГЦСС при производстве отдельных товаров. Наиболее часто приводится пример Айфона-4 (iPhone-4) компании «Эпл» (Apple): реализуемый в США за 500 долл., он экспортируется из Китая по оптовой цене 179 долл., из которых только 6,5 долл. добавляется на стадии сборки в Ки-

¹ Показатели прямого и обратного участия в ГЦСС были впервые описаны в работе Хаммелса и др. [18], однако авторами не была создана необходимая теоретическая база для их расчета, что было сделано, как упоминалось выше, Купманом и др. [21].

² Индекс участия в ГЦСС введен непосредственно Купманом и др. [21].

³ Там же.

⁴ Индекс расстояния до конечного спроса предложен Фалли [14].

тае, а остальное составляет стоимость компонентов, изготовленных в Японии, Германии, Южной Корее и других странах и импортированных в Китай [5, с. 52]. Не менее ярким примером служит спортивный велосипед «Бьянки» (Bianchi), одна из старейших марок велосипедов в мире. Его дизайн разрабатывается в Италии, комплектующие (руль, сиденья, велосипедная рама, колеса, цепи, педали) производятся в Китае, Японии, Малайзии, Вьетнаме, Сингапуре, конечная сборка осуществляется преимущественно на Тайване, а сам велосипед продается и используется во всем мире [24, р. 16].

Кроме того, следует отметить, что после мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. усилилось стремление правительств, особенно в развитых странах, защитить внутренние рынки от иностранной конкуренции, что привело к всплеску внешнеторгового и инвестиционного протекционизма, называемого также «протекционизмом 2.0». Он нашел отражение в усилении государственного контроля за совершением финансовых сделок с нерезидентами, что потребовало в том числе детальной и надежной статистики для обеспечения прозрачности экспортно-импортных операций. Это явилось важным стимулом к разработке соответствующих баз данных по ГЦСС. К основным из них можно отнести: 1) базу данных ОЭСР «Trade in Value Added»; 2) базу данных ЮНКТАД «UNCTAD-Eora Global Value Chain Database»; 3) базу данных Азиатского банка развития «ADB Multiregional Input-Output Database» (ADB MRIO); 4) базу данных «World Input-Output Database» (WIOD) (табл. 2).

Таблица 2

**Международные базы данных по торговле в категориях
добавленной стоимости и ГЦСС**

Table 2. The international databases on trade in value added and GVCs

База данных	Составляющая организация	Содержащиеся данные	Охват данными
Trade in Value Added	ОЭСР	- Полная декомпозиция валового экспорта по ДС и производные от нее показатели - Степень прямого и обратного участия в ГЦСС	76 стран (из них 36 развивающихся) и 45 отраслей за 1995–2020 гг.
UNCTAD-Eora Global Value Chain Database	ЮНКТАД	- Валовый экспорт - Экспорт в рамках ГЦСС - Национальная и иностранная ДС экспорта - Национальная ДС экспорта, реэкспортированная странами-импортерами	174 страны (из них 120 развивающихся) за 1990–2018 гг.
ADB Multi-regional Input-Output Database	Азиатский банк развития	- Полная декомпозиция валового экспорта по ДС - Степень прямого и обратного участия в ГЦСС - Индекс участия в ГЦСС - Экспорт в рамках ГЦСС - Объем производства в рамках ГЦСС	72 страны за 2017–2022 гг. (в тек. ценах) и 62 страны за 2007–2022 гг. (в пост. ценах), в том числе 32 развивающиеся страны и 35 отраслей

База данных	Составляющая организация	Содержащиеся данные	Охват данными
World Input-Output Database	Центр по проблемам роста и развития при ун-те Гронингена	- Национальные и международные таблицы «затраты-выпуск» - Национальные и международные таблицы ресурсов и использования - Валовый выпуск, запас физического капитала, уровень и структура занятости, размер заработной платы, номинальный обменный курс (к долл. США) и другие макроэкономические показатели	43 страны и 56 отраслей за 2000–2014 гг.; 25 стран и 23 отрасли за 1965–2000 гг. (долгосрочные временные ряды)

Источник: составлено автором.

Международная база данных «Trade in Value Added»

В основе базы данных «TiVA» лежит концепция торговли в категориях добавленной стоимости, разработанная Р. Купманом и соавторами. Практическая работа над ее созданием стартовала в 2012 г. и продолжалась один год [1, с. 11]. В первой версии «TiVA», официально опубликованной в 2013 г., содержались данные по 40 странам (ОЭСР, БРИКС и Индонезия) с невысокой степенью детализации по отраслям (18 отраслей) [8, с. 72]. В дальнейшем база расширялась и совершенствовалась. Версия 2015 г. располагала данными по 58 странам, в то время как версия 2016 г. — уже по 64 странам и 34 отраслям [8, с. 72]. Самая свежая версия «TiVA» (от 2023 г.) охватывает 76 стран, в том числе страны ОЭСР, ЕС, G20 и АСЕАН, и включает 45 отраслей экономики¹. Источниками данных для базы «TiVA» выступают национальные таблицы ресурсов и использования (Supply and Use tables) и «затраты-выпуск» (Input-Output tables), дополненные статистикой двусторонней торговли товарами и услугами. Все данные в базе имеют годовое выражение и в настоящее время доступны за период 1995–2020 гг.

В базе данных «TiVA» представлены следующие показатели:

- валовый экспорт и импорт конечной и промежуточной продукции;
- прямая, косвенная, «возвращенная» и иностранная ДС экспорта;
- национальная ДС в составе валового отечественного импорта;
- национальная ДС в составе конечного потребления зарубежных стран;
- иностранная ДС в составе внутреннего конечного потребления;
- иностранная ДС в составе валового накопления основного капитала;
- декомпозиция иностранной ДС экспорта по странам происхождения;
- степень прямого и обратного участия стран в ГЦСС.

Тем самым база данных «TiVA» открывает возможность для проведения отраслевого, сравнительно-исторического, динамического и системно-структурного анализа глобальных стоимостных цепочек. Ее основным недостатком являет-

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://data-explorer.oecd.org/?pg=0&bp=true&snb=14&tm=TIVA> (дата обращения: 23.01.2025).

ся малое количество охватываемых стран, что затрудняет выполнение панельных эконометрических исследований при помощи этой базы, особенно исследований по развивающимся странам.

Международная база данных «UNCTAD-Eora Global Value Chain Database»

Другая международная база данных по ГЦСС составляется ЮНКТАД и называется «UNCTAD-Eora Global Value Chain Database». Ее главное преимущество перед базой «TiVA» заключается в широком страновом охвате. Сегодня эта база содержит данные по более чем 170 странам различного уровня социально-экономического развития начиная с 1990 г.¹ Тем не менее основные показатели торговли в категориях добавленной стоимости (национальная ДС экспорта; иностранная ДС экспорта; национальная ДС экспорта, реэкспортированная странами-импортерами, и др.) на макроуровне доступны в ней только до 2018 г. включительно.

Данные из базы «UNCTAD-Eora Global Value Chain Database» позволяют вычислить значения показателей прямого и обратного участия стран в ГЦСС, индекса участия в ГЦСС и индекса позиции в ГЦСС. Также важно подчеркнуть, что в этой базе имеется информация о добавленной стоимости, созданной в конкретных странах и отраслях, в составе валового экспорта различных стран и отраслей. Несмотря на то что по методологической строгости база данных «UNCTAD-Eora Global Value Chain Database» в целом уступает базе «TiVA», ее применение помогает обнаружить различия по степени вовлеченности и специализации в ГЦСС между странами с разным уровнем дохода, что не представляется возможным сделать на малой выборке стран из базы «TiVA».

Международная база данных «ADB Multiregional Input-Output Database»

Третья из существующих в настоящее время международных баз данных по ГЦСС — база «ADB Multiregional Input-Output Database» — публикуется Азиатским банком развития (АБР). Для ее разработки экспертами АБР использовался целый ряд национальных и международных статистических источников, в том числе национальные таблицы ресурсов и использования и «затраты-выпуск», статистика «затраты-выпуск» из Евростата (Eurostat), данные национальных статистических учреждений и агрегированные показатели национальных счетов, данные Института развивающихся стран и внешней торговли Японии (IDE-JETRO), таможенной статистики ЮНКТАД и ОЭСР. Хотя применение вышеназванной базы на практике встречается менее часто по сравнению с базами «TiVA» и «UNCTAD-Eora Global Value Chain Database», она обладает явным преимуществом перед ними по наличию самых актуальных данных — важнейшие статистические показатели участия национальных экономик в ГЦСС в этой базе доступны за 2007–2022 гг. для 62 стран (в пост. ценах) и 2017–2022 гг. для 72 стран (в тек. ценах), в том числе по 35 отраслям экономики². База «ADB MRIO» содержит сведения о степени прямого и обратного участия в ГЦСС, индексе участия в ГЦСС, экспорте в формате ГЦСС и об объемах производства в рамках ГЦСС (в абсолютном выражении и по отношению к ВВП). Кроме того, для каждой страны и отрасли дается полная декомпозиция валового экспорта по добавленной стоимости за все соответствующие годы. В этой связи база данных «ADB MRIO» остается мощным современным инструментом для ис-

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://worldmrio.com/unctadgvc/> (дата обращения: 23.01.2025).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://kidb.adb.org/globalization> (дата обращения: 23.01.2025).

следования ГЦСС. Ее ограничением служит то, что в ней практически отсутствуют страны Африки и Латинской Америки.

Международная база данных «World Input-Output Database»

Наконец, еще одной функционирующей на сегодняшний день международной базой данных по ГЦСС выступает Всемирная база данных «затраты-выпуск» (World Input-Output Database), которая разрабатывается учеными из Центра по проблемам роста и развития при университете Гронингена. Проект «WIOD» был запущен в 2009 г. и окончен в 2012 г. Первая версия (от 2013 г.) включала данные по 40 странам и 35 отраслям экономики за период 1995–2011 гг., а вторая (и последняя из опубликованных) версия — по 43 странам и 56 отраслям за 2000–2014 гг.¹ База данных «World Input-Output Database» отличается от вышеуказанных баз данных по ГЦСС тем, что в ней представлена статистика по ряду социально-экономических показателей, как-то: валовый выпуск, уровень образования, объем инвестиций в различных секторах экономики, размер заработной платы, структура занятости по квалификации и т. д. Ее сильной стороной также является наличие отдельного набора данных по ГЦСС за 1965–2000 гг., что позволяет анализировать долгосрочные тенденции в развитии международной фрагментации производства. Однако для этой базы характерен тот же недостаток, что и для базы «TiVA», а именно малый страновой охват (учитываются преимущественно страны ЕС, его ключевые торговые партнеры и Российская Федерация).

Заключение

Таким образом, к важнейшим методологическим приемам, обеспечивающим оценку участия национальных экономик в ГЦСС, относятся: 1) измерение внешнеторговых потоков в категориях добавленной стоимости; 2) использование набора конкретных статистических показателей, отражающих степень вовлеченности и специализацию стран в ГЦСС, а также экономические выгоды от интеграции в ГЦСС; 3) применение других методов, основанных на концепции «TiVA», в частности: расчет национальной добавленной стоимости в составе конечного потребления зарубежных стран, выделение иностранной добавленной стоимости в составе валового накопления основного капитала, проведение декомпозиции иностранной добавленной стоимости экспорта по странам происхождения и т. д. Перечисленные подходы образуют глубокий методологический арсенал для изучения трансграничной фрагментации производства в формате международных стоимостных цепочек. Разработанная на их основе статистика раскрывает под новым углом зрения современные тенденции развития мирового хозяйства, позволяя измерить фактический вклад тех или иных стран и регионов в мировой ВВП и мировую торговлю, очищенный от «повторного счета». С ее помощью выполняются различные эмпирические исследования влияния участия в ГЦСС на экономический рост и развитие стран-реципиентов.

Статистический анализ интеграции национальных экономик в ГЦСС представляется полезным как для государственных ведомств, решающих задачи по обеспечению социально-экономического и технологического развития страны, так и для компаний реального сектора экономики в ходе разработки и реализации ими конкурентных стратегий выхода на внешние рынки. Безусловно, возможности существующих сегодня баз данных по ГЦСС ограничены, о чем уже упо-

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rug.nl/ggdc/valuechain/wiod/?lang=en> (дата обращения: 23.01.2025).

миналось ранее, и в дальнейшем необходима серьезная научная работа по их дополнению и уточнению, но само появление этих баз наряду с конкретными показателями участия стран в ГЦСС является большим достижением на пути к более полному пониманию взаимосвязанности и взаимозависимости национальных экономик в эпоху глобализации.

Литература

1. *Варнавский В. Г.* Международная торговля в категориях добавленной стоимости: вопросы методологии // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 1. С. 5–15. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-5-15>
2. *Волгина Н. А.* Изучение глобальных цепочек стоимости: роль международных организаций // *Вестник международных организаций*. 2020. Т. 15. № 2. С. 255–285. <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-12>
3. *Гудкова Т. В.* Глобальные цепочки создания добавленной стоимости в условиях цифровизации экономики // *Журнал экономической теории*. 2020. Т. 17. № 1. С. 53–64. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-1.4>
4. *Зуев В. Н., Островская Е. Я., Дунаева М. С.* Включение национальных экономик в глобальные цепочки стоимости: изменение парадигмы организации внешнеэкономических связей // *Современная конкуренция*. 2014. Т. 44. № 2. С. 77–94.
5. *Кондратьев В. Б.* Глобальные цепочки стоимости в отраслях экономики: общее и особенное // *Мировая экономика и международные отношения*. 2019. Т. 63. № 1. С. 49–58. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-49-58>
6. *Мальцев А. А.* Реконфигурация глобальных цепочек создания стоимости как мегатренд современной глобализации // *Российский внешнеэкономический вестник*. 2024. № 2. С. 87–103. <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-2-87-103>
7. *Романов И. Г.* Особенности включения развивающихся стран в глобальные цепочки создания стоимости // *Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал*. 2023. Т. 15. № 4. С. 35–50. <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2023-15-4-35-50>
8. *Сидорова Е. А.* Россия в глобальных цепочках создания стоимости // *Мировая экономика и международные отношения*. 2018. Т. 62. № 9. С. 71–80. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-9-71-80>
9. *Смирнов Е. Н., Лукьянов С. А.* Оценка трансформирующего воздействия глобальных цепочек создания стоимости на международную торговлю // *Управленец*. 2019. Т. 10. № 3. С. 36–46. <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-3-4>
10. *Baldwin R.* Global Supply Chains: Why They Emerged, Why They Matter, and Where They Are Going. *Global Value Chains in a Changing World* / ed. by D. K. Elms, P. Low // Geneva : WTO Publications. 2013. P. 13–59. <https://doi.org/10.30875/3c1b338a-en>
11. *Banerjee B., Zeman J.* Determinants of Global Value Chain Participation: Cross-Country Analysis // *Indian Economic Review*. 2022. Vol. 57. P. 59–95. <https://doi.org/10.1007/s41775-022-00137-w>
12. *Borin A., Mancini M.* Measuring What Matters in Global Value Chains and Value-Added Trade // Washington, DC : World Bank. Policy Research Working Paper. 2019. N 8804. 64 p.
13. *Chikhun L., Romanov I.* Factors Determining Participation of Developing Countries in Global Value Chains // *BRICS Journal of Economics*. 2023. Vol. 4. N 2. P. 225–242. <https://doi.org/10.3897/brics-econ.4.e101915>
14. *Fally T.* Production Staging: Measurement and Facts. University of Colorado-Boulder. 2012.
15. *Gereffi G.* The Organization of Buyer-driven Global Commodity Chains: How US Retailers Shape Overseas Production Networks. *Commodity Chains and Global Capitalism* / ed. by G. Gereffi, M. Korzeniewicz // Westport, CT : Praeger, 1994. P. 95–122.
16. *Grossman G., Rossi-Hansberg E.* Trading Tasks: A Simple Theory of Offshoring // *American Economic Review*. 2008. Vol. 98. N 5. P. 1978–1997. <https://doi.org/10.1257/aer.98.5.1978>
17. *Henderson J., Dicken P., Hess M., Coe N., Yeung H.* Global Production Networks and the Analysis of Economic Development // *Review of International Political Economy*. 2002. Vol. 9. N 3. P. 436–464. <https://doi.org/10.1080/09692290210150842>
18. *Hummels D., Ishii J., Yi K.-M.* The Nature and Growth of Vertical Specialization in World Trade // *Journal of International Economics*. 2001. Vol. 54. N 1. P. 75–96. [https://doi.org/10.1016/S0022-1996\(00\)00093-3](https://doi.org/10.1016/S0022-1996(00)00093-3)

19. *Hummels D., Rapoport D., Yi K.-M.* Vertical Specialization and the Changing Nature of World Trade // *Economic Policy Review*. 1998. Vol. 4. N 2. P. 79–99.
20. *Ignatenko A., Raei F., Mircheva B.* Global Value Chains: What are the Benefits and Why Do Countries Participate? // *IMF Working Paper*. 2019.
21. *Koopman R., Powers W., Wang Z., Wei S.-J.* Give Credit Where Credit Is Due: Tracing Value Added in Global Production Chains // *NBER Working Paper*. 2010. N 16426. 58 p. <http://dx.doi.org/10.3386/w16426>
22. *Porter M.* Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance. New York : The Free Press. 1985.
23. *Global Value Chain Development Report 2023. Resilient and Sustainable GVCs in Turbulent Times* // *WTO Publications*. 2023 [Электронный ресурс]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/gvc_dev_rep23_e.pdf (дата обращения: 23.01.2025).
24. *World Development Report 2020. Trading for Development in the Age of Global Value Chains* // Washington, DC: World Bank. 2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2020> (дата обращения: 23.01.2025).
25. *World Investment Report 2018. Investment and New Industrial Policies* // United Nations: New York and Geneva. 2018 [Электронный ресурс]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2018_en.pdf (дата обращения: 23.01.2025).

Об авторе:

Романов Игорь Григорьевич, аспирант кафедры мировой экономики экономического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); iromanova1409@yandex.ru

References

1. *Varnavskii V.G.* International trade in value added terms: Methodological issues // *World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]*. 2018. Vol. 62. N 1. P. 5–15. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-1-5-15>
2. *Volgina N. A.* Global value chain research: The role of international organizations // *International Organizations Research Journal [Vestnik mezhdunarodnykh organizatsij]*. 2020. Vol. 15. N 2. P. 255–285. (In Russ.) <http://dx.doi.org/10.17323/1996-7845-2020-02-12>
3. *Gudkova T.V.* Global chains of added value in terms of digitalization of the economy // *Russian Journal of Economic Theory [Zhurnal ekonomicheskoy teorii]*. 2020. Vol. 17. N 1. P. 53–64. (In Russ.) <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2020.17-1.4>
4. *Zuev V.N., Ostrovskaya E.Y., Dunaeva M. S.* Inclusion of national economies in global value chains: Changing frameworks of external economic relations // *Journal of Modern Competition [Sovremennaya konkurentsia]*. 2014. Vol. 44. N 2. P. 77–94. (In Russ.)
5. *Kondrat'ev V. B.* Global value chains in industries: Common and specific features // *World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]*. 2019. Vol. 63. N 1. P. 49–58. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-1-49-58>
6. *Maltsev A. A.* The reshaping of global value chains as a megatrend of modern globalization // *Russian Foreign Economic Journal [Rossijskij vneshneekonomicheskij vestnik]*. 2024. N 2. P. 87–103. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2072-8042-2024-2-87-103>
7. *Romanov I.G.* The peculiarities of integration of developing countries into global value chains // *Scientific Research of Faculty of Economics. Electronic Journal [Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul'teta. Elektronnyj zhurnal]*. 2023. Vol. 15. N 4. P. 35–50. (In Russ.) <https://doi.org/10.38050/2078-3809-2023-15-4-35-50>
8. *Sidorova E. A.* Russia in global value chains // *World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]*. 2018. Vol. 62. N 9. P. 71–80. (In Russ.) <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2018-62-9-71-80>
9. *Smirnov E. N., Lukyanov S. A.* Assessment of the transforming impact of global value chains on international trade // *The Manager [Upravlenets]*. 2019. Vol. 10. N 3. P. 36–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.29141/2218-5003-2019-10-3-4>
10. *Baldwin R.* Global Supply Chains: Why They Emerged, Why They Matter, and Where They Are Going. *Global Value Chains in a Changing World* / ed. by D. K. Elms, P. Low // Geneva : WTO Publications. 2013. P. 13–59. <https://doi.org/10.30875/3c1b338a-en>

11. Banerjee B., Zeman J. Determinants of Global Value Chain Participation: Cross-Country Analysis // *Indian Economic Review*. 2022. Vol. 57. P. 59–95. <https://doi.org/10.1007/s41775-022-00137-w>
12. Borin A., Mancini M. Measuring What Matters in Global Value Chains and Value-Added Trade // Washington, DC : World Bank. Policy Research Working Paper. 2019. N 8804. 64 p.
13. Chikhun L., Romanov I. Factors Determining Participation of Developing Countries in Global Value Chains // *BRICS Journal of Economics*. 2023. Vol. 4. N 2. P. 225–242. <https://doi.org/10.3897/brics-econ.4.e101915>
14. Fally T. Production Staging: Measurement and Facts. University of Colorado-Boulder. 2012.
15. Gereffi G. The Organization of Buyer-driven Global Commodity Chains: How US Retailers Shape Overseas Production Networks. *Commodity Chains and Global Capitalism* / ed. by G. Gereffi, M. Korzeniewicz // Westport, CT : Praeger, 1994. P. 95–122.
16. Grossman G., Rossi-Hansberg E. Trading Tasks: A Simple Theory of Offshoring // *American Economic Review*. 2008. Vol. 98. N 5. P. 1978–1997. <https://doi.org/10.1257/aer.98.5.1978>
17. Henderson J., Dicken P., Hess M., Coe N., Yeung H. Global Production Networks and the Analysis of Economic Development // *Review of International Political Economy*. 2002. Vol. 9. N 3. P. 436–464. <https://doi.org/10.1080/09692290210150842>
18. Hummels D., Ishii J., Yi K.-M. The Nature and Growth of Vertical Specialization in World Trade // *Journal of International Economics*. 2001. Vol. 54. N 1. P. 75–96. [https://doi.org/10.1016/S0022-1996\(00\)00093-3](https://doi.org/10.1016/S0022-1996(00)00093-3)
19. Hummels D., Rapoport D., Yi K.-M. Vertical Specialization and the Changing Nature of World Trade // *Economic Policy Review*. 1998. Vol. 4. N 2. P. 79–99.
20. Ignatenko A., Raeli F., Mircheva B. Global Value Chains: What are the Benefits and Why Do Countries Participate? // IMF Working Paper. 2019.
21. Koopman R., Powers W., Wang Z., Wei S.-J. Give Credit Where Credit Is Due: Tracing Value Added in Global Production Chains // NBER Working Paper. 2010. N 16426. 58 p. <http://dx.doi.org/10.3386/w16426>
22. Porter M. *Competitive Advantage: Creating and Sustaining Superior Performance*. New York : The Free Press. 1985.
23. *Global Value Chain Development Report 2023. Resilient and Sustainable GVCs in Turbulent Times* // WTO Publications. 2023 [Electronic resource]. URL: https://www.wto.org/english/res_e/booksp_e/gvc_dev_rep23_e.pdf (accessed: 23.01.2025).
24. *World Development Report 2020. Trading for Development in the Age of Global Value Chains* // Washington, DC : World Bank. 2020 [Electronic resource]. URL: <https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2020> (accessed: 23.01.2025).
25. *World Investment Report 2018. Investment and New Industrial Policies* // United Nations: New York and Geneva. 2018 [Electronic resource]. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2018_en.pdf (accessed: 23.01.2025).

About the author:

Igor G. Romanov, Postgraduate Student, Department of World Economy at Lomonosov Moscow State University, Faculty of Economics (Moscow, Russian Federation); iromanova1409@yandex.ru

Война как принуждение к миру

К вопросу о диалектике войны и мира в современных международных отношениях

Безлепкин Н. И.^{1, *}, Бажуков В. И.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; * nick-bezlepkin@yandex.ru

²Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Проблемы войны и мира на протяжении всей истории человечества остаются наиболее обсуждаемыми вопросами. Их решение имеет не только сугубо теоретический интерес, но и оказывает влияние на развитие международного права и отношений между государствами. Современная мировая политика значительно обогатила представления о диалектике войны и мира, расширив знание о возможных взаимных трансформациях войны и мира, расширив акторов применения военной силы, постановкой проблемы о рассмотрении войны как средства принуждения к миру. Целью статьи является прослеживание диалектики войны и мира на различных этапах всемирной истории, раскрытие характера трансформаций войны и мира, установление условий, при которых война становится средством принуждения к миру.

Методология исследования основана на анализе обширной историографии по проблеме войны и мира, применении сравнительно-исторического метода в изучении природы и характера таких состояний общества, как война и мир, использовании диалектического принципа в рассмотрении места и роли насилия и ненасилия в обществе, применении военной силы в качестве средства принуждения к миру.

Результаты, полученные в исследовании, позволяют расширить знание о природе и характере современных войн, условиях при которых военная сила является средством принуждения к миру, указывают на необходимость поддержания вооруженных сил государства адекватной существующим угрозам для обеспечения национальной безопасности и суверенитета, в готовности к применению в качестве средства принуждения к миру.

Выводы. Результаты исследования позволяют заключить, что в современных международных отношениях целью войны может быть принуждение к миру. Справедливый характер вооруженной борьбы народа Новороссии, как и проводимая Российской Федерацией специальная военная операция, являются вынужденной и крайней мерой, направленной на сохранение национально-культурной идентичности жителей Донбасса, ликвидации возникающих военных угроз на южных рубежах России посредством принуждения к миру.

Ключевые слова: война, мир, принуждение к миру, военная сила, насилие и ненасилие, пацифизм, национальная безопасность

Для цитирования: Безлепкин Н. И., Бажуков В. И. Война как принуждение к миру. К вопросу о диалектике войны и мира в современных международных отношениях // Управленческое консультирование. 2025. № 1. С. 58–71.

War as Peace Enforcement. On the Issue of the Dialectics of War and Peace in Modern International Relations

Nikolay I. Bezlepkin^{1, *}, Vladimir I. Bashukov²

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, RANERA) St. Petersburg, Russian Federation; * nick-bezlepkin@yandex.ru

²Moscow State University named after M. V. Lomonosov, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The problems of war and peace throughout the history of mankind remain the most discussed issues. Their solution is not only of purely theoretical interest, but also has an impact on the development of international law and relations between states. Modern world politics has significantly enriched ideas about the dialectic of war and peace, expanding knowledge about possible mutual transformations of war and peace, expanding the actors in the use of military force, and raising the problem of considering war as a means of enforcing peace.

The purpose of the article is to trace the dialectic of war and peace at various stages of world history, to reveal the nature of transformations of war and peace, to establish the conditions under which war becomes a means of enforcing peace.

The research *methodology* is based on the analysis of extensive historiography on the problem of war and peace, the use of the comparative historical method in studying the nature and character of such states of society as war and peace, the use of the dialectical principle in considering the place and role of violence and non-violence in society, the use of military force as a means of enforcing peace.

The results obtained in the study allow us to expand knowledge about the nature and nature of modern wars, the conditions under which military force is a means of enforcing peace, indicate the need to maintain the armed forces of the state adequate to existing threats to ensure national security and sovereignty, in readiness for use as a means of enforcing peace.

Conclusions. The results of the study allow us to conclude that in modern international relations, wars may have the goal of coercing peace. The just nature of the armed struggle of the people of Novorossiya, as well as the special military operation carried out by the Russian Federation, are a forced and extreme measure aimed at preserving the national and cultural identity of the inhabitants of Donbass, eliminating emerging military threats on the southern borders of Russia through peace enforcement.

Keywords: war, peace, peace enforcement, military force, violence and non-violence, pacifism, national security

For citing: Bezlepkin N.I., Bashukov V.I. War as Peace Enforcement. On the Issue of the Dialectics of War and Peace in Modern International Relations // Administrative consulting. 2025. N 1. P. 58–71.

Введение

Двадцать первый век, несмотря на ожидания человечества, не стал веком мира, едва ли не с первых своих дней окунувшийся в бесконечную череду войн. Наряду с войнами, ведущимися в их классическом понимании, исследованию которых в свое время посвятил свой труд «О войне» К. Клаузевиц, где войны развязывались государствами ради достижения своих политических целей, появилась и целая череда других, где актерами уже выступают не только государства, но и народы, религиозные, мафиозные и этнические группировки. В этой связи представляется спорным тезис некоторых авторов о происходящей «этатизации войны» [7].

Классификация войн в современную эпоху существенно расширилась. Так в современный политический дискурс прочно вошло понятие «принуждение к миру»¹, под которым понимаются действия как без использования вооруженных сил, посредством экономических, правовых, финансовых санкций, так и с использованием вооруженных сил, предпринимаемые для прекращения межгосударственного или внутригосударственного вооруженного конфликта не вовлеченным в него государством или группой государств [21]. Международно-правовым основанием проведения операций по принуждению к миру является решение Совета Безопас-

---

¹ Термин «принуждение к миру» встречается в программном докладе Генерального секретаря ООН Б. Бутрос-Гали «Повестка дня для мира» от 17.06.1992 и в «Дополнении» к нему от 25.01.1995.

ности ООН, принятое на основании главы VII Устава ООН, предусматривающей принудительные действия (меры) в случае угрозы миру. Однако на практике подобные операции могут осуществляться и без санкции Совета Безопасности ООН. Примерами таких военных операций стали действия НАТО в Боснии в 1995 г., бомбардировки Союзной Республики Югославия авиацией США в 1999 г. в связи с конфликтом в Косово и целый ряд других. В наставлении Объединенного комитета начальников штабов США 1995 года цели военной операции по принуждению к миру сведены к созданию обстановки для перемирия или прекращения огня, что, как известно, не может служить достаточным основанием для заключения мира, а лишь отсрочивает его достижение. Данные операции по принуждению к миру представляли собой не что иное, как войны, цели которых далеко не совпадали с провозглашаемыми миротворческими целями.

В свою очередь война на востоке Украины, идущая с 2014 г., как и участие России в грузино-осетинском конфликте 2008 г., а также специальная военная операция, начатая Российской Федерацией в 2022 г., имеют существенные отличия от операций, проводимых США и НАТО. Выявление этих отличий предполагает, во-первых, прослеживание эволюции взглядов на войну и мир в истории человечества, а, во-вторых, указывает на необходимость всестороннего философско-политологического анализа условий проведения военных операций по принуждению к миру посредством обращения к диалектике войны и мира в современных международных отношениях. Две эти задачи и составляют предмет рассмотрения в данной статье.

Еще в XVII в. Гуго Гроций, голландский мыслитель, заложивший основы международного права, писал о праве народа противиться силой «ради сохранения общественного мира и государственного порядка» в случае нарушения правителем закона или совершения преступления против закона или государства [6, с. 151, 136]. Вооруженная борьба жителей Новороссии против режима, предавшего собственный народ и ввергшего его в пучину войны, являет пример использования военной силы для принуждения к миру ради восстановления истинного права народа на мирную и созидательную жизнь, подтверждает справедливость вывода Тацита о том, что «спокойствие народов охраняет армия» [28, с. 740], мир невозможен без вооруженной силы.

С началом специальной военной операции (СВО) общественное мнение резко поляризовалось на убежденных сторонников необходимости прибегания к военной силе для восстановления мира и пацифистов, огульно отрицающих всякие войны как абсолютное зло. Схожая картина по отношению к войне наблюдается и в научном мире, где присутствует как ее полное отрицание и осуждение, так и открытое признание войны важнейшим инструментом решения спорных международных проблем. Такая поляризация понятна, ибо, как отмечал еще Цицерон, «между войной и миром нет ничего промежуточного» [6, с. 879]. Золотой середины в споре о войне и мире нет, но есть сложная диалектика войны и мира, анализ которой только и позволяет найти ответ о правомерности использования военной силы в международных отношениях.

Вся история человечества пронизана бесконечным рядом войн и философскими размышлениями о путях достижения вечного мира. Столь несовпадающие между собой историческая и воображаемая реальности порождали и продолжают будировать в обществе бесконечные дискуссии о войне и мире, их природе и целях, социальном характере. Каждая эпоха при этом накладывала свой отпечаток на характер этих дискуссий, отражая уровень существующих представлений о природе, месте и роли войн в истории человечества, возможностях установления прочного мира. Целью статьи является прослеживание диалектики войны и мира на различных этапах всемирной истории, раскрытии характера трансформаций

войны и мира. Не менее важной задачей исследования является установление условий, при которых война становится средством принуждения к миру.

Материалы и методы

Методология исследования диалектики войны и мира, как противоположных состояниях общественной жизни, основана на анализе обширной историографии по проблеме войны и мира, применении сравнительно-исторического метода в изучении природы и характера данных состояний общества. В многочисленных исследованиях на протяжении обширного времени на первом плане всегда находилась война, являющаяся исторически доминирующей и наиболее развитой формой общественных отношений. Преобладание в истории человечества насильственных способов разрешения различного рода противоречий уже на заре европейской цивилизации привело Гераклита к убеждению о том, что «война всеобща... война есть отец всего, царь всего... является матерью всех вещей» [4, с. 36]. Платон указывал на то, что «война есть естественное состояние народов»¹.

Рассматривая войну как состояние борьбы, античные мыслители подразумевали под ней вооруженное столкновение государств, исходили из ее рассмотрения как «части искусства политического», тем самым подчеркивая ее вторичный характер, производный от существующих социальных отношений. Аристотель был убежден, что необходимо наличие веских причин для ведения войн, к которым он относил необходимость защищать политику государства, а также — обязанность ответить силой на неправомерную угрозу, когда нет другого способа предотвратить эту угрозу [3, с. 316].

В изучении феномена войны античные мыслители исходили из его объяснения как не противоречащего естественному праву, полагая, что «далеко не всякая война заслуживает его (народа — авторы) неодобрения», а следовательно, имеющему полное право, по мнению Цицерона, «любыми средствами отражать всяческое насилие, грозящее нашему телу, существованию и жизни» [6, с. 56, 53]. Вполне логичным шагом стала дифференциация войн на справедливые и несправедливые. К числу справедливых войн относили войны в целях самозащиты, возвращения имущества и наказания за правонарушения [6, с. 165]. К несправедливым относили те войны, для которых не было веских причин и которые использовали той или иной предлог для ее начала.

Выделение справедливых и несправедливых войн в античной и средневековой мысли способствовало углубленному исследованию диалектики войны и мира в философии Нового времени. Опираясь на труды Августина, Гуго Гроций подчеркивает, что «несправедливость... противной стороны вынуждает и мудрого вести справедливые войны, которые необходимы» [6, с. 601]. Необходимость ведения справедливой войны обуславливалась тем, что бездействие может сулить значительные опасности как для самих граждан, так и для всего государства. Поэтому в качестве причин начала таких войн рассматривалась даже потенциальная готовность неприятеля к ее развязыванию. Гроций, ссылаясь на Ливия, отмечает, что «римляне считали необходимым начать войну против царя Персея, если он не даст удовлетворительные объяснения о начальных приготовлениях к войне против римского народа, так как он уже снарядил войска, солдат и флот» [6, с. 514]. Только избавление от того, что подвергнет опасности все государство и населяющий его народ, способно, по мнению голландского правоведа и мыслителя, привести к миру, избавиться от потенциального нападения противника.

¹ Подробный обзор высказываний о войне приведен в книге: *Снесарев А.* Философия войны. М. : Ломоносовъ, 2013. С. 71–77.

Гуго Гроций, опираясь на теорию естественного права, отмечал, что «право естественное не отвергает войны», поскольку «самая цель войны — сохранение в неприкосновенности жизни и членов тела, сохранение и приобретение вещей, полезных для жизни, — вполне соответствует первым побуждениям природы; и если ради этого окажется необходимым прибегнуть к силе, то это никоим образом не противоречит первым побуждениям природы, поскольку даже отдельные животные наделены от природы достаточными силами и средствами, чтобы обеспечить себе самосохранение» [6, с. 49]. Обоснование войны естественным правом человека на полноценную жизнь открывало возможность к глубокому проникновению в диалектику войны и мира, позволило голландскому мыслителю впервые представить войну как средство принуждения к миру. Ссылаясь на Августина, он приходит к выводу, что «должно не стремиться к миру ради войны, но вести войну ради достижения мира» [6, с. 907]. Право войны объявляется необходимым условием обеспечения мира, целостности и суверенитета государства и народа. Всецело погружаясь в заботы войны, отмечает Гуго Гроций, нужно постоянно иметь в виду мир, подкрепляя свои рассуждения мыслью Саллюстия о том, что «мудрые ведут войну ради мира» [6, с. 907].

Из осознания того очевидного факта, что войны являются имманентно присущей стороной европейской истории, голландский мыслитель заключает, что не всякая война является необходимой, а лишь справедливые войны имеют законное право и выступают в качестве средства принуждения к миру. Гуго Гроций при этом исходил из убеждения, что во время войны глас закона не должен быть заглушен грохотом оружия, «войны ведутся ради заключения мира... Самая же война приводит нас затем к миру как своей конечной цели» [6, с. 29]. В третьей книге «О праве войны и мира» голландский мыслитель отдельно обращается к рассмотрению вопроса о том, какими нормами следует руководствоваться, когда началась война; а также намечает пути к скорейшему прекращению всех войн.

Философская мысль эпохи Просвещения и Нового времени в поисках путей предотвращения кровопролитных войн как средства разрешения противоречий в международных отношениях не удовлетворилась выводом о том, что с помощью справедливых войн можно достичь мира. Многие мыслители этой эпохи отрицали саму возможность разрешения противоречий посредством войны. Эразм Роттердамский был убежден, что война «первопричина всех бед и зол, бездонный океан, поглощающий все без различия. Из-за войны все цветущее загнивает, все здоровое гибнет, все прочное рушится, все прекрасное и полезное уничтожается, все сладкое становится горьким» [22, с. 40]. Французский философ-просветитель Ж.-Ж. Руссо в трактате «Суждение о вечном мире» связывает идею всеобщего мира с вооруженным свержением власти правителей, ибо они не заинтересованы в сохранении мира. Войны, завоевания и усиление деспотизма взаимно связаны, убежден он, и содействуют друг другу, частные интересы, т.е. интересы властвующих, противоречат общим интересам — интересам народа [23, с. 164]. И. Кант в трактате «К вечному миру» предложил установить мир на планете путем создания федерации всех народов Земли с охранением национального суверенитета каждого государства. Наличие международной правовой системы, по его мнению, позволит предотвращать и регулировать международные конфликты, так как нет и быть не может международного права, оправдывающего войну. В тайной статье, предлагаемого Канта договора, говорится, что «максимы философов об условиях возможности общего мира должны быть учтены государствами, вооружившимися для войны» [12, с. 224], среди которых главными являются просвещение и нравственное совершенствование людей, проведение реформ и установление цивилизованных отношений между государствами. Однако, как обоснованно отмечает А. Снесарев в своей работе «Философия войны», мысль Канта «сводится к тому, что идея вечного мира не может быть основанием для создания союза государств. ...

Вечный мир наступит лишь в виде конечного результата совершенствования международных отношений, т. е. явится тогда, когда царство силы заменится в них царством справедливости» [24, с. 879].

Апогеем развития концепций мирного обустройства общества стала работа Уильяма Пенна под названием «Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств», где основной целью провозглашается, во-первых, поддержание всеобщего мира и безопасности, а во-вторых, устранение любых угроз подобному устройству. Пенн был убежден, что его план позволит предотвратить обильное кровопролитие, «прекратятся стенания многих вдов, родителей и сирот»; «будет восстановлено доброе имя христиан, которое потерпело большой урон из-за кровопролитных и несправедливых войн»; «не будут опустошены жестокостью войны страны, города и деревни; мир обеспечит безопасность торговли и сообщения; наконец, возникнет и укрепится личная дружба между государями и парламентами, что приведет к искоренению войн» [19, с. 128–131]. Труд У. Пенна стал манифестом зарождающегося пацифистского движения, провозглашавшего возможность построения вечного мира на основе создания множества разнообразных институтов, регулирующих международные отношения, а также утверждения принципа ненасилия в качестве главного принципа разрешения возникающих проблем.

Отвергая всякое насилие и любые войны, в том числе и справедливые, пацифисты провозгласили принцип ненасилия как основополагающий способ разрешения любых конфликтов и социально-политическую концепцию общественного устройства, основанную на признании человека и его жизни высшими ценностями. Воплощением принципа ненасилия в отечественной мысли стала проповедь Л. Н. Толстым в своих произведениях идеи «непротивления злу насилием». Великий русский писатель последовательно отстаивал положение о том, что насилие над злом не уничтожает его, но умножает и что это умноженное зло обрушивается в конечном итоге на голову тех, кто пытается искоренить зло силой; что нейтрализовать зло и успешно противостоять ему можно только противоположным началом: зло уничтожается добром, гнев — кротостью, ненависть — любовью. Огонь нельзя тушить огнем, от наводнения нельзя спастись водой, а зло исправлять злом. Отсюда следует, что противление злу насилием, причинение ответного зла есть, по мнению Л. Толстого, признак бессилия и безрассудства, тогда как непротивление и воздаяние добром за зло — свидетельство силы и здравого ума. Толстой любил и часто повторял изречение Ж.-Ж. Руссо о том, что злоба происходит от бессилия [16, с. 68].

Против «сентиментального морализма» Л. Н. Толстого, как следствия непонимания глубокой диалектики войны и мира, решительно возражали выдающиеся русские философы В. С. Соловьев и И. А. Ильин. Опираясь на диалектическое понимание места и роли насилия и ненасилия в обществе, применения силы в качестве средства принуждения к миру, они всесторонне показали, что означало бы «непротивление злу». Русские мыслители однозначно утверждали, что «это означало бы принятие зла: допущение его в себе и предоставление ему свободы, объема и власти» [9, с. 9]. В. С. Соловьев, возражая на существование лишь одного бесспорного ответа на вопрос о сущности войны, отмечает, что «смысл войны не исчерпывается ее отрицательным определением как зла и бедствия; в ней есть и нечто положительное — не в том смысле, чтобы она была сама по себе нормальна, а лишь в том, что она бывает реально необходимою...» [26, с. 340]. Русский философ ссылается на поучительный факт из истории Древней Руси, когда удельные князья не согласились с призывом Владимира Мономаха идти в поход против половцев, ссылаясь на то, что им жалко подвергать людей бедствиям войны. На что великий князь Владимир Мономах держал такую речь: «Придет весна, выедет крестьянин в поле с конем, землю пахать. Приедет половчанин, крестьянина убьет, коня уведет;

наедут потом половцы большой толпой, всех крестьян перебьют, жен с детьми в полон заберут, скот угонят, село выжгут. Что же вы в этом-то людей не жалеете? Я их жалею, для этого и зову вас на половцев. На этот раз пристыженные князья послушались, и земля отдохнула при Владимире Мономахе. Ну, а потом, — повествует В.С. Соловьев, — они вернулись к своему миролюбию, избегавшему внешних войн... и кончилось это для России монгольским игом» [25, с. 316–317].

По мнению русских философов, отказ от применения силы против зла узаконивает слабости, возвеличивает эгоцентризм, потакает безволию, снимает с души человека общественные и гражданские обязанности, освобождает от ответственности за свершающееся в мире [9, с. 8]. Исследуя природу насилия, лежащую в основе всякой войны, В.С. Соловьев и И.А. Ильин считают целесообразным разграничить понятия «насилия» и «силы». Следует считаться с тем обстоятельством, отмечают они, что в реальной жизни присутствуют многообразные виды насилия, отнюдь не всегда мотивированные злом. Добро также имеет свои собственные силы, которые могут выражаться посредством принуждения, заставления, пресечения и других форм. «Зло, — отмечает В. Соловьев, — действительно существует, и оно выражается не в одном отсутствии добра, а в положительном сопротивлении... во всех областях бытия» [25, с. 389]. Чтобы предотвратить непоправимые последствия ошибки или зла, человек, стремящийся к добру, должен прибегать к средствам принуждения и пресечения. «Подлинное сопротивление злу, — по мнению И.А. Ильина, — не сводится к порицанию его и не исчерпывается отвержением его; нет, оно ставит человека перед вопросом о жизни и смерти, требуя от него ответа, стоит ли ему жить при наличности побеждающего зла и если стоит, то как именно он будет жить для того, чтобы этой победы не было. ...Человеку практически дается всего две возможности, всего два исхода: или потакающее бездействие, или физическое сопротивление» [9, с. 38, 39].

Сопротивление насилию предполагает наличие силы, действенной и эффективной. При этом суть не в силе как самоцели, а в силе как источнике самоуважения и доказательства правильности выбранного пути. Без силы не может быть должного достоинства, а без достоинства нет как цельного человека, так и суверенного государства. Обращение жителей Новороссии к военной силе как способу отстаивания собственного достоинства и права на социально-культурное самостояние — именно тот случай, когда война не может быть рассмотрена как абсолютное зло, а предстает как средство принуждения к миру.

Представление о войне как безусловном зле и акте насилия, утвердившееся в политическом сознании эпохи Просвещения с ее идеалами гуманизма, является достаточно отвлеченным и игнорирующим сложную диалектику войны и мира. В.С. Соловьев отмечает, что как война не есть безусловное зло, так и мир не есть безусловное добро. При абсолютной противоположности между добром и злом «...совершенно ясно, что война и мир сюда не подходят, ...окрасить войну сплошь одною черной краской, а мир — одною белою никак невозможно» [25, с. 310].

На недопустимость абсолютизации войны как акта насилия указывал и родоначальник классического подхода к изучению войны К. Клаузевиц, который подчеркивал, что «если бы она была совершенным, ничем не стесняемым, абсолютным проявлением насилия, то она с момента своего начала стала бы прямо на место вызвавшей ее политики как нечто от нее совершенно независимое. Война вытеснила бы политику и, следуя своим законам, подобно взорвавшейся mine, не подчинилась бы никакому управлению и никакому государству, а находилась бы в зависимости лишь от приданной ей при подготовке организации» [13, с. 53]. Война всецело определяется политическими мотивами и целями, которые и придают ей определенный социальный характер и обуславливают способы использования силы.

Результаты

Историографический анализ воззрений на диалектику войны и мира, насилия и не-насилия позволяет глубже понять суть тех перемен, которые происходят в оценке места и роли силы в современных международных отношениях. Стало более очевидно, что взгляд на войну как продолжение политики не является ни единственно возможным, ни единственно правильным [14, с. 190]. Существенно эволюционировало за последний век положение немецкого военного теоретика о том, что война «есть только продолжение государственной политики другими средствами» [13, с. 54]. Это обусловлено значительными трансформациями социального характера войн в современном мире, которые ныне являются не только продолжением политики государств, но и «неполитическими» войнами, к которым, по определению Мартина ван Кревельда, относятся, например, религиозные войны и войны за выживание [14, с. 179–208]. Автор вполне обоснованно отмечает, что восьмилетнюю борьбу народа Алжира за освобождение от французского владычества было бы ошибочно считать войной, преследующей политические цели. «Политику нельзя путать с национальным самосознанием и тем более отождествлять с самим фактом существования того или иного народа» [14, 01]. Вряд ли погрешим против истины, если будем утверждать, что и вооруженная борьба жителей Новороссии является примером войны за выживание. Только прибегнув к вооруженной силе, жители Донбасса имеют возможность отстоять свое право на мир и созидательный труд.

Вооруженное противостояние Донбасса киевскому режиму фокусирует внимание на рассмотрении войны как принуждения к миру через призму той роли, которую она играет в защите культурного мира и его ценностей. Перед опасностью уничтожения культуры «нельзя налагать абсолютный запрет на силу и меч, — был убежден И. А. Ильин, — ибо обращение к ним может быть нравственно и религиозно обязательным» [9, с. 115]. К мысли о «нравственно-религиозной санкции» военной силы неоднократно возвращался и В. С. Соловьев, усматривая возможность нравственной оценки войны, имеющий справедливый характер, под тем углом, что она реальна необходима при данных условиях [25, с. 306].

Неслучайно, что во второй половине XX в. вновь получают распространение концепции справедливых войн. Американским философом и политологом М. Уолцером в работе «Справедливые и несправедливые войны: нравственный аргумент с историческими иллюстрациями», вышедшей в 1977 г., дается нравственное обоснование таких видов военных действий, как самооборона, случаев упреждающего удара, помощи в борьбе за национальное освобождение [27]. В этом контексте война на Новороссии, начавшаяся в 2014 году, а также СВО в полной мере отвечают критериям справедливой войны.

Вместе с тем, следует отметить, что теория справедливой войны нередко оказывается политически ангажированной, как, например, для морального обоснования таких войн, как война против Ирака, военные действия США в Афганистане (2001–2014) и др., которые по своей сути не являлись справедливыми и законными. Лозунги, призывающие усмирить «национализм», остановить распространение коммунизма или «сделать мир безопасным для демократии» и другие подобные им, служили лишь для того, чтобы «скрыть тот факт, что люди ввязались в борьбу не на жизнь, а на смерть, даже не зная, почему или ради чего» [14, с. 206].

С развитием международных отношений эволюционирует и диалектика войны и мира. Их эволюция связана, по мнению военного эксперта ООН М. Калдор, прежде всего, с изменением природы войн современной эпохи, содержания, характера и особенностей их ведения. Особенности войн современной эпохи, по мнению Калдор [11], обусловлены, во-первых, тем, что цели войн в XXI в. уже не являются чисто политическими в традиционном смысле, т. е. не связаны с идео-

логическим и геополитическим обоснованием национальных интересов, а преследуют этнические, религиозные цели, достижение территориальной целостности, языковой идентичности. Во-вторых, монополия на насилие в современных войнах не ограничена уже только государством, в войны вовлечены сети государственных и негосударственных участников, размыто различие между внешними и внутренними угрозами.

В-третьих, происходит коммерциализация насилия, что обусловило появление частных военных компаний, других негосударственных акторов, использующих различные виды насилия — экономическое, религиозное, этническое — ради достижения тех или иных целей. А экономическую основу современных войн все чаще составляют внешние источники (участие диаспор), криминальные доходы от продажи оружия, наркотиков, природных ресурсов, гуманитарная помощь.

Современным войнам и вооруженным конфликтам, в-четвертых, присуща обоюдная заинтересованность противоборствующих сторон, поскольку это позволяет воспроизводить национальные, религиозные настроения, которые способствуют осуществлению экономических, идеологических и других групп интересов. В то же время военные действия ведутся преимущественно против гражданского населения.

Особенностью современных войн, в-пятых, является масштабное применение информационных технологий, которые делают их гораздо более избирательными. По мнению американских военных специалистов, революция в области вооружений приводит к осуществлению различных видов контроля над поведением и вторжением в сознание противника. «Нападение на человеческое тело было грубым и неэффективным средством ведения войны. Нападение на разум может оказаться кульминацией военной истории» [20, с. 410].

Отмеченные особенности, по мнению начальника Генерального штаба Вооруженных Сил РФ, генерала армии В. Герасимова, способствуют тому, что в современном мире «линия между войной и миром размыта. Этот вывод о стирании границ между войной и миром подтверждается практикой цветных революций и Арабской весны. Демократические протесты, конфликты в современную эпоху изначально не ориентированы на начало войны, но зачастую приводят к внешнему вмешательству, гражданским войнам, гуманитарному кризису» [5].

Стирание границ между войной и миром, убежден Е. А. Месснер, приводит к тому, что «нет больше смены: мир — война — снова мир. Мир переплелся с войной, война с миром, стратегия с дипломатией. Что понимать ныне под словом «мир»? Что это мир, который называется «холодной войной»? Что понимать под словом «война», если во время войны воюют не только битвами стратегов, но и конкуренцией дипломатов в лансировании «целей войны» (одни, например, козыряют Атлантической декларацией, а другие объявляют козырем «Новую Европу»)» [17, с. 70]. Мир в сложившихся международных отношениях может стать источником войны. Американский специалист по геополитике Эдвард Лютвак пишет о том, что «если бы мир не приводил к войне, тогда войны бы не было вообще — ибо война не может продолжать сама себя» [15, с. 122].

Возможность перерастания мира в войну, полагает Э. Лютвак, может возникнуть тогда, когда мирные условия способны создавать предпосылки к войне, вынуждая миролюбивую сторону отказаться от поддержания надежной обороны или поощряя возможных агрессоров планировать нападение. В истории войн заключение мира по большей части сопровождалось использованием политики аннексий и контрибуций, что не могло не создавать условия для возникновения реваншистских настроений. В сложной диалектике войны и мира в современную эпоху очевиден тот факт, что «само по себе состояние мира лишено субстанциональности и не может вызывать беспокойства, но оно по своей природе способствует разностороннему развитию человеческих способностей и умонастроений независимо от тех факторов,

которые препятствуют войне. ...Ранее приемлемое начинает вызывать невыносимое раздражение; престиж, некогда достаточный, начинает ощущаться как унижение; прежняя недостижимая мечта становится вполне реальной целью» [15, с. 121]. Подобные умонастроения, как свидетельствует современная история, достаточно часто эксплуатируются политическими элитами разных стран. Веймарская республика — лишь один из многочисленных примеров в XX в.

К числу причин, способствующих превращению мира в источник войн, Лютвак относит также то, что любая форма человеческого прогресса повышает способность к ведению войны, нарушая баланс военных сил между великими державами, некогда поддерживающий мир. В то же время пока социальные институты, политические лидеры и общественность готовы мириться с потерями в ходе войны, страны вступят в войну даже по самым банальным причинам. Но верно и другое — общества ни одной из развитых стран с низким уровнем рождаемости, обладая всеми атрибутами военной силы или экономической базой для наращивания военного потенциала, не пожелают мириться с возможными большими потерями, что, по сути, делает их демилитаризованными [15, с. 128; 130].

Способность трансформации мира в источник войн объясняется качественными характеристиками самого мира, который может быть как справедливый, так и несправедливый. Последний характеризуется как такое состояние общества, когда между войнами наступает временная передышка, а вся жизнь общества подчинена силовой политике. При этом широко используются невооруженные средства и способы насилия, спорадически возникают региональные конфликты, имеют место акции «усмирения», «ядерный шантаж», государственный терроризм и т. п. Вот почему, как отметил в своем Обращении патриарх Кирилл перед началом Рождественского богослужения, необходимо, «чтобы наступили мир и одновременно справедливость, потому что мир без справедливости непрочен и даже иногда опасен» [18].

Сложная и многогранная диалектика войны и мира, вытекающая из многообразия современных международных отношений и обусловленная их характером, вынуждает критически воспринимать заявления некоторых авторов о том, что «война существует ради мира, а не мир для войны» [8, с. 70]. Анализ современных международных отношений свидетельствует, что война «пожирает и уничтожает материальные и моральные ресурсы, необходимые для продолжения боевых действий... препятствует собственному продолжению... Война может стать началом мира благодаря полной победе одной стороны, полного истощения обеих сторон или вследствие того (как обычно и бывает), что конфликт целей, спровоцировавших войну, разрешился в силу преобразований, которые принесла эта война» [15, с. 106–107].

Анализ современных международных отношений через призму диалектики войны и мира позволяет, таким образом, утверждать о праве войны выступать в качестве средства принуждения к миру. Перед специалистами в области международного права стоит большая и ответственная задача по осмыслению новых явлений в международных отношениях и, в частности, обоснования условий квалификации войны как принуждения к миру. Условиями, позволяющими ее квалифицировать как принуждение к миру, помимо закрепленного в документах ООН права применения военной силы в миротворческих целях, выступают следующие: законное право народа с помощью военной силы остановить внутрисударственный вооруженный конфликт; неправомерная угроза суверенитету страны, связанная с опасностью вторжения других государств; недопущение разрастания национальных и религиозных столкновений, могущих привести к распаду государства; наличие угрозы миру со стороны милитаристских сил и организаций, как государственного, так и негосударственного происхождения и ряд других.

В контексте применения военной силы как средства принуждения к миру следует оценивать СВО, необходимость которой, как отметил в своем Обращении Пре-

зидент РФ В. В. Путин 22 февраля 2022 г., вызвана «фундаментальными угрозами... в отношении нашей страны» [1]. К их числу В. В. Путин относит расширение блока НАТО на восток, приближение его военной инфраструктуры к российским границам, а «на прилегающих к нам территориях, — замечу, на наших же исторических территориях, — создается враждебная нам „анти-Россия“, которая поставлена под полный внешний контроль, усиленно обживается вооруженными силами натовских стран и накачивается самым современным оружием» [1]. Единственным выходом для обеспечения безопасности и установления мира на границах России с Украиной, прекращения геноцида народа Новороссии, стала спецоперация по демилитаризации — по разоружению Украины и ликвидация военных укреплений и сооружений, а также по денацификации Украины — проведение комплекса мероприятий, направленных на очищение общества, культуры, прессы, экономики, образования, юриспруденции и политики от влияния нацистской идеологии.

Переход операции по принуждению к миру на Украине в военную фазу и неприкрытая поддержка Западом киевского режима всеми имеющими средствами, включая огромную военную помощь, обусловили внесение существенных изменений в Военную доктрину Российской Федерации, смысл которых был определен Президентом РФ В. В. Путиным 25 сентября 2024 г. на заседании постоянного совещания Совета безопасности по ядерному сдерживанию, указавшего на использование ядерных сил как крайней меры защиты суверенитета страны, «инструментом поддержания стратегического паритета и баланса сил в мире» [2]. Внесенные в военную доктрину изменения, — подчеркнул В. В. Путин, — являются глубоко выверенными и соразмерными современным военным угрозам и рискам в отношении Российской Федерации» [2]. Военная сила в данном случае выступает гарантом мира, средством его обеспечения.

Выводы

Основополагающим принципом международных отношений в современном мире является обеспечение баланса интересов различных акторов мировой политики. Однако в реальности они характеризуются установившимся балансом сил, который не отличается стабильностью и постоянством, что дало повод одному из мыслителей эпохи Просвещения констатировать: «Ни одно право не гарантировано, кроме права сильного» [10, с. 159]. Постоянное совершенствование на основе достижений науки и техники различных видов вооружения еще больше усиливает дисбаланс сил на мировой арене, обеспечивая доминирование тех или иных акторов международной политики. Военная сила была и продолжительное время будет оставаться влиятельным фактором международных отношений, выступая в качестве способа реализации интересов государств. В то же время нельзя не видеть, что в современном мире сила уже не сводится только к достижению превосходства в военной сфере, но также предполагает экономический, научно-технический, социально-политический и культурный прогресс общества. Происходят значительные трансформации и в самом понятии войны, которая все более обретает черты гибридной, где помимо военной силы существенную роль играют невоенные средства. Так влияние «мягкой силы» на мировую политику сегодня приобретает все большую значимость.

Стирание границ между военными и невоенными средствами, применяемыми в современной мировой политике, обуславливает необходимость глубокого проникновения в диалектику войны и мира в ее историческом контексте, где не может быть места противопоставлению войны и мира, как это утвердилось в общественном сознании с эпохи Просвещения и остается пролонгированным до сего времени. Реальность такова, что война неразрывно связана с миром.

Литература

1. Обращение Президента Российской Федерации 24 февраля 2022 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67843> (дата обращения: 10.01.2025).
2. Заседание Постоянного совещания Совбеза по ядерному сдерживанию [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75182> (дата обращения: 07.01.2025).
3. *Аристотель*. Политика. М.: АСТ, 2010. 400 с.
4. *Асмус В. Ф.* История античной философии. Изд. 2-е, доп. М.: Высшая школа, 1976. 543 с.
5. *Герасимов В.* Основные тенденции развития форм и способов применения ВС, актуальные задачи военной науки по их совершенствованию // Военно-промышленный курьер. № 8. 27 февраля — 5 марта 2013 г.
6. *Гроций Г.* О праве войны и мира / Г. Гроций. М.: АСТ; ОГИЗ, 2023. 912 с.
7. *Гуторович О. В., Машукова Е. Ю.* Этатизация войны и проекты вечного мира [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etatizatsiya-voyny-i-proekty-vechnogo-mira> (дата обращения: 04.01.2025).
8. *Емельянов С. А.* Феноменология русской идеи и американской мечты. Россия между Дао и Логосом. М.: Астерион, 2013. 210 с.
9. *Ильин И. А.* О сопротивлении злу силой // Ильин И. А. Путь к очевидности. М.: Республика, 1993. С. 5–132.
10. *Сен-Пьер Ж арль Ирине де.* Избранные места из проекта вечного мира (в изложении Ж.-Ж.Руссо) // Трактаты о вечном мире. М.: Соцэкгиз. 1963. С. 136–161.
11. *Калдор М.* Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / пер. с англ. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 416 с.
12. *Кант И.* К вечному миру // Трактаты о вечном мире. М.: Соцэкгиз. 1963. С. 205.
13. *Клаузевиц К.* О войне. В 2 т. Т. 1. М.: Госвоениздат НКО СССР. 1936. 442 с.
14. *Кревельд Мартин ван.* Трансформация войны. М.: ИРИСЭН; Социум, 2015. 320 с.
15. *Лютвак Э.* Стратегия: логика войны и мира. М.: АСТ, 2021. 448 с.
16. *Мелешко Е. Д.* Учение Л. Н. Толстого о непротивлении злу насилием, изложенное в изречениях // Принципы ненасилия: классическое наследие. М.: Прогресс, 1991. С. 59–111.
17. *Месснер Е.* Всемирная мятежевойна. М.: Кучково поле, 2004. 512 с.
18. Обращение Святейшего Патриарха Кирилла перед началом Рождественского богослужения в Храме Христа Спасителя [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6189280.html?ysclid=m5m6abf8ml236484965> (дата обращения: 07.01.2025).
19. *Пенн У.* Опыт о настоящем и будущем мире в Европе путем создания европейского Конгресса, Парламента или Палаты государств // Трактаты о вечном мире. М.: Соцэкгиз. 1963. С. 88–101.
20. *Попов И. М., Хамзатов М. М.* Война будущего: Концептуальные основы и практические выводы. Очерки стратегической мысли. М.: Кучково поле, 2016. 832 с.
21. Принуждение к миру // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/3167672 (дата обращения: 05.01.2025).
22. *Роттердамский Э.* Жалоба мира // Трактаты о вечном мире. М.: Соцэкгиз. 1963. С. 40–60.
23. *Руссо Ж.-Ж.* Суждения о вечном мире // Трактаты о вечном мире. М.: Соцэкгиз. 1963. С. 138–149.
24. *Снесарев А.* Философия войны. М.: Ломоносовь, 2013. 288 с.
25. *Соловьев В. С.* Три разговора о войне, прогрессе и конце всемирной истории // В. С. Соловьев. Смысл любви: избран. произв. М.: Современник. 1991. С. 293–427.
26. *Соловьев В. С.* Оправдание добра: Нравственная философия. М.: Республика, 1996. 479 с.
27. Современная теория справедливой войны [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/teoriia-spravedlivoi-voiny-c54154> (дата обращения: 05.01.2025).
28. *Тацит Публий Корнелий.* Анналы. Малые произведения. История: пер. с лат. М.: АСТ; Ладомир, 2003. 984 с.

Об авторах:

Безлепкин Николай Иванович, научный редактор издательского отдела Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; nick-bezlepkin@yandex.ru

Бажуков Владимир Иванович, профессор кафедры ЮНЕСКО по изучению глобальных проблем факультета глобальных процессов Московского государственного университета

имени М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация), доктор культурологии, доцент; bashukovi@yandex.ru

References

1. Address of the President of the Russian Federation on February 24, 2022 [Electronic resource]. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/speeches/67843> (accessed: 10.01.2025). (In Russ.)
2. Meeting of the Permanent Security Council Conference on Nuclear Deterrence [Electronic resource]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75182> (accessed: 07.01.2025). (In Russ.)
3. Aristotle. Policy. M.: AST, 2010. 400 p. (In Russ.)
4. Asmus V.F. History of ancient philosophy. Ed. 2nd, add. M.: Higher. School, 1976. 543 p. (In Russ.)
5. Gerasimov V. Main trends in the development of forms and methods of using armed forces, current tasks of military science for their improvement // Military-industrial courier [Voenno-promy'shlennyj kur'er]. N 8. February 27 – March 5, 2013. (In Russ.)
6. Grotius, Hugo. On the law of war and peace / G. Grotius. Moscow: Publishing house AST: OGIz, 2023. 912 p. (In Russ.)
7. Gutorovich O.V., Mashukova E. Yu. Etatization of war and projects of eternal peace [Electronic resource]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etatizatsiya-voyny-i-proekty-vechnogo-mira> (accessed: 04.01.2025). (In Russ.)
8. Emelyanov S. A. Phenomenology of the Russian idea and the American dream. Russia between Tao and Logos M.: Asterion, 2013. 210 p. (In Russ.)
9. Ilyin I. A. On resistance to evil by force // Ilyin I. A. The path to obviousness. M.: Republic, 1993. P. 5–132. (In Russ.)
10. Irina de Saint-Pierre Charles. Selected passages from the project of eternal peace (as presented by J.-J. Rousseau) // Treatises on eternal peace. M.: Sotsekgiz. 1963. pp. 136–161. (In Russ.)
11. Kaldor M. New and old wars: organized violence in the global era / trans. from English M.: Gaidar Institute Publishing House, 2015. 416 p. (In Russ.)
12. Kant I. Towards eternal peace // Treatises on eternal peace. M.: Sotsekgiz. 1963. P. 205–241. (In Russ.)
13. Clausewitz K. About war. In 2 volumes. T. 1. M.: Gosvoenizdat NKO USSR. 1936. 442 p. (In Russ.)
14. Creveld, Martin van. Transformation of war. M.: IRISEN, Sotsium, 2015. 320 p. (In Russ.)
15. Lutwak E. Strategy: the logic of war and peace. M.: Publishing house AST, 2021. 448 p. (In Russ.)
16. Meleshko E. D. Leo Tolstoy's teaching on non-resistance to evil through violence, set out in sayings // Principles of non-violence: classical heritage. M., Progress, 1991. P. 59–111. (In Russ.)
17. Messner E. World rebellion. M. : Kuchkovo pole, 2004. 512 p. (In Russ.)
18. Address of His Holiness Patriarch Kirill before the start of the Christmas service in the Cathedral of Christ the Savior [Electronic resource]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6189280.html?ysclid=m5m6a6f8ml236484965> (accessed: 07.01.2025). (In Russ.)
19. Penn W. Experience about the present and future peace in Europe through the creation of a European Congress, Parliament or House of States // Treatises on Eternal Peace. M.: Sotsekgiz. 1963. P. 88–101. (In Russ.)
20. Popov I. M., Khamzatov M. M. Future Warfare: Conceptual Framework and Practical Implications. Essays on strategic thought. M.: Kuchkovo pole, 2016. 832 p. (In Russ.)
21. Compulsion to peace // Great Russian Encyclopedia [Electronic resource]. URL: https://old.bigenc.ru/world_history/text/3167672 (accessed: 05.01.2025). (In Russ.)
22. Rotterdam E. The Complaint of the World // Treatises on Eternal Peace. M.: Sotsekgiz. 1963. P. 40–60. (In Russ.)
23. Rousseau J.-J. Judgments about the eternal world // Treatises on the eternal world. M.: Sotsekgiz. 1963. pp. 138–149. (In Russ.)
24. Snesarev A. Philosophy of war. M.: Lomonosov, 2013. 288 p. (In Russ.)
25. Soloviev V.S. Three conversations about war, progress and the end of world history // V.S. Soloviev. The meaning of love: Chosen. prod. M.: Contemporary. 1991. pp. 293–427. (In Russ.)
26. Soloviev V. S. Justifying the Good: Moral Philosophy. M.: Republic, 1996. 479 p. (In Russ.)

27. Modern theory of just war [Electronic resource]. URL: <https://bigenc.ru/c/teoriia-spravedlivoivoiny-c54154> (accessed: 05.01.2025). (In Russ.)
28. Tacitus Publius Cornelius. Annals. Small works. History: Per. from lat. M.: LLC "AST Publishing House"; «Ladomir», 2003. 984 p. (In Russ.)

About the authors:

Nikolay I. Bezlepkin, scientific editor of the publishing department of the North-Western Institute of Management RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Philosophy), Professor; nick-bezlepkin@yandex.ru

Vladimir I. Bashukov, Professor, UNESCO Department for the Study of Global Problems, Faculty of Global Processes, Moscow State University named after M. V. Lomonosov, (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Cultural Studies), Associate Professor; bashukovi@yandex.ru

Социологическое исследование событийности детства: доказательный подход в проектировании программ для детей и молодежи

Губанова А. Ю.¹, Колосова Е. А.², Коняшкина А. С. В.³, Майорова-Щеглова С. Н.⁴ *

¹Российское общество социологов, Москва, Российская Федерация;

²Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Российская Федерация;

³Российская государственная детская библиотека, Москва, Российская Федерация;

⁴Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Российская Федерация; *sheglova_s@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Целью статьи является доказательство возможностей и ограничений исследования событий детства для обоснования практико-ориентированных проектов в области молодежной политики и поддержки детства. В статье описываются основные направления доказательного подхода в прикладных исследованиях. Авторы аргументируют необходимость использования социологических данных о масштабах, специфике различных ситуаций, эпизодах, дебютных событий в детстве для принятия управленческих решений в доказательной государственной политике в сфере детства и молодежи. Проанализированы данные панельных исследований «Событийность детства», реализованных в 2018 и 2023 гг. Из массива 100 значимых событий детства для аргументирования доказательного подхода были отобраны те, которые наиболее актуальны для проектирования различных программ для детей и молодежи (девиантные события детства, приобщение к субкультурным практикам, освоение информационно-коммуникационных технологий, традиционные практики освоения культуры). Выявлено, какие группы детей и подростков являются целевой аудиторией для проектов по профилактике девиации и ассоциальных субкультурных групп, приобщению к чтению, программам цифровой гигиены и др. Определены перспективы развития доказательного подхода: императив применения не только на первичном этапе создания проектов, но и по завершению программ для доказательства результативности, необходимость внедрения исследований в качестве обязательного условия в грантовых программах, изменение приоритетов подбора экспертов.

Ключевые слова: доказательный подход, проект, дети, молодежь, событие детства

Для цитирования: Губанова А. Ю. [и др.]. Социологическое исследование событийности детства: доказательный подход в проектировании программ для детей и молодежи // Управленческое консультирование. 2025. № 1. С. 72–83.

The Sociological Study of the Eventfulness of Childhood: an Evidence-Based Design of Programs for Children and Youth

Alexandra Yu. Gubanova¹, Elena A. Kolosova², Anna Sofia V. Konyashkina³, Svetlana N. Mayorova-Scheglova⁴ *

¹Russian Society of Sociologists, Moscow, Russian Federation;

²Russian State University for the Humanities;

³Russian State Children's Library, Moscow, Russian Federation;

⁴Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russian Federation; *sheglova_s@yandex.ru

ABSTRACT

The purpose of the article is to prove the possibilities and limitations of studying childhood events to justify practice-oriented projects in the field of youth policy and childhood support. The article describes main directions of the evidence-based approach in applied research. Authors argue the need to use sociological data on the scale, specifics of various situations, episodes, debut events in childhood for making management decisions in evidence-based state policy in the field of childhood and youth. The data of panel studies "Eventfulness of Childhood" implemented in 2018 and 2023 are analyzed. From an array of 100 significant childhood events, those that are most relevant for designing various programs for children and youth (deviant childhood events, introduction to subcultural practices, mastering information and communication technologies, traditional practices of mastering culture) were selected to argue the evidence-based approach. It has been revealed which groups of children and adolescents are the target audience for projects on the prevention of deviation and associative subcultural groups, introduction to reading, digital hygiene programs, etc. The prospects for development of an evidence-based approach have been identified: the imperative of using it not only at the initial stage of creating projects, but also upon completion of programs to prove effectiveness, the need to introduce research as a mandatory condition in grant programs, and a change in the priorities for selecting experts.

Keywords: evidence-based approach, project, children, youth, childhood event

For citing: Gubanova A. [et al.] The Sociological Study of the Eventfulness of Childhood: an Evidence-Based Design of Programs for Children and Youth // Administrative consulting. 2025. N 1. P. 72–83.

Введение

В современных государственных программах, ориентированных на развитие инновационного общества, одной из основных задач является развитие потенциала ювенальных групп (детей, подростков, молодежи). В настоящий момент самыми значимыми являются: Федеральный проект «Развитие системы поддержки молодежи («Молодежь России»), Десятилетие детства, Федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», Российское движение детей и молодежи «Движение Первых». Многочисленные образовательные, воспитательные, социокультурные, профессиональные программы, реализуемые федеральными и региональными органами исполнительной власти, общественными организациями, призваны обеспечить условия гармоничного вхождения молодых людей в институализированную общественную жизнь, развить их навыки и умения. Результаты такого успешного развития могут интерпретироваться как нефинансовые, интеллектуальные инвестиции в человеческий потенциал страны. Обозначенные программы, с одной стороны, стимулируют юных граждан на проявление своих сильных сторон (инициативности, активности, инновационности, включенности в информатизацию и др.), а с другой стороны, предотвращают отклонения от нормативного поведения (демонстративность, стремление к риску, негативизм и отвержение авторитетов) [15].

При этом крайне важным является не количество подобных проектов, а их качество: доказанные возможности решения реальных проблем в молодежной среде. Во многих случаях значимость таких программ как ответа на потребности общества в обучении и воспитании, развитии просоциальной активности молодежи не вызывает сомнения, однако то, что они могут предлагаться без учета современных тенденций изменений детской, подростковой повседневности и детского социального пространства снижают их эффективность.

Аргументации результативности и успешности различных программ и технологий при работе с детьми и молодежью до сих пор уделяется недостаточное внимание, несмотря на достаточную разработанность и обоснованность доказательной социальной политики и в России, и за рубежом [2; 18; 20]. Остается открытым вопрос

о методиках и процедурах эмпирического подтверждения применимости социологических исследований в данной сфере, возможности привлечения к ним ювенальной аудитории, непротиворечивости данной стратегии и иных разделов и практик социальной политики.

Материалы и методы

Выбор новых социально-управленческих технологий возлагается, как правило, на взрослое экспертное сообщество авторитетов, которые при принятии решений ориентируются на субъективную позицию, связанную с полученным образованием, избранной теоретической рамкой, опытом практической работы в специфических ситуациях, личностной приверженностью каким-то сообществам и группам, ангажированностью и связями с лоббированием политических или экономических интересов и др. [9]. Так появляются экспертные заключения о молодежных проектах, которые можно назвать термином, предложенным экономистами социальной сферы, — «неправильно угаданными исходными условиями» [17, с. 102–103]. Доказательный подход предполагает иные стратегии и тактики подготовки консалтинговых предложений и рекомендаций.

Признание данных массовых исследований-экспериментов в качестве аргументов пришло в междисциплинарное поле социально-политических и экономико-управленческих наук из доказательной медицины (evidence-based medicine) в конце прошлого столетия. В медицине эффективность лечения контролировалась в рандомизированном исследовании воздействия лекарств и манипуляций, затем такой же подход стал использоваться с 1995 г. в психотерапии [14].

В демографических исследованиях массовые обследования активно применяются при анализе семейной политики, признан устоявшийся метод количественных замеров государственного воздействия на семью — модель Т. де Сильвы и С. Тенрейро [22]. Российские специалисты-демографы, используя доказательный подход, сформулировали выводы о влиянии государственной семейной политики не вообще на всю семейную сферу, а преимущественно на репродуктивное поведение граждан [4].

Именно благодаря широкой дискуссии о правомерности применения в этих сферах основных понятий доказательного метода, которая проходила в первом десятилетии нашего века, категории результативности и эффективность [12] распространяются на многие сферы общественной жизни, в том числе и на социальное пространство детства, молодежи. Однако в сфере работы с ювенальными группами в образовании и воспитании наблюдается исключительное тяготение к использованию апелляции к авторитетам, историческим традициям научных школ, к устоям, привычкам здравого смысла, к предписываемым требованиям управленческих структур, по сравнению, например, с секторами управления промышленной, банковской сферой, где применяются методы точные, математические [6].

Сущность описанного в статье доказательного подхода на основе исследования событийности детства состоит в процессе аккумуляции данных эмпирических, систематических, междисциплинарных, продуктивных количественных замеров поведенческих действий подрастающего поколения. Эти данные должны перепроверяться через анализ социально-коммуникативных компонентов детских организаций и учреждений (в том числе, социальных сетей, текстов программ, отчетов и пр.), так как именно эти социальные институции являются организаторами программ для молодежи и возможными объектами будущих управленческих решений и финансовой поддержки. В процессе применения доказательного подхода обосновываются осознанные, целенаправленные действия в отношении ювенальной группы детей, подростков и юношества.

Мы предполагаем, что основой верификации программ и технологий могут служить массовые автобиографические исследования молодежной группы.

Для подтверждения данного тезиса обратимся к результатам двух волн исследования «Событийность детства», проведенных временным научно-исследовательским коллективом исследовательского комитета «Социология детства» Российского общества социологов (РОС) с использованием онлайн-анкеты. Выборка исследования — неслучайная потоковая, ключевые критерии отбора анкет: возраст респондентов (17–23 года); территориальный охват (8 федеральных округов, 22 региона). После ремонта массива математической обработке подвергнуты только полностью заполненные анкеты по 100 основным событиям детства. В 2023 г. было опрошено 1210 человек, в 2018 — 714, данные этого первого этапа используются в статье для выявления тенденций изменений событийности. В детстве респонденты проживали: в городах-миллионниках — 21,9%, в крупных городах (от 200 тыс. до 1 млн жителей) — 23,3%, в небольших городских образованиях (до 200 тыс. жителей) — 30,4%, в сельской местности — 24,4%.

Целью данной статьи выступает выявление возможностей исследования возраста и направленности событий детства для уточнения практико-ориентированных программ в области молодежной, семейной политики и поддержки детства. Для реализации этой цели были выдвинуты исследовательские вопросы, которые предопределили фокус задач: 1) выявление направленности программ для детей и молодежи в сфере профилактики девиантного поведения; 2) определение особенностей работы по распространению ИКТ-навыков в ювенальной среде; 3) установление доказательной базы для проведения социокультурных проектов; 4) определение общих трендов исследования событийности детства в доказательной практике социально-проектирования.

Результаты

Исходя из поставленных задач на базе анализа полученных данных представим основания для типологии социальных практик в сфере девиаций в детской среде в контексте возрастного и гендерного фокуса.

Как можно увидеть из таблицы, именно подростковый возраст является периодом экспериментов в сфере асоциального поведения. Проводить профилактические проекты и программы необходимо с учетом различий в возрасте дебютов у юношей и девушек, а именно для первой группы раньше. Сравнение данных двух волн исследования дает возможность утверждать, что по некоторым аспектам сегодня наблюдается более позднее освоение практик (курение и распитие алкоголя), вероятно в связи с общей, отмечаемой другими авторами, тенденцией на здоровый образ жизни в молодежной среде [5]. Однако вызывают опасение масштабы включения девушек в девиацию, которая прежде считалась «прерогативой» мужской группы, так, например, драки стали «обычным» методом разрешения конфликтов в детской аудитории обоих полов.

Для молодежных групп характерны практики декорирования тела и механических модификаций (татуирование и пирсинг). При этом особое значение имеет та социальная среда, в которой эти практики приветствуются, нормируются, например, в субкультурных сообществах, где идентичность с группой может определяться наличием определенных внешних символов/знаков на теле. По данным исследования, количество тех, кто совершает манипуляции с телом в детском возрасте, уже около 1/4 части (24% респондентов 2023 г. до 18 лет сделали себе пирсинг, 17% — тату). В основном адепты таких манипуляций сосредоточены в больших городах (сельские жители на год позже производят некоторые подобные манипуляции с телом) и среди детей из семей с высоким материально-экономическим положением.

**Средний возраст девиантных событий детства
(сравнение по полу, данные исследований 2018 и 2023 гг.)**
The average age (in years) of deviant childhood events (comparison between
the 2018 and 2023 studies)

События детства	Юноши, лет		Девушки, лет	
	2018	2023	2018	2023
Участвовали в драке	9,4	9,9	11,2	10,7
Начали ругаться матом	–	10,3	–	12
Попробовали курить	12,3	13,5	13,4	14,6
Употребляли спиртное	12,7	14,2	13,8	14,3
Принимали участие в вечеринке без взрослых	13,7	14,3	14,2	14,6
Были ночные прогулки с друзьями, любимыми	14,9	15,3	15,7	15,7
Был первый сексуальный опыт	15,5	15,5	16,6	16,5

Источник: авторский архив данных.

Первый пирсинг в среднем появляется в 14,5 лет, а первая татуировка в 16,1. По нашим данным, оба эти события происходят у девочек гораздо позже, чем у мальчиков, что может говорить о том, что они более осознанны в выборе того, что наносить на свое тело (пирсинг — средний возраст 14,7 лет у девочек, 12,6 — у мальчиков, татуировки — 16,4 лет у девочек, в 15 лет — у мальчиков). Сравнение по двум этапам позволяет утверждать, что эта мода захватывает в большей степени мужскую аудиторию (у мальчиков рискованные практики получают все большее распространение уже с 12,5 лет). А значит, можно считать доказанной необходимость проведения соответствующих профилактических программ именно в этом возрасте, но, при этом, в обеих половых группах.

Один из острейших сегодня вопросов — какие специальные программы по освоению информационно-коммуникационных технологий нужны детям? В школе в рамках уроков информатики детям объясняются базовые правила использования компьютеров, даже дошкольники, посещающие детские сады, нередко также вовлечены в различного рода виртуальную проектную деятельность со своими воспитателями.

Данные нашего исследования в целом показали, что в интернет-событийности наблюдается тенденция к снижению среднего возраста начала использования мобильных устройств: поиск в Интернете, появление собственного аккаунта и первых друзей, ведение блогов, первый опыт прохождения онлайн-тестирований случались в жизни опрошенных в 2023 г. раньше, чем у респондентов 2018 г. Но стационарные компьютеры у опрошенных стали появляться позже. В целом результаты исследования событийности 2023 г. не подтверждают идеи о все более раннем начале массового использования информационных технологий детьми. Все события, связанные с ИКТ, по-прежнему начинались в школьном возрасте — самое «раннее» событие (появление мобильного телефона) происходило у респондентов 2023 г. в 8,7 лет (средний возраст), самое «позднее» (учеба на онлайн-курсах) — в 15,7 лет.

Нужно ли еще большее погружение детей в интернет-среду? Наше мнение как экспертов в области социологии детства — в этом нет необходимости. Данные исследований других авторов говорят о том, что родители сами дают детям различные мобильные устройства с доступом в Интернет уже с 2–3 лет, таким образом, на наш взгляд, работу следует вести с родителями, а не с детьми [10; 16]. Именно в семье происходит первичная цифровая социализация ребенка, усвоение норм

и правил поведения, т. е. родители учат детей пользоваться различными гаджетами, и показывают пример, как положительный, так и негативный. Проекты по безопасному использованию Интернета должны быть направлены, на наш взгляд, в первую очередь, на родителей детей дошкольного и младшего школьного возраста. Если говорить о программах по цифровой гигиене для детей, то такие могут быть направлены на младших подростков, с 10–11 лет, поскольку в этот период они начинают активно пользоваться Интернетом, мессенджерами и им будет полезно узнавать о новых рисках и способах защиты от них.

В последние годы возрастает роль интернет-проектов, ориентированных на детско-подростковую аудиторию: организуются конкурсы, лектории, обучающие семинары и мастер-классы, проводятся групповые и индивидуальные занятия. Однако, на наш взгляд, такого рода виртуальные совместные проекты желательно организовывать для подростков не младше 14 лет и только в том случае, если проведение мероприятия невозможно в очном формате по объективным причинам (например, географическая удаленность участников).

В этом возрасте у подростков появляются первые интернет-друзья, они могут официально зарегистрироваться в социальных сетях (в ВК ограничение с 14 лет), у них уже есть возможность полноценного включения в проект и определенный опыт, в том числе, столкновения и избегания интернет-рисков. Важно отметить, что по результатам исследования более трети респондентов (34%) заявили о том, что до 18 лет у них не появилось интернет-друзей. Это может говорить о том, что именно в детско-подростковой аудитории нет необходимости форсировать замену реальных дружбы и взаимодействий со сверстниками на виртуальные.

В возрасте 14,6 лет (в среднем) у подростков происходил опыт первой онлайн-покупки, лишь 6% сказали, что у них такого опыта не было до 18 лет, а самый ранний возраст такой практики у современной молодежи был в 5 лет. Тем не менее в настоящее время сложно обозначить четко возрастные границы для начала образовательных проектов по финансовой онлайн-грамотности. Базовые знания по финансовой грамотности могут внедряться и с 1-го класса, но если говорить о каких-то серьезных, самостоятельных курсах, то их начинать стоит со средней школы, с 11–12 лет. Именно в школе у детей возникает целенаправленная потребность в онлайн-использовании карманных денег, например, при оплате еды в школе, покупке сладостей и перекусов, при онлайн-играх и пр. Источниками виртуальных денег являются близкие родственники, и опять мы склонны вернуться к идее работы с родителями и прародителями: именно они являются самыми первыми, самыми важными трансляторами правил поведения и в потребительской сфере.

Перейдем к рассмотрению использования доказательной направленности проектов в социокультурной сфере. Многие ранние события в девиантной плоскости оказались тесно взаимосвязаны с интересом к участию в неформальных субкультурных сообществах (сексуальный дебют, татуирование). Начало вступления в различные неформальные сообщества в среднем среди мальчиков и девочек — 13,5 лет, т. е. гендерной специфики нет. Примыкание к неформальному субкультурному сообществу в реальной жизни или в Интернете зависит от материально-экономического положения семьи, в семьях с низким материально-экономическим положением зафиксирован более ранний возраст вступления в неформальное сообщество (средний возраст 13,2 лет в сравнении с 13,9 у респондентов из семей с высоким материально-экономическим положением). Также прослеживается зависимость от места проживания в детстве, чем больше населенный пункт, тем раньше дети стремились к такой деятельности (город-миллионник — 12,9 лет, сельская местность — 14,1).

Одновременно с этим в качестве связанных практик мы зафиксировали коллекционирование (вероятно, особых атрибутов: значков, карточек, персонажей в играх и т. п.) и появление кумиров. У 60% респондентов нашего исследования в детстве

появился кумир, средний возраст — 12,9 лет. Исследования (и зарубежные и российские) показывают, что в пятерку лидеров вошли исключительно видеоблоггеры, YouTube-знаменитости [1]. Феномен фанатства и подражания кумиру, как и прежде, является специфической особенностью подростковой аудитории.

Программы с детьми и молодежью, касающиеся субкультурных аспектов (профилактики асоциальных проявлений, переориентацию на просоциальность), имеет смысл разрабатывать для городской аудитории. Проекты по поддержке позитивного коллекционирования, как культурной практики свободной самореализации личности современного младшего школьника, — с 7–8 лет. Для продвижения определенных идей в среде подростков (не только культуры, но и, например, ЗОЖ, профориентирование) стоит привлекать иных кумиров, не только медийных персон, которые могут позитивно влиять на мнение подрастающего поколения для аудитории 12–13 лет, например, спортсменов, успешных предпринимателей, лидеров IT-сферы.

Еще один актуальный ракурс связан с включением специальных программ и проектов по привлечению к чтению и посещению библиотек, поскольку практики освоения культуры играют важную роль в сохранении наследия сообщества, формировании чувства принадлежности к той или иной социальной группе и передаче знаний от одного поколения к другому [7].

Рассмотрим события, которые относились к так называемым традиционным практикам освоения культуры. Средний возраст научения самостоятельному чтению составляет 5 лет (минимальный — 3 года), средний возраст начала посещения библиотеки составил 8,5 лет.

Место проживания влияет на средний возраст, когда ребенок научился читать. Позже эту практику осваивают дети, проживающие в сельской местности и в небольших городах, а раньше других, дети, проживающие в городах-миллионниках (5,5 лет в сельской местности, 4,9 лет в городах-миллионниках). При этом посещение библиотек происходит в среднем с небольшой разницей менее полугодом у жителей разных типов населенных пунктов (8,2 лет в сельской местности, 8,6 лет — в городах-миллионниках).

Состав семьи также играет роль в освоении данных практик, так в нуклеарных полных семьях дети начинают читать в 6 лет, тогда как в семьях, где есть братья и сестры, почти на год раньше, в 5,2 года.

В зависимости от типа семьи фиксируются отличия в посещении библиотек, в семьях с двумя родителями, где есть другие дети, а также бабушки и дедушки посещение библиотек в среднем начинается с 8,4 и 8,5 лет соответственно. В семьях, где ребенка воспитывает один родитель, посещение библиотек начинается позже, с 8,9 лет.

В 2018 г. 97,6% респондентов ответили, что начали посещать библиотеку в детстве. 77,5% впервые попали в библиотеку в возрасте от 3 до 11 лет (т.е. в дошкольном и младшем школьном возрасте).

В 2023 г. также абсолютное большинство респондентов ответили, что начали посещать библиотеку в детстве (97%). Но за 5 лет увеличилось до 84,6% доля респондентов, впервые попавших в библиотеку в возрасте от 3 до 11 лет (т.е. в дошкольном и младшем школьном возрасте). Таким образом, вероятно, актуальны программы по привлечению в библиотеки младших подростков, начиная с 12 лет. Также можно считать доказанным, как важна специальная работа по приобщению к чтению детей из сельской местности, в том числе для того, чтобы поднять общекультурный уровень населения.

Обсуждение

В основу доказательного метода могут быть использованы наравне с экспертизой специалистов-профессионалов и анализом опыта практиков, работающих с юве-

нальными группами и аккумулирующих через непосредственные наблюдения факты о поведении и предпочтениях самих детей и юношества, дополнительные методики изучения детского возрастного периода. Мы показали в основной части статьи, какую обширную информацию можно извлечь из данных социологического изучения событий детского периода жизни о самостоятельности/несамостоятельности, девиантности/нормативности поведения, включения в социокультурные традиционные и инновационные практики и др. Выявляемые в ходе социологических исследований факты рассматриваются как сложные многоуровневые социальные конструкты. Для их включения в доказательные технологии необходимо учитывать, что здесь высока роль нескольких или даже многих факторов (например, семьи, образования, молодежной политики, кадров для работы с этой аудиторией, деструктивного контента и пр.) и поэтому, по мнению, например, А. Эбрахима [19], возникает закономерный вопрос о сложностях оперативного измерения результатов и эффективности такой деятельности. Как показывает наш опыт, возможным шагом для замеров является среднесрочный период в 5 лет.

Уточним возможности применения методики изучения событийности для доказательного проектирования проектов с детско-подростковой аудиторией:

- данный исследовательский инструмент применяется на двух стадиях жизненного цикла доказательной практики: 1) для прояснения проблемы в случае, если речь идет об устоявшихся, масштабных процессах; 2) для фиксации возможных направленных изменений при завершении инновационных и пилотных проектов;
- особое значение методика имеет для раскрытия некоторых аспектов социального риска в ювенальных группах, она позволяет уточнить, сопровождение каких социально-уязвимых для негативных аспектов групп требует особого внимания;
- мы считаем, что возможности проведения методики ограничены при ситуациях кризисов, неопределенности (невьясненности) причинно-следственных связей между деятельностью многих взаимодействующих с субъектами-детьми институций и организаций;
- если говорить о масштабах практик, то данная методика способствует разработке программ на мезоуровне решения проблем отдельных ювенальных групп и семей, имеющих детей.

Ограничения предложенной методики связаны с тем, что все же результаты такой оценки связаны с прошлыми или продолжающимися социальными практиками, но по результатам доказательного подхода планируются управленческие решения, устремленные в будущее [11]. А теоретико-методологические работы современных социологов доказывают, что в детской среде постоянно появляются новые «социальные изобретения» [8], но получить полновесные данные о них ученые могут только к молодежному возрасту.

Выводы

Таким образом, применение доказательного подхода в сфере поддержки детства и молодежи, с одной стороны, является ответом на новые задачи в данных сферах жизнедеятельности, провозглашенные в последние годы, а с другой — поиском реальных инструментов социального управления и прогнозирования на основе участвующего подхода.

Работа над статьей в рамках поставленных задач выявила необходимость формулировки некоторых общеметодологических вопросов доказательной практики поддержки детей и молодежи. Появление, описание и презентация проводимых проектов в среде юного поколения важны, однако до сих пор редко появляются сравнительные замеры результатов и последствий, т. е. сам доказательный подход сосредоточен на первичном этапе аргументации актуальности такой деятельности.

Как справедливо пишут авторы одной из актуальных монографий в отношении психолого-педагогических программ, даже в случае прохождения первичной верификации не ясны пути их дальнейшего развития: как в дальнейшем они применяются, улучшаются самими авторами, происходит ли их дальнейшая трансляция, перевзвешиваются ли в профессиональном сообществе факты на последующих этапах как последствия принятых решений [13, с. 7].

На основе предложенной нами методики изучения событийности детства возможна корректировка воспитательных, образовательных и социальных программ и технологий с точки зрения их соответствия для использования в отношении отдельных групп детей и подростков и установления возрастных рамок их применения. Особенно актуальным этот подход начинает выступать при ситуации отбора на «рынке грантовых социальных идей», где доказательное выявление приоритетов в условиях ограниченного финансирования и временного промежутка подскажет решения, необходимые здесь и сейчас [3].

Вероятно, подход доказательности в сфере работы с детьми и молодежью приведет к снижению значимости опыта некоторых категорий экспертов в данной сфере, как мы полагаем тех, чей опыт связан с академическим знанием, зарубежным опытом, но одновременно повышается «рейтинг» прикладников-исследователей и практиков-знатоков. Сам термин «доказательная практика в сфере поддержки детства» выдвигает на первый план фигуру исследователей социологии детства, использующих апробированный, показавший свою состоятельность инструментарий. Такие специалисты должны постепенно осваивать навыки работы этичной и продуктивной исследовательской работы непосредственно с детской аудиторией, умением использовать треки анализа, валидные для мультипликации в мониторинге, в среднесрочной перспективе.

Литература

1. *Абросимова Е. Е., Филипова А. Г.* Рейтинг популярных видеоблогеров: взгляд современных подростков // *Ойкумена. Регионоведческие исследования*. 2022. № 2. С. 131–137. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/131-137>
2. *Галлямова Э. М.* Доказательная государственная политика: возможности и ограничения // *Социология*. 2021. № 2. С. 158–162.
3. *Ениколопов Р. С.* Доказательная экономика развития: Нобелевская премия по экономике 2019 года. // *Вопросы экономики*. 2020. № 1. С. 5–17.
4. *Капогузов Е. А., Чупин Р. И.* Семейная политика в России: эффективность с позиций доказательного подхода // *Terra Economicus*. 2021. № 19(3). С. 20–36. <https://doi.org/10.18522/20736606-2021-19-3-20-36>
5. *Ковальчук О. В., Лазуренко Н. В., Нифонтова В. А.* Здоровьесберегающее поведение студенческой молодежи: факторы формирования и условия сохранения // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2021. № 46(3). С. 461–473. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-3-461-473>
6. *Коржувев А. В., Антонова Н. Н.* Логико-гносеологический формат педагогического познания и доказательная педагогика // *Высшее образование в России*. 2018. Т. 27. № 10. С. 136–145.
7. *Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А., Губанова А. Ю.* Социокультурное воспроизводство поколения через событийность детства. *Обсерватория культуры*. 2021. Т. 18. № 5. С. 452–466. <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2021-18-5-452-466>
8. *Митрофанова С. Ю.* Проявления тенденций глобализации и локализации в детстве: социальный и индивидуальный уровни анализа [Электронный ресурс] // *Мир науки. Социология, филология, культурология*. 2020. № 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/29SCSK420.pdf> (дата обращения: 15.08.2024).
9. *Михайлова О. В., Батоврина Е. В.* Перспективы доказательной политики в России: взгляд с позиции государственных управленцев // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология*. 2022. Т. 15. Вып. 2. С. 123–136. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.202>

10. Николаева Е. И., Исаченкова М. Л. Особенности использования гаджетов детьми до четырех лет по данным их родителей // Комплексные исследования детства. 2022. Т. 4. № 1. С. 32–53. <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2022-4-1-32-53>
11. Прогнозирование развития воспитательных систем : монография для руководителей и специалистов в области воспитания / Л. Е. Никитина, И. А. Липский, С. Н. Майорова-Щеглова [и др.] ; под общ. ред. Л. Е. Никитиной. М. : АРКТИ, 2009. 160 с.
12. Рыбаковский Л. Л., Хасаев Г. Р., Кожевникова Н. И. Применение понятий «результативность» и «эффективность» в сфере демографии // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2018. № 6(164). С. 38–48.
13. Сорокова М. Г. [и др.] Доказательный подход : Руководство по верификации программ, технологий, практик в образовании и социальной сфере : учеб. пособие; под ред. А. А. Марголиса, М. Г. Сороковой, Г. В. Семья М. : ФГБОУ ВО МГППУ, 2024. 130 с.
14. Цветкова Л. А. Возможности применения принципов доказательного подхода в психологических исследованиях в сфере образования // Психология человека в образовании. 2023. Т. 5. № 3. С. 313–318.
15. Цинченко Г. М., Орлова И. С. Профилактика молодежных девиаций в России и за рубежом // Управленческое консультирование. 2021. № 1. С. 97–105.
16. Цифровая экономика 2022 : краткий статистический сборник / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневицкий [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : НИУ ВШЭ, 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/552091260.pdf> (дата обращения: 15.08.2024).
17. Шаститко А. Е. Знания для доказательной экономической политики: спрос и предложение // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4. № 2. С. 99–111.
18. Blum S., Pattyn V. How are evidence and policy conceptualized, and how do they connect? // A qualitative systematic review of public policy literature, Evidence & Policy. 2022. Vol. 18(3). P. 563–582. <https://doi.org/10.1332/174426421X16397411532296>
19. Ebrahim A., Leeds S. G., Clothier J. S., Ward M. A. Endoscopic submucosal dissection of a gastric mass. Baylor University Medical Center Proceedings. 2019. Vol. 32(4). P. 629–630. <https://doi.org/10.1080/08998280.2019.1656006>
20. Gade C. When is it justified to claim that a practice or policy is evidence-based? Reflections on evidence and preferences, Evidence & Policy. 2023. Vol. XX(XX). P. 1–10. <https://doi.org/10.1332/174426421X16905606522863>
21. Tanskanen K. Towards evidence-based management of external resources: Developing design propositions and future research avenues through research synthesis // Research Policy. 2017. Vol. 46. N 6. P. 1087–1105.
22. Tiloka de S., Tenreiro S. Population control policies and fertility convergence // Journal of Economic Perspectives. 2017. Vol. 31(4). P. 205–228.

Об авторах:

Губанова Александра Юрьевна, заместитель председателя по информационному развитию Исследовательского комитета «Социология детства» Российского общества социологов (Москва, Российская Федерация), кандидат социологических наук; alexandra.gubanova@gmail.com

Колосова Елена Андреевна, доцент социологического факультета Российского государственного гуманитарного университета (Москва, Российская Федерация), кандидат социологических наук, доцент; the_shmiga@mail.ru

Коняшкина Анна София Владимировна, научный сотрудник отдела социологии, психологии и педагогики детского чтения Российской государственной детской библиотеки (Москва, Российская Федерация); konyashkina@rgdb.ru

Майорова-Щеглова Светлана Николаевна, профессор кафедры социальной коммуникации и организации работы с молодежью факультета «Социальная коммуникация» Московского государственного психолого-педагогического университета (Москва, Российская Федерация), доктор социологических наук, профессор; sheglova-s@yandex.ru

References

1. Abrosimova E. E., Filipova A. G. Rating of popular video bloggers: the view of modern teenagers // Oikumena. Regional studies [Ojkumena. Regionovedcheskie issledovaniya]. 2022. N 2. P. 131–137. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2022-2/131-137> (In Russ.)

2. Gallyamova E. M. Evidence-based public policy: opportunities and limitations // *Sociology [Sociologiya]*. 2021. N 2. P. 158–162. (In Russ.)
3. Enikolopov R. S. Evidence based development economics: Nobel Prize in Economic Sciences 2019. // *Economic issues [Voprosy Ekonomiki]*. 2020. N 1. P. 5–17. (In Russ.)
4. Kapoguzov E. A., Chupin R. I. Effectiveness of family policy in Russia: Evidence-based approach // *Terra Economicus*. 2021. N 19(3). P. 20–36. (In Russ.) <https://doi.org/10.18522/20736606-2021-19-3-20-36>
5. Kovalchuk O. V., Lazurenko N. V., Nifontova V. A. Health-saving Behavior of Students: Factors of Formation and Conditions of Preservation // *NOMOTHETIKA: Philosophy, Sociology, Law [NOMOTHETIKA: Filosofiya, Sociologiya, Pravo]*. 2021. N 46(3). P. 461–473. (In Russ.) <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2021-46-3-461-473>
6. Korzhuev A. V., Antonova N. N. Epistemological Format of Pedagogical Science and Evidence-based Pedagogy // *Higher Education in Russia [Vysshee obrazovanie v Rossii]*. 2018. Vol. 27. N 10. P. 136–145. (In Russ.)
7. Mayorova-Scheglova S. N., Kolosova E. A., Gubanova A. Yu. Socio-Cultural Reproduction of a Generation through the Eventfulness of Childhood. *Observatory of Culture [Observatoriya kul'tury]*. 2021. Vol. 18. N 5. P. 452–466. (In Russ.) <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2021-18-5-452-466>
8. Mitrofanova S. Yu. Manifestations of globalization and glocalization trends in childhood: social and individual levels of analysis // *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies [Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya]* [Electronic resource] // *World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2020. N 4. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/29SCSK420.pdf> (date accessed: 15.08.2024) (In Russ.)
9. Mikhailova O. V., Batovrina E. V. Prospects for evidence-based policy in Russia: The public administrators' points of view // *Bulletin of Saint Petersburg University. Sociology [Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology]*. 2022. Vol. 15. Is. 2. P. 123–136. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu12.2022.202>
10. Nikolaeva E. I., Isachenkova M. L. The use of gadgets by children under four years old: Evidence from parents // *Comprehensive Child Studies [Kompleksnyye issledovaniya detstva]*. 2022. Vol. 4. N 1. P. 32–53. (In Russ.) <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2022-4-1-32-53>
11. Forecasting the development of educational systems : Monograph: For managers and specialists in the field of education / L. E. Nikitina, I. A. Lipsky, S. N. Mayorova-Scheglova [et al.]; under the general ed. of L. E. Nikitina. Moscow : ARCTI [ARKTI], 2009. P. 160. (In Russ.)
12. Rybakovsky L. L., Khasaev G. R., Kozhevnikova N. I. Application of the concepts of “performance” and “efficiency” in the sphere of demography // *Vestnik of Samara State University of Economics [Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta]*. 2018. N 6(164). P. 38–48. (In Russ.)
13. Sorokova M. G., Ulyanina O. A., Semya G. V., Leonova O. I. [et al.] Evidence-based approach: Guide to verification of programs, technologies, practices in education and the social sphere: a tutorial; edited by A. A. Margolis, M. G. Sorokova, G. V. Semya. M. : MSUPE [FGBOU VO MGPPU], 2024. 130 p. (In Russ.)
14. Tsvetkova L. A. Evidence-based approach in psychological research in education // *Human Psychology in Education [Psihologiya cheloveka v obrazovanii]*. 2023. Vol. 5. N 3. P. 313–318. (In Russ.)
15. Tsinchenko G. M., Orlova I. S. Prevention of Youth Deviations in Russia and Abroad // *Management Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2021. N 1. P. 97–105. (In Russ.)
16. Digital economy 2022: a brief statistical digest / G. I. Abdrakhmanova, S. A. Vasilkovsky K. O. Vishnevsky [et al.]; National Research University “Higher School of Economics”. Moscow : NRU HSE [NIU VSHE], 2022. [Electronic resource]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/552091260.pdf> (accessed: 15.08.2024). (In Russ.)
17. Shastitko A. E. Knowledge for Evidence-based Economic Policy: Supply and Demand // *Science Management: Theory and Practice [Upravlenie naukoj: teoriya i praktika]*. 2022. Vol. 4. N 2. P. 99–111. (In Russ.)
18. Blum S. and Pattyn V. How are evidence and policy conceptualized, and how do they connect? A qualitative systematic review of public policy literature, *Evidence & Policy*. 2022. Vol. 18(3). P. 563–582. (In Russ.) <https://doi.org/10.1332/174426421X16397411532296>
19. Ebrahim A. [et al.] Endoscopic submucosal dissection of a gastric mass. *Baylor University Medical Center Proceedings*. 2019. Vol. 32(4). P. 629–630. (In Russ.) <https://doi.org/10.1080/08998280.2019.1656006>

20. Gade C. When is it justified to claim that a practice or policy is evidence-based? Reflections on evidence and preferences // *Evidence & Policy*. 2023. Vol. XX(XX). P. 1–10. <https://doi.org/10.1332/174426421X16905606522863>
21. Tanskanen K. Towards evidence-based management of external resources: Developing design propositions and future research avenues through research synthesis // *Research Policy*. 2017. Vol. 46. N 6. P. 1087–1105.
22. Tiloka de S., Tenreyro S. Population control policies and fertility convergence. *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31(4). P. 205–228.

About the authors:

Alexandra Yu. Gubanova, Deputy Chairman for Information Development of the Research Committee “Sociology of Childhood”, Russian Society of Sociologists (Moscow, Russian Federation), Candidate of Sociological Sciences; alexandra.gubanova@gmail.com

Elena A. Kolosova, Associate Professor of Department of theory and history of sociology of Sociological faculty of Russian State University for the Humanities (Moscow, Russian Federation), Candidate of Sociological Sciences; the_shmiga@mail.ru

Anna Sofia V. Konyashkina, researcher of Department of Sociology, Psychology and Pedagogy of Children’s Reading of Russian State Children’s Library (Moscow, Russian Federation); konyashkina@rgdb.ru

Svetlana N. Mayorova-Scheglova, Professor of Department of Social Communication and Organization of Work with Youth of Faculty of Social Communication of Moscow State University of Psychology & Education (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Sociological Sciences), Professor; sheglova-s@yandex.ru

МТК «Север — Юг»: геополитические вызовы и риски

Часть 2¹

Шумилов М. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; mshumilov@mail.ru

РЕФЕРАТ

К настоящему времени в России опубликовано немного обобщающих исследований, направленных на выявление явных и скрытых внешних рисков проекту МТКСЮ, стратегическая важность и геоэкономическая значимость которого не вызывает сомнений. Цель статьи — формирование адекватного представления о фактической и мнимой значимости этих рисков, их остроте, взаимосвязях и взаимообусловленности. На основе комплексного анализа массива обширной информации автор пришел к выводу об изначально повышенном внимании ведущих участников проекта — России, Азербайджана и Ирана — к «западной ветке» МТКСЮ. Одновременно было установлено, что именно на этом проекте сосредоточились наиболее острые вызовы со стороны США и ЕС, Турции, Индии и Китая, республик Центральной Азии, Армении и Пакистана. При этом подчеркивается, что главная опасность согласованной работе РФ, Азербайджана и Ирана в рамках проекта исходит от США и их союзников по НАТО. Не скрывая своей враждебности к РФ, Ирану и Китаю, они прилагают усилия по вовлечению Азербайджана и других бывших республик СССР в свою геополитическую игру на Южном Кавказе. Также установлено определенное влияние на поведение Баку со стороны «пантюркистского» движения, озабоченного переключением внимания Азербайджана на проект ТМТМ. Пантюркистам импонирует то, что он пользуется поддержкой Запада. К числу геополитических вызовов и рисков автор также относит азербайджано-иранские и азербайджано-индийские противоречия, конкуренцию Индии с Китаем и Пакистаном в Центральной Азии, претензию Армении на создание параллельной МТКСЮ транспортной инфраструктуры. В статье объясняется подоплека и масштаб всех этих вызовов и рисков для России и проекта МТКСЮ в целом, их основательность и острота. По мнению автора, главный вызов (фактически — угроза) проекту сегодня исходит от США, которые активизировали свое участие в замирении Баку и Еревана. В этой связи он призывает следить за стремлением Вашингтона к вытеснению РФ из Армении и превращению ее в подконтрольное Западу государство. Также привлекается внимание к опасной для РФ перспективе заключения сделки между Турцией и Азербайджаном за счет Армении в направлении принудительного осуществления «Зангезурского проекта».

Ключевые слова: МТКСЮ, Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ), Центральная Азия, Организация тюркских государств (ОТГ), Евросоюз, геополитические риски

Для цитирования: Шумилов М. М. МТК «Север — Юг»: геополитические вызовы и риски. Ч. 2 // Управленческое консультирование. 2025. № 1. С. 84–108.

INSTC: Geopolitical Challenges and Risks (Part 2)

Mikhail M. Shumilov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; mshumilov@mail.ru

¹ Часть 1 см.: Шумилов М. М. МТК «Север — Юг»: геополитические вызовы и риски. Ч. 1 // Управленческое консультирование. 2024. № 6. С. 176–195.

ABSTRACT

To date, not enough generalizing studies have been published in Russia aimed at identifying the obvious and hidden external risks to the INSTC project, the strategic importance and geo-economic significance of which is beyond doubt. Therefore, the purpose of the article is to form an adequate understanding of the actual and imaginary significance of these risks, their severity, interrelationships and interdependence. Based on a comprehensive analysis of an array of extensive information, the author concluded that the leading project participants — Russia, Azerbaijan and Iran — initially paid increased attention to the western branch of the INSTC. At the same time, it was found that this project was the focus of the most acute challenges from the United States and the EU, Turkey, India and China, the republics of Central Asia, Armenia and Pakistan. At the same time, it is emphasized that the main danger to the coordinated work of the Russian Federation, Azerbaijan and Iran within the framework of the project comes from the United States and its NATO allies. Without hiding their hostility to Russia, Iran and China, they are making efforts to involve Azerbaijan and other former Soviet republics in their geopolitical game in the South Caucasus. A certain influence on Baku's behavior has also been established on the part of the "pan-Turkist" movement, which is concerned about Azerbaijan's shift of attention to the TITR project. The Pan-Turkists are impressed by the fact that TITR enjoys the support of the West. The author also refers to the Azerbaijani Iranian and Azerbaijani Indian contradictions, India's competition with China and Pakistan in Central Asia, and Armenia's claim to create a parallel transport infrastructure to the World Trade Center. The article explains the background and scale of all these challenges and risks for Russia and the INSTC project, their thoroughness and severity. According to the author, the main challenge (in fact, a threat) to the project today comes from the United States, which has stepped up its participation in the reconciliation of Baku and Yerevan. In this regard, he urges to monitor Washington's desire to oust the Russian Federation from Armenia and turn it into a state controlled by the West. Attention is also drawn to the dangerous prospect for the Russian Federation of concluding a deal between Turkey and Azerbaijan at the expense of Armenia in the direction of compulsory implementation of the he Zangezur transport corridor project.

Keywords: INSTC, Trans-Caspian International Transport Route, TITR, Central Asia, Organization of Turkic States OTS, European Union, Geopolitical risks

For citing: Shumilov M. M. INSTC: Geopolitical Challenges and Risks. Part 2 // Administrative consulting. 2025. N 1. P. 84–108.

Введение

Настоящая статья представляет собой вторую часть одноименной работы автора, опубликованной в предыдущем номере журнала «Управленческое консультирование». В первой части статьи было отражено состояние изученности заявленной темы, обоснован вывод об отсутствии к настоящему времени обобщающих исследований, раскрывающих полную картину геополитических вызовов и рисков проекту МТК «Север — Юг» (МТКСЮ). Одновременно автор подробно осветил партнерство России с Азербайджаном и Ираном в освоении «западной ветки» МТКСЮ в период 2004–2019 гг., изменение стратегической и геоэкономической значимости МТКСЮ в условиях разворота внешней политики России с Запада на Восток, специфику участия Индии в МТКСЮ, также выявил и проанализировал вызовы участию последней в транспортном проекте со стороны Тегерана, Пекина и Вашингтона.

Материалы и методы

В достижение заявленной цели исследования применялись следующие методы. Прежде всего, важно подчеркнуть роль историзма. Он позволил установить последовательность событий, которые актуализировали геоэкономические преимущества МТКСЮ, а также способствовали продвижению научных изысканий в области вызовов и рисков, связанных с его реализацией.

При написании статьи также оказался востребован метод извлечения актуальной информации из опубликованных исследований академического характера (см. список литературы) и материалов СМИ. Научный анализ выявленной информации позволил обосновать геополитическую значимость проекта для формирования Большого Евразийского партнерства, выявить фактические и мнимые риски и вызовы проекту МТКСЮ, исходящие от азербайджано-иранских и азербайджано-индийских противоречий, конкуренции Индии с Китаем и Пакистаном в ЦА, претензий Армении на создание параллельной МТКСЮ транспортной инфраструктуры.

При этом широко использовались материалы таких российских информационно-аналитических агентств, ресурсов, платформ и изданий, как Правительство России, МИД РФ, ТАСС, РИА Новости, РБК, Вестник Кавказа, IRAN.ru, EurAsia Daily, «Порт-Ньюс», Neftegaz.RU, Международный дискуссионный клуб «Валдай», Российский совет по международным делам (РСМД), Каспийский институт стратегических исследований (КИСИ), «Международная жизнь», «Новое восточное обозрение» (NEO), Trans.ru, Vgudok, «Российская газета», «Коммерсант», «Известия», «Ведомости», «Sputnik Казахстан», «Sputnik Азербайджан», «Sputnik Армения» и т. д. В числе востребованных зарубежных информационных ресурсов оказались 1news.az, Caliber. Az., Media.az., «Азери-Пресс», АРА (Азербайджанская Республика), The Hindu, The Economic Times (Индия), Гуаньча (КНР), Арменпресс, Новости Армении — NEWS.am, Radar Armeniam, Голос Армении, АРКА (Республика Армения) и др.

Применение метода структурно-функционального анализа способствовало выработке предложений по оптимизации региональной логистики и сопряжению МТКСЮ с проектом Среднего коридора (ТМТМ). Рациональный выбор приблизил автора к пониманию мотивов поведения хозяйствующих и политических субъектов в условиях усиления санкционной политики США и их европейских союзников, дезорганизации отношений РФ с ними и переориентации на страны Востока и Юга.

Целью данной статьи выступает выявление геополитических вызовов и рисков проекту МТКСЮ. Для реализации этой цели были выдвинуты исследовательские вопросы, которые предопределили фокус задач: 1) усилия коллективного Запада по удушению проекта МТКСЮ; 2) ТМТМ как пантюркистский вызов МТКСЮ; 3) вызов МТКСЮ со стороны Китая; 4) Армения как политический актер в реализации проекта МТКСЮ; 5) конфликт интересов Азербайджана с Ираном и Индией в контексте развития МТКСЮ.

Результаты

Усилия коллективного Запада по удушению проекта МТКСЮ

В условиях СВО Соединенные Штаты и Евросоюз уже не скрывают своих намерений ослабить позиции России в форматах СНГ, ОДКБ и ЕАЭС, переориентировать ее союзников на обслуживание интересов Запада. Следует согласиться с мнением сотрудника НИУ ВШЭ Тиграна Мелояна о том, что страны ЦА «все чаще рассматриваются в качестве транзитных территорий, по которым грузы из Китая будут поступать в Европу, минуя Россию»¹. При этом все заинтересованные стороны принимают во внимание конкурентные преимущества Среднего маршрута, который сулит сокращение транзитного времени из Китая в Европу до 12 дней, а также устранение санкционных рисков, связанных с транзитом через Россию.

¹ Мелоян Т. Участие России в развитии транспортных и энергетических коридоров в Центральной Азии в условиях санкций // РСМД. 2023. 4 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/uchastie-rossii-v-razvitiitransportnykh-i-energeticheskikh-koridorov-v-tsentralnoy-azii-v-usloviyakh/> (дата обращения: 01.07.2024).

Стремясь предотвратить обход Россией ограничительных мер, европейские чиновники добиваются безоговорочного подчинения стран региона задачам санкционной политики Запада. На брюссельской встрече с министрами иностранных дел стран ЦА 23 октября 2023 г. им удалось заручиться согласием последних бороться с попытками России обхода санкций. В совместном заявлении сторон сообщалось, что представители ЕС проинформировали глав МИД Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана о принятых пакетах антироссийских санкций, подчеркнув «важность ориентированного на результат диалога и сотрудничества»¹.

В тот же день в Люксембурге состоялось 20-е заседание Совета сотрудничества «Республика Казахстан — Европейский Союз», где вновь прозвучали слова о важности продолжения усилий по прекращению реэкспорта общих высокоприоритетных товаров². К тому времени президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев уже обещал соблюдать санкционный режим ЕС в отношении России³, а вице-министр торговли и интеграции Кайрат Торобаев заявил о прекращении Казахстаном экспорта в Россию 106 видов товаров военного назначения⁴. Оправдывая участие своей страны в соблюдении санкций США и ЕС, заместитель премьер-министра республики Серик Жумангарин настаивал на том, что Казахстан является противником санкционной политики стран Запада, но он вынужден ее соблюдать из-за опасения не выдержать санкционного давления⁵.

Определенная роль в санкционной политике США отводится мерам по дестабилизации финансовых отношений России с ее партнерами в ЦА с целью их экономического разъединения. Еще в сентябре 2022 г. OFAC — подразделение Минфина США — предупредил, что финансовые институты не из США, заключая соглашения с российской Национальной системой платежных карт (НСПК) — оператора карт «Мир», рискуют оказаться вовлеченными в действия по обходу американских санкций. В результате к началу ноября 2023 г. половина банков Киргизии прекратила работу с российской платежной системой «Мир». После того как 23 февраля 2024 г. США ввели блокирующие санкции против НСПК, банки Киргизии с 5 апреля прекратили обслуживание карт «Мир». Опасаясь вторичных американских санкций, многие банки Казахстана последовали их примеру⁶.

Пытаясь всеми силами остановить процесс евразийской интеграции, европейские политики провели в начале 2024 г. в Брюсселе инвестиционный транспортный

¹ «Боррель и джунгли»: Запад сеет вражду к России и Китаю в странах Центральной Азии // EurAsia Daily. 2024. 2 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/02/02/borrel-i-dzhungli-zapad-seet-vrazhdu-k-rossii-i-kitayu-v-stranah-centralnoy-azii> (дата обращения: 01.07.2024).

² В ЕС заявили, что ценят сотрудничество Казахстана «в борьбе с обходом санкций» // ТАСС. 2023. 23 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19096203> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Токаев заявил, что Казахстан будет следовать санкционному режиму в отношении РФ // ТАСС. 2023. 28 сентября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/18867283> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ В Казахстане заявили о прекращении поставок России 106 наименований товаров // ТАСС. 2023. 19 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19059481> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ В Казахстане заявили о вынужденном соблюдении санкций ЕС и США // Известия. 2024. 5 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1707587/2024-06-05/v-kazahstane-zaiavili-o-vynuzhdennom-sobliudenii-sanktcii-es-i-ssha> (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ США ввели санкции против НСПК и ряда банков // Интерфакс. 2024. 23 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/947485>; В Киргизии с 5 апреля прекратят обслуживать карты «Мир» // Интерфакс. 2024. 2 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/953706>; Большинство банков в Казахстане отказались от обслуживания российских карт «Мир» // Интерфакс. 2024. 3 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/world/953787> (дата обращения: 01.07.2024).

форум ЕС и стран ЦА — Киргизии, Таджикистана, Узбекистана, Туркмении и Казахстана. Перед присутствующими выступил глава внешнеполитической службы ЕС Жозеп Боррель, который без обиняков заявил, что в изменившихся геополитических условиях ЦА оказалась в центре всех событий и «стала ключевым партнером ЕС». Объясняя стремление Брюсселя к укреплению отношений со странами ЦА необходимостью повышения эффективности антироссийских санкций, он уточнил: «Мы внимательно следим за торговлей между ЕС, странами ЦА и Россией. Мы пытаемся проанализировать механизмы, позволяющие обходить санкции, и мы должны расширять наше сотрудничество в этой области, потому что нам нужно международное партнерство, чтобы противостоять глобальным вызовам»¹.

Преследуя «политические цели, направленные на защиту общих ценностей» в своей региональной политике, 29 января 2024 г. Брюссель заявил о намерении привлечь до 10 млрд евро инвестиций в программу развития Среднего («Срединного») транспортного коридора, который также называют Транскаспийским международным транспортным маршрутом (ТМТМ) из ЦА в Европу через Южный Кавказ и Турцию в обход России. Финансирование проекта возложили на Европейский инвестиционный банк (ЕИБ) и ЕБРР. В этой связи ЕИБ подписал с правительствами Казахстана, Киргизии и Узбекистана меморандум о взаимопонимании о выделении под гарантии Еврокомиссии займов на 1,5 млрд евро на создание объектов стратегической транспортной инфраструктуры в ЦА. Еврокомиссар по вопросам торговли Валдис Домбровскис озвучил намерение ЕС и ЕИБ создать конкурентный «транспортный коридор протяженностью 11 тыс. км... с продолжительностью пути в 15 суток или менее»². Важным шагом в сближении Евросоюза со странами ЦА стало подписание им 5 апреля 2024 г. меморандума с Узбекистаном по развитию устойчивых цепочек создания стоимости в области критически важного сырья, положившего начало их стратегическому партнерству³.

Реализуя январские договоренности, достигнутые на форуме инвесторов «Глобального портала» (Global Gateway), Европейская комиссия и Министерство транспорта Казахстана 12 июня 2024 г. в Астане запустили Координационную платформу ЕС — ЦА по развитию сотрудничества вдоль Среднего коридора (ТМТМ). По словам главы Минтранспорта Казахстана Марата Карабаева, «создание Координационной платформы предоставляет нам уникальную возможность объединить усилия, обменяться опытом и мнениями для достижения общих целей ... в данную работу приглашены наши партнеры из Азербайджана, Армении, Грузии, а также Турции, что играет важную роль в свете реализации крупных и устойчивых целей по развитию ТМТМ». В этом его поддержал советник высокого ранга Генерального директората по международному партнерству ЕС Хенрик Хололей, заявивший, что Координационная платформа ТМТМ знаменует собой значительный шаг вперед по сближению ЦА и Европы⁴.

¹ Джабер Р. Европа стремится усилить блокаду России в Центральной Азии // Asharq Al-Awsat, Саудовская Аравия. 2024. 2 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20240202/evropa-267689580.html> (дата обращения: 01.07.2024).

² ЕС вложит €1,5 млрд в развитие транспортного коридора из Центральной Азии в обход России. ТАСС. 2024. 29 января [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/19843851> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Узбекистан и Евросоюз установили стратегическое партнерство в области критического сырья // Gazeta.uz. 2024. 5 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gazeta.uz/ru/2024/04/05/eu-crm/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Европейская группа и Казахстан запустили регулируемую платформу Транскаспийского маршрута // Sputnik Казахстан. 2024. 12 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kz/20240612/komissiya-iz-evropy-i-kazakhstan-zapustili-reguliruyuschuyu-platformu-transkapiyskogo-marshruta-44917321.html> (дата обращения: 01.07.2024).

Аналогичным образом ведет себя в ЦА Великобритания, сумевшая с конца 1991 г. обеспечить многомиллиардный приток инвестиций в экономику стран региона. В докладе «Страны на перепутье: участие Великобритании в Центральной Азии», представленном парламенту страны в середине ноября 2023 г., говорилось о необходимости проведения более активной и амбициозной политики в ЦА, сдерживающей рост влияния Москвы и Пекина¹. Реализуя новую британскую стратегию взаимодействия с бывшими советскими республиками ЦА, глава МИД Великобритании Дэвид Кэмерон в апреле 2024 г. посетил Таджикистан, Киргизию, Узбекистан, Казахстан и Туркмению². Особо отметим его визит в Астану, в ходе которого с главой МИД Казахстана Муратом Нуртлеу было подписано соглашение о стратегическом партнерстве и сотрудничестве³.

Однако, вопреки попыткам стран Запада унизить и изгнать Россию из ЦА, особенно похвастаться им нечем. Британский *The Economist* признает усиление российского присутствия в регионе. Хотя страны Южного Кавказа и ЦА не поддержали СВО на Украине, им удалось «усидеть на двух стульях». Их экономика в 2023 г. выросла на 4,9%. Почти все они «нарастили импорт из Европы, Китая, ОАЭ и Турции, одновременно расширив экспорт в Россию», позволив ей устоять перед натиском западных санкций⁴. Несмотря на рост геополитических амбиций ЕС в ЦА и многочисленные западные санкции, в 2022 г. товарооборот России со странами ЦА увеличился на 15% до 42 млрд долл., а по итогам 2023 г. превысил 44 млрд долл.⁵

ТМТМ как пантюркистский вызов МТКСЮ

В стремлении изолировать Россию, а также Китай и Иран, которые бросают вызов принципам, правилам и институтам международной системы, сложившейся после холодной войны, страны Запада провоцируют союзную им Анкару на борьбу с этими «ревизионистскими» государствами на Южном Кавказе и в ЦА. В свою очередь, Турция, у которой отсутствуют финансовые возможности Евросоюза, напрашивается на сотрудничество с объединением, упирая на совместимость европейского плана «Глобальный портал» стоимостью 300 млрд евро с проектом ТМТМ, авторство которого приписывает себе и Организации тюркских государств (ОТГ).

Официально ТМТМ, на самом деле являющийся частью Среднего коридора, был инициирован в 2013 г. Казахстаном, Азербайджаном и Грузией, в связи с чем появилась международная ассоциация «Транскаспийский международный

¹ *Логина К.* Ключевой партнер: ЕС решил активно сблизиться со странами Центральной Азии // Известия. 2024. 1 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1642784/kseniia-loginova/kliuchevoi-partner-es-reshil-aktivno-sblizitsia-so-stranami-tcentralnoi-azii> (дата обращения: 01.07.2024).

² *Foreign Secretary travels to Central Asia and Mongolia in landmark visit to region* // GOV.UK. April 22, 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.uk/government/news/foreign-secretary-travels-to-central-asia-and-mongolia-in-landmark-visit-to-region> (дата обращения: 01.07.2024).

³ *Казахстан и Великобритания подписали соглашение о стратегическом партнерстве* // RT на русском. 2024. 24 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://russian.rt.com/world/news/1304513-kazakhstan-britaniya-soglashenie> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ *Беглые россияне оставляют заметный след в Закавказье и Средней Азии* // *The Economist*, Великобритания. 2024. 14 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20240614/rossiyane-269191427.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ *Товарооборот России и стран Центральной Азии вырос в 2022 году на 15%* // ТАСС. 2023. 25 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/17600953> (дата обращения: 01.07.2024); *Аверьянова В.* Дружба народов: как растет объем расчетов в валютах между РФ и Центральной Азией // Известия. 2024. 19 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://iz.ru/1697560/valentina-averianova/druzha-narodov-kak-rastet-obem-raschetov-v-natvaliutakh-mezhdu-rf-i-tcentralnoi-aziei> (дата обращения: 01.07.2024).

транспортный маршрут», которая является его оператором¹. Сам маршрут проходит от китайско-казахстанской границы через Казахстан, акваторию Каспийского моря, Азербайджан, Грузию, Турцию и далее через акваторию Черного моря в страны Европы².

Согласно Итоговой декларации и Концепции видение Тюркского мира — 2040, принятым по итогам восьмого саммита ОТГ (Стамбул, ноябрь 2021 г.), ТМТМ представляет собой один из приоритетных проектов развития экономической интеграции между странами Организации³, а по утверждению сотрудника Института востоковедения РАН О. Э. Гафарова, — «составную часть стратегии развития ОТГ»⁴. В Азербайджане и Турции подчеркивают его роль в сближении стран тюркского мира «в логике геополитического проекта Туран»⁵. Отмечая ситуационную общность западных и пантюркистских интересов, турецкий профессор Дженгиз Томар уповает на то, что открытие «Зангезурского коридора» позволит Анкаре не только создать непрерывную наземную связь с ЦА и тюркским миром, но также в сотрудничестве с партнерами по ОТГ «извлечь выгоду от европейского проекта. ... Турция, будучи естественным мостом между Азией и Европой в силу своего географического положения и культуры, благодаря Среднему коридору, который будет гораздо стабильнее и короче Северного и Южного коридоров, может стать торговым мостом между тюркским миром и Европой»⁶.

Провоцируя обострение российско-турецких противоречий, научный сотрудник Шведского агентства оборонных исследований Йохан Энгвалл приписывает Анкаре антироссийские намерения и действия на Южном Кавказе и в Центральной Азии: «Используя Азербайджан на Южном Кавказе в качестве ворот, Турция расширяет свое влияние на тюркоязычные государства Центральной Азии на восточном берегу Каспийского моря. Таким образом, транскаспийская геополитическая ситуация развивается под эгидой тюркского блока сотрудничества, охватывающего такие разнообразные области, как безопасность, торговля и культура»⁷. Он также призывает

¹ В редакции издания «Вестник Кавказа» протяженность мультимодального ТМТМ определяют в 6500 км (Азербайджан и Иран открывают новые возможности для «Одного пояса — одного пути» // Вестник Кавказа. 2022. 22 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://vestikavkaza.ru/analytics/azerbajdzan-i-iran-otkryvaut-novyie-vozmozhnosti-dla-odnogo-poasa-odnogo-puti.html> (дата обращения: 01.07.2024)).

² Анализ и перспективы Транскаспийского международного транспортного маршрута // ERAI. 2023. 4 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://index1520.com/analytics/analiz-i-perspektivy-transkaspiskogo-mezhdunarodnogo-transportnogo-marshruta/> (дата обращения: 01.07.2024); Транскаспийский транспортный коридор становится все более востребованным — Алиев // EurAsia Daily. 2024. 23 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/05/23/transkaspiskiy-transportnyy-koridor-standovitsya-vsyo-bolee-vostrebovannym-aliev> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Юнусов З. Узбекистан расширяет транспортно-логистические связи с государствами ОТГ // UPL.Uz. 2022. 7 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://upl.uz/policy/29008-news.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Гафаров О. Старый новый Тюркский коридор // РСМД. 2023. 23 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/staryy-novyuy-tiurkskiy-koridor/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Зейналова Л. Азербайджан становится центром глобальных поставок — транспортная стратегия 20 лет приносит свои плоды // Trend. 2024. 18 января [Электронный ресурс]. URL: <https://www.trend.az/azerbaijan/business/3850061.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ Томар Д. Растущий интерес ЕС к Центральной Азии: проект Евросоюза «Глобальный портал» // Anadolu Ajansı, Турция. 2024. 24 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20240224/aziya-267982154.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁷ Энгвалл Й. Евразия: между Россией и Турцией // The National Interest, США. 2024. 8 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20240608/geopolitika-269130842.html> (дата обращения: 01.07.2024).

страны Запада к поддержке и развитию «растущего объединения тюркского мира и более тесной привязке этой группы государств, стратегически расположенных к востоку и западу от Каспийского моря, к архитектуре европейской безопасности»¹.

В таком разрезе резонным представляется суждение обозревателя издания EurAsia Daily П. М. Македонцева о том, что Россия и Иран «не шибко приветствуют Средний коридор, который выгоден ЕС»². Возможно, в нем присутствует определенное преувеличение, однако невозможно отрицать вызова российским интересам со стороны коллективного Запада, который не скрывает своей заинтересованности в нарушении сложившихся отношений РФ со странами ЦА и Азербайджаном.

Более того, прозападные авторы навязывают региональным партнерам версию об альтернативном значении ТМТМ в условиях СВО, когда «Россия больше не может быть надежным партнером, и необходимость дистанцироваться от российского влияния становилась все более очевидной»³. В этой связи вызывает вопросы заявление заместителя министра цифрового развития и транспорта Азербайджана Самира Мамедова, прозвучавшее 1 апреля 2024 г. в Баку на очередном заседании Совместной межправительственной комиссии Азербайджан — Румыния. Рассуждая на тему повышения стратегической важности Среднего коридора для грузоперевозок между Азией и Европой в условиях современных геополитических реалий, он назвал в числе главных преимуществ ТМТМ тесное сотрудничество дружественных стран, расположенных вдоль него. Фактически он намекал румынским партнерам на отсутствие в числе стран-транзитеров России⁴.

Отмечая особую привлекательность ТМТМ для грузоотправителей из Таджикистана, П. М. Македонцев объясняет заинтересованность Душанбе в развитии транспортного сотрудничества с Баку стремлением «на фоне антироссийских санкций активизировать экономическое сотрудничество с Западом»⁵. Прогнозируя дальнейшие шаги Казахстана в том же направлении, шеф-редактор аналитического центра «Катехон» Л. В. Савин считает, что Астана продолжит «рекламировать Средний коридор, чтобы диверсифицировать свои логистические возможности»⁶. Приписывая Турции исключительную заинтересованность в беспрепятственном торговом маршруте между Европой и Азией в обход России, Й. Энгвалл утверждает, что «для обслуживания растущих транскаспийских торговых потоков ... Турция, Азербайджан и четыре тюркские страны в Центральной Азии взяли на себя обязательство совместно продвигать инициативу использования спорного Зангезурского коридора, предлагаемого транспортного пути между западными частями Азербайджана через Армению в азербайджанский эксклав Нахичевань и далее в Турцию»⁷.

Принимая во внимание стремление тюркоязычных стран ЦА усилить взаимодействие в создании между собой прочной коммуникации посредством ТМТМ, все же

¹ Энгвалл Й. Евразия: между Россией и Турцией.

² Македонцев П. Азербайджан вовлекает Таджикистан в тюркский мир // EurAsia Daily. 2024. 30 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/05/30/azerbaydzhan-ovlekaet-tadzhikistan-v-tyurkskiy-mir> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Муталибова Д. Транскаспийский транспортный маршрут: начало конца коридора Север — Юг? // Caspian News. 2023. 14 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://caspian.news/2023/07/14/transkaspiskiy-transportnyy-marshrut/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Самир Мамедов: Современные геополитические реалии повышают важность Среднего коридора // Report. 2024. 1 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://report.az/ru/infrastruktura/samir-mamedov-sovremennye-geopoliticheskie-realii-povyshayut-vazhnost-srednego-koridora/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Македонцев П. Азербайджан вовлекает Таджикистан в тюркский мир.

⁶ Савин Л. Кризис на Ближнем Востоке и транспортные маршруты Евразии // Катехон. 2023. 16 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://katehon.com/ru/article/krizis-na-blizhnem-vostoce-i-transportnye-marshruty-evrazii> (дата обращения: 01.07.2024).

⁷ Энгвалл Й. Евразия: между Россией и Турцией.

не следует преувеличивать роль ОТГ в транспортно-логистической сфере Центрально-азиатского и Прикаспийского регионов. Безусловно, посредством развития транспортной инфраструктуры ОТГ добивается экономического и культурного сближения тюркоязычных стран, однако ее попытки «объединить государства тюркского мира в центральный и единый регион глобальной экономики» представляются идеологизированными и нереалистичными. Вывод О. Э. Гафарова о том, что «тюркские государства становятся основным связующим звеном между Западом и Востоком, Севером и Югом»¹, не следует понимать буквально.

Во-первых, несмотря на определенные геополитические колебания и проявления заинтересованности в транспортных маршрутах без российского участия, Казахстан и Киргизия остаются членами ЕАЭС. В частности, российская сторона отрицает какие-либо предпосылки к осложнению российско-казахстанских отношений и заявляет о продуктивной совместной работе двух стран по всем направлениям². Другие страны региона (Узбекистан, Киргизия, Таджикистан) глубоко вовлечены в экономическое сотрудничество с РФ. Последний вместе с Казахстаном и Киргизией входит в состав ОДКБ. Россия и Азербайджан являются подписантами Московской декларация о союзническом взаимодействии от 22 февраля 2022 г.

Во-вторых, за ТМТМ, как и за многими другими транспортно-логистическими проектами в ЦА и на Кавказе, стоит Китай, заинтересованный в сбыте своих товаров в странах богатой Европы. К тому же отождествление ТМТМ со Средним коридором искажает реальное положение дел. Средний коридор включает в себя наряду с ТМТМ многие другие транспортно-логистические маршруты, созданные и функционирующие в интересах реализации китайской инициативы ОПОП.

В-третьих, сотрудник Института востоковедения РАН Лана Раванди-Фадаи аргументирует вывод о том, что после завершения строительства МТКСЮ в 2027 г. именно Иран «станет важнейшим грузовым транзитным центром на пути из Европы в Азию», торговым перекрестком как между Севером и Югом, так и между Западом и Востоком с перспективой увеличения объемов транзита до 200 млн т. В иранском руководстве допускают, что прибыль от транзита товаров через территорию страны может превысить поступления от продажи нефти и нефтепродуктов³.

В-четвертых, замалчивание российской заинтересованности в проекте ТМТМ искажает позицию официальной Анкары. Так, накануне второго тура президентских выборов в интервью CNN в мае 2023 г. турецкий президент Реджеп Эрдоган недвусмысленно охарактеризовал отношения с Москвой как «позитивные», подчеркнув, что Россия и Турция «нуждаются друг в друге во всех возможных областях»⁴. В Турции обратили внимание на озвученные В. В. Путиным в ходе встречи с представителями международных СМИ в рамках Петербургского международного экономического форума (ПМЭФ) — 2024 важные сигналы и даже предостережения, адресованные Р. Эрдогану. «Владимир Путин, — подчеркивает обозреватель издания *dikGAZETE* Фуад Сафаров, — ясно дал понять Анкаре, что невозможно дей-

¹ Гафаров О. Старый новый Тюркский коридор.

² У нас с Токаевым сложились очень хорошие, доверительные, дружеские отношения — Путин // *EurAsia Daily*. 2024. 6 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/06/06/u-nas-s-tokaevym-slozhilis-ochen-dobrye-doveritelnye-druzheskie-otnosheniya-putin> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Раванди-Фадаи Л. Международный транспортный коридор «Север — Юг» и его значение для Ирана.

⁴ *Qiblawi T., Sariyuce I.* Erdogan hails 'special relationship' with Putin ahead of crucial Turkey runoff vote // *CNN*. May 19, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://edition.cnn.com/2023/05/19/middleeast/turkey-president-recep-tayyip-erdogan-interview-mime-intl/index.html> (дата обращения: 01.07.2024).

ствовать вразрез с интересами Москвы и в то же время пользоваться возможностями России»¹.

В-пятых, в реальной жизни коренные интересы государств ЦА порой вступают в противоречие с их приверженностью «тюркскому единству». Примером может служить достигнутая в начале июля 2023 г. договоренность России, Киргизии, Узбекистана и Туркменистана о запуске нового мультимодального «Южного транспортного коридора», который пройдет в обход территории Казахстана с юга Киргизии в Узбекистан, а далее — в новый туркменский порт Туркменбаши, а затем каспийским транзитом в Астрахань. Этот маршрут позволит миновать задержки и препятствия на киргизско-казахстанской и казахстанско-российской границах, а также усилить грузопоток в российском направлении².

Более того, показатели, характеризующие работу ТМТМ, зачастую отрывочны и приукрашивают реальное положение дел. А оно таково, что пик железнодорожного транзита грузов по этому маршруту пришелся на середину 2022 г. Дальше наметился спад контейнерных перевозок, который по итогам 2023 г. составил 40%. Причина такой динамики в целом понятна. Отметив, что грузоперевозки по Среднему коридору в 2022 г. в среднем занимали 53 дня, т. е. их продолжительность была вдвое больше, чем по «северному маршруту»³, эксперты Всемирного банка отмечают слабую координацию в управлении коридором, низкую эксплуатационную эффективность портов в Каспийском и Черном морях, а также судоводных услуг. Следовательно, преодоление перегруженности портовой и железнодорожной инфраструктуры ТМТМ требует новых значительных инвестиций в расширение емкости и модернизацию всей его инфраструктуры. Необходимо ускорять разгрузку/загрузку судов, темпы обработки грузов за счет цифровизации логистических операций, упрощать таможенные и трансграничные процедуры по всей цепочке транскаспийского маршрута, улучшать электронный обмен данными, сокращать вынужденные простои на пограничных переходах, а также удешевлять транспортные тарифы⁴.

В стремлении увеличить пропускную способность ТМТМ до 10 млн т Азербайджан, Грузия, Казахстан и Турция в ноябре 2022 г. согласовали дорожную карту его развития до 2027 г.⁵ По имеющимся данным, в 2022 г. объем грузоперевозок по ТМТМ увеличился в 2,5 раза и достиг 1,48 млн т, а в 2023 г. по маршруту было перевезено 2,75 млн т грузов⁶. В марте 2024 г. эту информацию подтвердил К.-Ж. Токаев накануне государственного визита в АР. Говоря о возрастающей роли ТМТМ в про-

¹ Сафаров Ф. Путин послал Турции важные сигналы // dikGAZETE, Турция. 2024. 7 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20240607/pmef-269119397.html> (дата обращения: 01.07.2024).

² Панфилова В. Россия обходит Казахстан с юга // Независимая газета. 2023. 2 июля [Электронный ресурс]. URL: https://www.ng.ru/cis/2023-07-02/1_8762_south.html (дата обращения: 01.07.2024).

³ Транзитное время по железной дороге через Россию из Китая до портов Европы составляет 20 дней (Максимов З., Войцеховский А. Российский транзит помогает Китаю работать с ЕС (дата обращения: 01.07.2024)).

⁴ Ахундов Г. Транскаспийский транзит на гребне волны // Caliber.Az. 2024. 13 января [Электронный ресурс]. URL: <https://caliber.az/post/216642/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Казахстан, Азербайджан, Грузия и Турция планируют увеличить до 10 млн тонн в год пропускную способность Транскаспийского маршрута к 2025 году // Sputnik Казахстан. 2022. 25 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/sputnikKZ/28658> (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ Анализ и перспективы Транскаспийского международного транспортного маршрута; В Баку оценили вклад «Зангезурского коридора» в рост пропускной способности ТМТМ // EurAsia Daily. 2024. 27 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/02/27/v-baku-ocenili-vklad-zangezurskogo-koridora-v-rost-propusknoy-sposobnosti-tmtm> (дата обращения: 01.07.2024).

движении и развитии трансконтинентальной торговли, он так определил параметры грузоперевозок: в 2022 г. их объем составил 1,7 млн т, а в 2023 г. — 2,7 млн т¹. В конце февраля 2024 г. заместитель министра цифрового развития и транспорта Азербайджана Рахман Гумметов фактически связал возможность увеличения пропускной способности Среднего коридора до 8–10 млн т с успехами в реализации «зангезурского» проекта². Следовательно, на сегодняшний день достижения в освоении ТМТМ отстают от намеченных планов. Вместе с тем члены ОТГ привержены самаркандскому соглашению от 11 ноября 2022 г. о развитии между собой международных комбинированных грузовых перевозок³. Очевидно и то, что дальнейшее развитие ситуации во многом будет определяться динамикой армяно-азербайджанского урегулирования и дееспособностью формата 3+3.

Важно также отметить, что значительная часть грузов по ТМТМ направляется или в Россию, или проходит через нее. Следовательно, утверждение о враждебности транскаспийского проекта интересам Москвы является ложным⁴. Так, российский политолог С. А. Притчин сомневается в способности несырьевого экспорта по ТМТМ нанести урон транзитному потенциалу России, а директор Института евразийской интеграции Казахстана Уразгали Сельтеев допускает даже возможность извлечения Россией выгоды от ТМТМ как альтернативы для ее внешнеторговых операций в условиях санкций⁵.

Можно сказать, что в свете намерений И. Алиева инвестировать в транспортную логистику столицы для увеличения грузоперевалочной способности Бакинского международного морского торгового порта (морской порт Алят) с 15 до 25 млн т⁶ открывается перспектива синергии в зонах пересечения МТКСЮ с ТМТМ. В конце мая 2024 г. в Баку азербайджанский президент информировал президента Таджикистана Эмомали Рахмона о том, что «Азербайджан на своей территории практически завершил все основные транспортно-логистические проекты и сегодня готов принимать большие объемы грузов из разных направлений: с Востока на Запад и обратно, с Севера на Юг и в обратном направлении»⁷.

Поэтому, принимая во внимание неоднозначность проекта ТМТМ, в российских интересах подчеркивать его роль в соединении посредством наземного транспорта международных транзитных маршрутов «Север — Юг» и «Восток — Запад». В начале июня 2024 г. по итогам заседания Евразийского межправительственного

¹ Объем перевозок по ТМТМ в 2023 году вырос на 65% // Капитал. 2024. 11 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://kapital.kz/economic/123866/ob-uem-perevozok-po-tmtm-v-2023-godu-vyros-na-65.html> (дата обращения: 01.07.2024).

² В Баку оценили вклад «Зангезурского коридора» в рост пропускной способности ТМТМ.

³ Парламент Казахстана ратифицировал закон о грузоперевозках в странах ОТГ // ТАСС. 2024. 20 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/21148399> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Васильев В. Дорога «в обход России». Кому выгоден новый транспортный проект Китая // ИА Регнум. 2023. 23 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://regnum.ru/article/3808053> (дата обращения: 01.07.2024); Китай — Центральная Азия: итоги саммита в Сиане, EurasiaNet, США. 2023. 25 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20230525/kitay-263175363.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Кусов О. В обход РФ: куда ведет Транскаспийский транспортный коридор // NEWS.ru. 2022. 27 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ru/cis/odno-otechestvo-na-dve-strany-kak-belorussy-otnosyatsya-k-rossii/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ Ильхам Алиев принимает участие в Форуме «Один пояс — один путь». 26 апреля 2019 г. // Президент Азербайджана [Электронный ресурс]. URL: <https://president.az/ru/articles/view/32878> (дата обращения: 01.07.2024); Азербайджан дополнительно инвестирует в проект дороги Баку — Тбилиси — Карс // ТАСС. 2022. 24 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/16140843> (дата обращения: 01.07.2024).

⁷ Македонцев П. Азербайджан вовлекает Таджикистан в тюркский мир.

совета в Несвиже (Республика Беларусь) заместитель председателя Правительства РФ А. Л. Оверчук высказал мнение о критической важности для улучшения транспортно-логистической связанности в Евразии (включая сопряжение с ОПОП) не только МТКСЮ, но и МТК «Восток — Запад»¹.

Вызов МТКСЮ со стороны Китая

Как отмечалось выше, логистический маршрут, известный как «Средний коридор», или Восток — Запад появился в рамках китайской инициативы ОПОП. Он берет свое начало в китайском порту Ляньюньган, а затем пролегает через Сиань в Урумчи до китайско-казахстанской границы². Неудивительно, что перспективы ТМТМ стали предметом непосредственного обсуждения Китая с Азербайджаном и Грузией. Неудивительно, что открытие «Зангезурского коридора» — связующего звена ТМТМ — заняло важное место в азербайджанской политике Китая³.

Эксплуатация ТМТМ началась в 2017 г., а в 2019 г. по нему прошел первый контейнерный поезд China Railway Express, положивший начало китайскому контейнерному мультимодальному транзиту. Такие составы способны преодолевать весь маршрут за 20–25 дней, что ощутимо меньше, чем перевалка грузов из Китая и Юго-Восточной Азии морским путем через Суэцкий канал, занимающая примерно 40 дней⁴.

В оценке китайского влияния на работу МТКСЮ мнения авторов расходятся. Так, обозреватель издания Украина.ру Владимир Скачко в категоричной манере упрекает Китай в «жестком прагматизме» и готовности «обсуждать транспортные коридоры в обход России с кем угодно, если ему это выгодно». В этой связи он привлекает внимание к состоявшимся встречам глав Турции, Грузии, США, Узбекистана, Туркменистана, Европейского совета с участием китайских представителей по этому вопросу⁵.

Представляется, что подобные выпады против союзника России неуместны и ошибочны, поскольку сегодня все страны мира руководствуются в отношении друг с другом принципом экономического прагматизма. Президент Национального исследовательского центра «Перевозки и инфраструктура» П. А. Иванкин ставит в заслугу китайским партнерам поиск оптимальных решений в обеспечении транспортного сообщения с Европой: «...в Китае сидят очень умные ребята. Они развивают все направления, альтернативные в том числе. Зависеть от российского транзита они точно не будут. Да и говорят об этом уже давно в открытую»⁶.

При этом отсутствуют факты, свидетельствующие о действиях Китая в нарушение российских интересов в ЦАР. Не относить же к ним подписанный в сентябре 2022 г. на саммите ШОС в Самарканде трехсторонний меморандум о взаимопо-

¹ Алексей Оверчук: МТК «Север — Юг» и «Восток — Запад» критически важны для транспортно-логистической связанности в Евразии // ПортНьюс. 2024. 4 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://portnews.ru/news/363785/> (дата обращения: 01.07.2024).

² В Баку оценили вклад «Зангезурского коридора» в рост пропускной способности ТМТМ.

³ Лузянин С., Семенова Н. Политика Китая в Каспийском регионе // Каспийский институт стратегических исследований (КИСИ). 2022. 18 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://caspien.institute/product/luzyanin-sergej/politika-kitaya-v-kaspijskom-regione-38324.shtml> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Ахундов Г. Транскаспийский транзит на гребне волны.

⁵ Скачко В. Коридор в обход России. Пекин в Мюнхене подтвердил претензии на лидерство, Москва согласна // Украина.ру. 2024. 19 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://ukraina.ru/20240219/1053392775.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ Максимов З., Войцеховский А. Российский транзит помогает Китаю работать с ЕС // Vgudok. 2023. 17 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://vgudok.com/lenta/rossiyskiy-tranzit-pomogaet-kitayu-rabotat-s-es-porty-rf-i-set-rzhd-napryamuyu-vliyayut-na> (дата обращения: 01.07.2024).

нимании по строительству 454-км железной дороги Узбекистан — Кыргызстан — Китай, призванной оптимизировать работу Среднего коридора. Именно ей Китай отводит ключевую инфраструктурную роль в реализации своей инициативы ОПОП. В мае 2023 г. в пику «Большой семерке» Китай провел в Сиане встречу с пятью странами ЦА в формате саммита «Китай — Центральная Азия». В числе других обсуждались вопросы о запуске железной дороги Китай — Кыргызстан — Узбекистан (18 мая был подписан трехсторонний меморандум) и строительстве нескольких автомагистралей.

Также ведет себя Китай и на Южном Кавказе. Российские международники А. М. Кумуков и С. Г. Лузянин, в частности, обращают внимание на участие китайской компании China Railway Tunnel Group в строительстве девятикилометрового туннеля через Главный Кавказский хребет с целью ускоренной транспортировки китайских товаров из грузинского участка ТМТМ на юг Росси. «Пекин, — отмечают они, — стремится не наносить ущерба интересам России, связанным с созданием Россией, Азербайджаном, Ираном и другими заинтересованными игроками стратегического транспортного коридора Север — Юг, с одной стороны, и действовать гибко, принимая во внимание свои собственные транзитные приоритеты и возможности, с другой» [2, с. 183].

Кроме того, в условиях нарастающей многополярности государства ЦА, исходя из своих национальных интересов, все чаще проявляют самостоятельность в выборе партнеров и заключении торговых договоров. В этом ключе следует рассматривать и их сотрудничество в формате ТМТМ. Так, 22 июня 2023 г. представители Казахстана и Азербайджана подписали соглашение о создании логистической компании для развития ТМТМ, которой поручили заниматься объединением тарифов и обработкой всех грузов с целью обеспечения стабильных грузоперевозок между Китаем и Европой. Перед ней также поставили задачу сократить срок доставки грузов по маршруту с 53 до 18 дней уже в 2023 г., а затем — до 10–15 дней¹.

По результатам состоявшегося 28–29 сентября 2023 г. в Актау бизнес-форума «ТМТМ 2023: инновации и развитие в эпоху цифровизации» было подписано Соглашение о взаимодействии и мерах ответственности при организации перевозки грузов в составе контейнерных поездов по маршруту ТМТМ с использованием фидерных судов и Соглашение об организации контейнерных перевозок в прямом международном железнодорожно-морском сообщении с участием фидерных судов между портами Каспийского моря (Актау-порт — Баку-Алят»). Сегодня его пропускная способность составляет менее 10% от мощности «северного маршрута» перевозки товаров из Поднебесной в Европу через территорию России. Однако в свете новых геополитических реалий она может резко возрасти, в том числе и по причине усиления роли в этом движении порта в Туркменбаши с пропускной способностью до 25–26 млн т грузов в год. Не будет преувеличением сказать, что Китай, Турция и ЕС заинтересованы в увеличении пропускной способности ТМТМ до 50 млн т².

В рамках избранной руководством Туркменистана «стратегии вовлечения в международные логистические проекты», в мае 2023 г. президент страны Сердар Бердымухамедов заявил о готовности к запуску международного транзитного коридора в Иран, Ирак и Турцию в рамках МТК Восток — Запад. Следует полностью

¹ Астана и Баку создали логистическую компанию для развития Транскаспийского маршрута // ТАСС. 2023. 22 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/18090765> (дата обращения: 01.07.2024); Ахундов Г. Транскаспийский транзит на гребне волны.

² Скачно В. Коридор в обход России. Пекин в Мюнхене подтвердил претензии на лидерство, Москва согласна.

согласиться с экспертом РСМД Е. В. Махмутовой (Войко) в том, что новый амбициозный проект Туркменистана становится «частью более глобального проекта «Восток — Запад» по доставке китайских грузов в Европу»¹.

В октябре 2023 г. прошли переговоры представителей транспортных и железнодорожных ведомств Казахстана, Туркмении, Ирана и Турции, темой которых стала проработка деталей нового евразийского транспортного коридора, призванного соединить Китай с Евросоюзом в обход Каспийского моря. Затем содержание инициативы было доведено до китайского руководства, и в ходе официального визита президента Казахстана К-Ж. Токаева в Пекин завершилось подписанием ряда документов, прежде всего, соглашения между правительствами РК и КНР по развитию ТМТМ с участием Узбекистана. Важно отметить, что в контексте данного проекта Казахстан и Туркмения подписали меморандум о намерении увеличить объемы взаимных перевозок, причем не только железнодорожных, но и морских между портами Казахстана (Актау и Курык) и Туркменистана (Туркменбаши)². Проект оказался успешным, и уже 31 мая 2024 г. в Ереван прибыл первый грузовик из китайского Шанхая. Грузоперевозка из Китая через территории Казахстана, Узбекистана, Туркменистана и Ирана в Армению заняла около 20 дней³.

24 января 2024 г. в рамках официального визита в Китай президента Узбекистана Шавката Мирзиёева стороны объявили об открытии нового мультимодального коридора Узбекистан — Казахстан — Китай (по маршруту Ташкент — Хоргос — Циндао), а также согласились с необходимостью начать практические работы по строительству железной дороги Китай — Кыргызстан — Узбекистан протяженностью 900 км (самый короткий путь от востока Китая до портов южной Европы)⁴. Как утверждает сотрудник Института востоковедения РАН Б.Х. Кушхов, вместе с маршрутом «Узбекистан — Туркменистан — Иран — Турция» он «позволит увеличить объем грузоперевозок по маршруту Китай — Европа приблизительно на 10 млн тонн в год»⁵.

Армения как политический актер в реализации проекта МТКСЮ

По понятным причинам многие годы проект МТКСЮ встречает противодействие армянской стороны. К примеру, выступая проводником интересов официального Еревана, советский и российский государственный и общественный деятель Варткес Арцруни внушал идею, что бенефициаром проекта Казвин — Решт — Астара окажется один только президент Азербайджана Ильхам Алиев, который

¹ Махмутова (Войко) Е. Перспективы Туркменистана как транспортного узла Евразии // РСМД. 2023. 25 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/perspektivy-turkmenistana-kak-transportnogo-uzla-evrazii/> (дата обращения: 01.07.2024).

² Кушхов Б. Китай-Казахстан-Туркменистан-Иран: продвижение нового коридора и инфраструктурная конкуренция стран региона // Новое Восточное Обозрение. 2024. 22 января [Электронный ресурс]. URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/01/22/kitaj-kazahstan-turkmenistan-iran-prodvizhenie-novogo-koridora-i-infrastrukturnaya-konkurencziya-stran-regiona/> (дата обращения: 01.07.2024).

³ В рамках реализации проекта «Перекресток мира» из Китая в Армению прибыл первый грузовой автомобиль // Арменпресс. 2024. 3 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://armenpress.am/ru/article/1138613> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Кушхов Б. Китай-Узбекистан: новый статус отношений // Новое Восточное Обозрение. 2024. 16 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/02/16/kitaj-uzbekistan-novyj-status-otnoshenij/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Кушхов Б. Железная дорога Китай — Кыргызстан — Узбекистан: начало строительства в 2024 году? // Новое Восточное Обозрение. 2024. 12 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://journal-neo.su/ru/2024/02/12/zheleznaya-doroga-kitaj-kyrgyzstan-uzbekistan-nachalo-stroitelstva-v-2024-godu/> (дата обращения: 01.07.2024).

после его ввода в эксплуатацию «за чужой счет» потешит свои геополитические амбиции и сможет «шантажировать Россию и Иран угрозой в любой момент заблокировать перевозки». Одновременно, ссылаясь на «многих экспертов», он навязывал Москве проблемный проект восстановления железнодорожного сообщения между Россией и Ираном через территории Абхазии, Грузии и Армении, а также лоббировал транскаспийский маршрут Оля — Энзели с выходом на Мегри, минуя Азербайджан¹.

С начала 2020-х годов Армения сосредоточилась на проектах транспортных коридоров из иранских южных портов через территорию Армении к грузинским портам на Черном море, минуя Азербайджан и Турцию. В марте 2021 г. посол Индии в Иране заявил о намерении Нью-Дели включить РА в реализацию проекта МТКСЮ через иранский порт Чехбехар. В Армении загорелись идеей прокладки автотрассы по своей территории. В августе того же года Ереван проявил готовность участвовать в работах по реализации этой программы², а в октябре глава индийского МИД Субраманьям Джайшанкар на брифинге с армянским коллегой Араратом Мирзояном в Ереване подтвердил заинтересованность двух стран в использовании иранского порта Чехбехар для активизации торговых путей, включая МТКСЮ³.

В феврале 2022 г. правительство РА «переоформило» проект МТКСЮ в проект «Север — Юг», «Восток — Запад», или «Армянский перекресток»⁴. В марте следующего года оно же поддержало иранский проект коридора «Персидский залив — Черное море» через Иран, параллельного МТКСЮ, чтобы соединить индийских трейдеров с Россией и Европой. Согласно источникам в правительстве РА, Ереван намеревался привлечь индийские инвестиции для прокладки маршрута по территории Армении⁵. Комментируя предложение, исходившее от главы МИД РА А. Мирзояна, индийская газета The Economic Times подытоживала: «Предлагаемый коридор, который будет создан параллельно международному транспортному коридору Север — Юг, соединит Мумбаи с Бендер-Аббасом в Иране, затем соединится с Арменией и пойдет в Европу или Россию в обход Азербайджана, с которым у Индии не очень теплые отношения, учитывая тесные связи последнего с Турци-

¹ Арцруни В. Казвин — Решт — Астара: станут ли Россия и Иран заложниками чужих амбиций? // Центр поддержки русско-армянских стратегических и общественных инициатив. 2013. 13 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://russia-armenia.info/node/4135> (дата обращения: 01.07.2024).

² Саркисян Л. Месседж Еревану, или Почему Индия и Иран хотят втянуть Армению в коридор «Север — Юг» // Sputnik Армения. 2021. 18 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://am.sputniknews.ru/20210818/Messedzh-Erevanu-ili-Pochemu-Indiya-i-Iran-khotyat-vtyanut-Armeniyu-v-koridor-Sever-Yug-28709037.html> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Армения и Индия заинтересованы в использовании иранского порта Чабакхар // Sputnik Армения. 2021. 13 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://am.sputniknews.ru/20211013/armeniya-i-indiya-zainteresovany-v-ispolzovanii-iranskogo-porta-chabakhar-34235278.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Проект Север-Юг, Восток-Запад или армянский перекресток: Пашиян представил подробности // ИА «Арменпресс». 2022. 17 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://armenpress.am/rus/news/1075783.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Армения предложила Индии торговый коридор в Россию в обход Азербайджана // Ведомости. 2023. 11 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/03/11/966086-armeniya-predlozhila> (дата обращения: 01.07.2024); Саркисян Л. Шанс Еревана: почему коридор «Персидский залив — Черное море» необходим Армении // Sputnik Армения. 2024. 26 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://am.sputniknews.ru/20230426/shans-erevana-pochemu-koridor-persidskiy-zaliv--chernoje-more-neobkhodim-armenii-58529548.html> (дата обращения: 01.07.2024). Впервые данный проект был озвучен Ираном в 2016 г.

ей и Пакистаном»¹. В апреле 2023 г. в Ереване состоялись первые политические консультации в трехстороннем формате между МИД Армении, Ирана и Индии².

Затем армянская сторона вновь переориентировалась на Чехбехар. Стремясь к созданию коридора «Индия — Иран — Армения — Грузия — РФ/ЕС», альтернативного МТКСЮ, в мае 2023 г. по поручению премьер-министра РА Никола Пашиняна была создана межведомственная рабочая группа по вопросам запуска международных грузоперевозок и открытию операторского пункта в этом иранском порту. При этом в Министерстве экономики РА особые надежды возлагали на Индию, устойчиво заинтересованную в сотрудничестве с Арменией в рамках как МТКСЮ, так и МТК «Персидский залив — Черное море»³. Одновременно РА решила отказаться от транспортного взаимодействия не только с Турцией и Азербайджаном, но и с Россией. «Поскольку, — утверждает старший научный сотрудник Института прикладных политических исследований Армении (APRI Armenia) Бениамин Погосян, — новая холодная война подрывает экономические и политические отношения России и Запада, любой крупномасштабный транзит грузов, проходящих через границу России и Европы, выглядит слишком рискованным для международных логистических и страховых компаний»⁴.

Осенью 2023 г. Армения интенсифицировала свои усилия на данном направлении. В октябре делегация из Армении приняла участие в Global Maritime India Summit 2023 в Мумбаи, где замминистра экономики Армении Нарек Терьян обсудил с индийскими коллегами вопросы развития порта Чехбехар и МТК «Персидский залив — Черное море»⁵. Вскоре замглавы МИД Армении Мнацакан Сафарян заявил в интервью изданию The Economic Times: «Мы ведем переговоры о присоединении к порту и надеемся, что соединение между портом Чабахар и INSTC будет завершено в ближайшее время. Есть признаки того, что это соединение будет завершено в течение года»⁶. В декабре 2023 г. порт посетил министр территориального управления и инфраструктуры Армении Гнел Саносян. В январе 2024 г. министр экономики РА Ваган Керобян договорился с коллегами из Дели и Тегерана о за-

¹ The Economic Times: Армения предлагает коридор Иран-Черное море для индийских торговцев // Новости Армении — NEWS.am. 2023. 11 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://news.am/rus/news/749225.html> (дата обращения: 01.07.2024).

² Политические консультации между министерствами иностранных дел Республики Армения, Исламской Республики Иран и Республики Индия // МИД РА. 2023. 20 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mfa.am/ru/press-releases/2023/04/20/Arm.Ir.Ind/11978> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Армения предлагает замкнуть на себе транспортную альтернативу — из Индии в ЕС и ЕАЭС // EurAsia Daily. 2023. 23 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/11/23/armeniya-predlagaet-zamknut-na-sebe-transportnyuyu-alternativu-iz-indii-v-es-iae> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Пламенев И. Армения предложила Индии торговый коридор в Россию через Черное море // РБК. 2023. 11 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/03/2023/640c6cad9a7947ef9b78009e> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Замминистра экономики Армении обсудил в Индии вопросы транзитных перевозок посредством порта Мумбаи // ATI.SU. 2023. 18 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://news.ati.su/news/2023/10/18/zamministra-ekonomiki-armenii-obsudil-v-indii-voprosy-tranzitnyh-perevozok-posredstvom-porta-mumbai-559595/> (дата обращения: 01.07.2024); Армения надеется получить доступ к порту Чабахар и МТК «Север — Юг» к концу 2024 г. — МИД // Sputnik Армения. 2023. 9 ноября [Электронный ресурс]. URL: <https://am.sputniknews.ru/20231109/armeniya-nadeetsya-chno-prisoedinitnya-k-portu-chabahar-i-mtk-sever-yug-k-kontsu-2024-g--mid-68400628.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ Chaudhury D.R. Armenia in talks to join Chabahar port for India access // The Economic Times/ November 9, 2023 [Электронный ресурс]. URL: <https://economictimes.indiatimes.com/news/india/armenia-in-talks-to-join-chabahar-port-for-india-access/articleshow/105077306.cms> (дата обращения: 01.07.2024).

пуске в мае альтернативного МТКСЮ торгового маршрута «Персидский залив — Черное море».

Казалось бы, развитие экономических отношений между Индией и Ираном с Арменией создавало хорошую основу для развития между ними транспортно-го сообщения. Достаточно сказать, что в период с 2016 по 2021 г. товарооборот Индии и Армении увеличился с 21 млн долл. до 181 млн., а в 2023 г. достиг 380 млн долл.¹ Объем торговли Ирана с Арменией в 2022 г. составил около 711 млн долл. против около 503,5 млн в 2021 г., а за девять месяцев 2023 г. — 507 млн долл.²

Однако что-то не заладилось. Во всяком случае, в мае 2024 г. посол Индии в Армении Нилакши Саха Синха дала понять об отсутствии четких предложений от армянской стороны по вопросу использования иранского порта³. Ранее научный сотрудник МГИМО А. Р. Маргоев справедливо отмечал заинтересованность Ирана в транспортном сотрудничестве с РА только при условии, что ему «не придется оплачивать строительство и развитие там инфраструктуры, налаживать за свой счет торговые и логистические цепочки»⁴.

Трудно сказать, как сложится в дальнейшем судьба индийско-ирано-армянского транспортного проекта. В любом случае, прозападный крен внешней политики РА не угрожает ей транспортной изоляцией, прежде всего, по причине резкого усиления позиций КНР на Южном Кавказе. В условиях СВО, отмечают А. М. Кумуков и С. Г. Лузянин, произошло «переформатирование китайско-европейской логистики», что «повысило важность коридоров, проходящих через Южный Кавказ и другие прилегающие районы» [2, с. 189]. Действительно, в 2022 г. объем торговли между Китаем и Арменией составил 1,43 млрд долл., а за первую половину 2023 г. — свыше 800 млн долл.⁵ Впрочем, в 2024 г. произошло восстановление железнодорожных перевозок контейнеров из Китая в ЕС тран-

¹ Армяно-индийские отношения имеют потенциал для развития в оборонной и военно-технической сферах // Radar Armenia. 2022. 4 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://radar.am/ru/news/politics-2513814120/> (дата обращения: 01.07.2024); Товарооборот Армении и Индии по итогам 2023 г. вырос на 7% — замминистра // Sputnik Армения. 2024. 14 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://am.sputniknews.ru/20240314/tovarooborot-armenii-i-indii-po-itogam-2023-g-vyros-na-7---zamministra-73357919.html> (дата обращения: 01.07.2024).

² Товарооборот Армении с Ираном в 2022 году составил около 711 млн долларов // Новости Армении — NEWS.am. 2023. 19 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://news.am/rus/news/755598.html> (дата обращения: 01.07.2024); Товарооборот Армении и Ирана в 2023 году может достичь \$1 млрд. — секретарь Совбеза // ARKA. 2023. 14 ноября [Электронный ресурс]. URL: https://arka.am/ru/news/economy/tovarooborot_armenii_i_irana_v_2023_godu_mozhet_dostich_mlrnd_sekretar_sovbeza/ (дата обращения: 01.07.2024).

³ Армения планирует наладить торговый маршрут из Индии через Иран к маю 2024 года // EurAsia Daily. 2024. 15 января [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2024/01/15/armeniya-planiruet-naladit-torgovyy-marshrut-iz-indii-cherez-iran-k-mayu-2024-goda> (дата обращения: 01.07.2024); Индия ждет четких предложений от армянской стороны по вопросу использования порта Чабахар: посол // ИА «Арменпресс». 2024. 17 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.armenpress.am/rus/news/1137326.html> (дата обращения: 01.07.2024); Индия ждет предложений Армении по вопросу использования порта Чабахар — посол // Sputnik Армения. 2024. 17 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://am.sputniknews.ru/20240517/indiya-zhdet-predlozheniy-armenii-po-voprosu-ispolzovaniya-porta-chabakhar---posol-75923146.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Потаева К. Армения рискует выпасть из проекта транспортного коридора «Север — Юг» // Ведомости. 2022. 23 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2022/10/24/946972-armeniya-riskuet-vipast-iz-proekta-koridora-sever-yug> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Коньяк, мед и «Один пояс — один путь»: Китай заинтересован в развитии отношений с Арменией // Новости Армении — NEWS.am. 2023. 17 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://news.am/rus/print/news/775982.html> (дата обращения: 01.07.2024).

зитом через территорию России. В первом квартале они увеличились на 44% до 90 тыс. TEU, почти достигнув докризисных объемов. Учитывая, что время в пути составляет 5–7 дней, «северный маршрут» остается самым востребованным для перемещения товаров, для которых критически важен транзитный срок¹.

Конфликт интересов АР с ИРИ и Индией в контексте развития МТКСЮ

Многие авторы видят угрозу развитию МТКСЮ в проблемном характере ирано-азербайджанских отношений. В связи с этим они вызывают критические суждения относительно перспективы устойчивого функционирования его «западной ветки». Так, политологи Г. В. Косов и А. В. Гукасов из Пятигорского госуниверситета в 2019 г. утверждали, что «ухудшающиеся отношения между Азербайджаном и Ираном затрудняют реализацию проекта МТК «Север — Юг». Это неизбежно приведет к тому, что будет поставлен вопрос о минимизации участия или игнорировании Азербайджана» [1, с. 215]. По этой же причине довольно пессимистично в марте 2023 г. о будущем МТКСЮ высказывался А. В. Караваев. Опасаясь, что дальнейшая эскалация между Ираном и Азербайджаном (началась октябре 2022 г. и продолжалась до конца июня 2023 г.) серьезно затормозит движение транспорта и техническое развитие «западной ветки» МТКСЮ, он указывал на транзитные преимущества транскаспийского маршрута для продолжения российско-иранских отношений².

Признавая наличие такой проблемы, вместе с тем следует отметить ее преимущественно конъюнктурный и эмоциональный характер. К тому же в последние годы АР и ИРИ сравнительно быстро преодолевали возникавшие между ними разногласия в силу естественной географической и транспортно-логистической сцепки, обеспечивающей полноценное функционирование МТКСЮ. К сожалению, этот аспект зачастую выпадает из поля зрения пристрастных авторов. По этой причине следует обратить внимание на ряд принципиальных моментов.

Во-первых, отношения Баку и Тегерана постоянно варьируются от «ухудшения» к «улучшению» и наоборот. Во-вторых, поскольку коренные интересы АР и ИРИ большей частью совпадают, стороны тяготеют к конструктивному урегулированию возникающих между ними разногласий. При этом, конечно, временные размолвки влияют на исполнение сторонами своих обязательств по действующим соглашениям. В-третьих, для многих неожиданностью стало проведение в июне 2024 г. совместных антитеррористических учений подразделений специального назначения ИРИ и АР в иранской провинции Западный Азербайджан. Комментируя маневры, заместитель командующего сухопутными войсками армии Ирана генерал-майор Керим Чешак заявил, что они «способствуют укреплению двусторонних отношений и обеспечению безопасности в регионе»³.

Обсуждая тему непростых азербайджано-иранских отношений, невозможно уйти от разговора об азербайджано-индийских осложнениях последнего времени и их влиянии на имплементацию совместного транспортного проекта. Надо признать, что СМИ, зачастую характеризуют отношения АР и Индии как конфликтные, отрица-

¹ Скорлыгина Н. Китайские контейнеры устремились в ЕС // Коммерсант. 2024. 5 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6622037> (дата обращения: 01.07.2024).

² Тагиева А. Каждой линии — свой товар: маршрут «Север — Юг» через Азербайджан теряет актуальность? // Sputnik Азербайджана. 2023. 15 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://az.sputniknews.ru/20230315/kazhdoy-linii---svooy-tovar-marshrut-sever-yug-cherez-azerbaydzhan-teryayet-aktualnost-452702285.html> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Иран и Азербайджан провели совместные антитеррористические учения // ТАСС. 2024. 11 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/21088415> (дата обращения: 01.07.2024).

ют возможность нормального хозяйственного взаимодействия между ними. Наибольший вклад в формирование такого представления вносят армянские авторы. Однако, представляется, что они завышают союзническую близость, с одной стороны, АР, Турции и Пакистана, а, с другой, РА, Ирана и Индии. Раздувая объективно существующие противоречия между этими двумя образованиями, они также преувеличивают обеспокоенность Индии союзническими отношениями между Пакистаном и Азербайджаном¹. Именно с такой позиции военный аналитик из Индии Джейсон Вахланг и сотрудник APRI Armenia Сергей Мелконян привлекают внимание к тому обстоятельству, что Азербайджан и Турция по кашмирскому вопросу придерживаются точки зрения Пакистана, который находится с ними в стратегическом альянсе².

Очевидно, что тесное сотрудничество Анкары, Баку и Исламабада не вызывает одобрительной реакции со стороны индийских властей. Однако ведь и Баку раздосадован поставками Еревану индийского оружия³. К тому же свою лепту в демонизацию этого вопроса вносят пакистанские СМИ, представляя растущее военное сотрудничество между Ереваном и Нью-Дели как угрозу миру и безопасности на Южном Кавказе и в Южной Азии⁴.

Несмотря на имеющиеся расхождения по ряду принципиальных вопросов международной повестки, Нью-Дели и Баку не стремятся к разрыву экономических отношений. Безусловно, их геополитические разногласия сказываются на взаимной торговле. В СМИ отмечалось ее сокращение в январе-ноябре 2023 г. до 1,108 млрд долл., или на 40% по сравнению с тем же периодом 2022 г. (1,859 млрд долл.)⁵. Тем не менее размер товарооборота Азербайджана и Индии по-прежнему существенно выше соответствующих армяно-индийских значений. Достаточно сказать,

¹ Саркисян Л. Месседж Еревану, или Почему Индия и Иран хотят втянуть Армению в коридор «Север — Юг»; Еркянян А. Почему в Баку так опасаются сближения Индии с Арменией? // Sputnik Армения. 2022. 16 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://am.sputniknews.ru/20220216/pochemu-v-baku-tak-opasayutsya-sblizheniya-indii-s-armeniyey-38750574.html> (дата обращения: 01.07.2024); Bharat Shakti: Индия обеспокоена растущим сближением между Азербайджаном, Пакистаном и Турцией // Новости Армении — NEWS.am. 2024. 4 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://news.am/rus/news/810646.html> (дата обращения: 01.07.2024); Eurasia Review: Связь Азербайджана и Пакистана угрожает Индии, Нью-Дели должен укреплять союзничество с Ереваном // Новости Армении — NEWS.am. 2024. 25 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://news.am/rus/news/814357.html> (дата обращения: 01.07.2024).

² Вахланг Дж., Мелконян С. Индия на Южном Кавказе: значение для России, Ирана и Турции // РСМД. 2024. 30 января [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/indiya-na-yuzhnom-kavkaze-znachenie-dlya-rossii-irana-i-turtsii/> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Азербайджан недоволен политикой Индии: Забудьте про Армению // EurAsia Daily. 2023. 15 января [Электронный ресурс]. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2023/01/15/azerbaydzhan-pedovolen-politikoy-indii-zabudte-pro-armeniyu> (дата обращения: 01.07.2024); Президент Азербайджана: Франция и Индия, вооружая Армению, как говорится, подливают масла в огонь. 2023. 6 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://media.az/politics/1067938991/prezident-azerbaydzhana-franciya-i-indiya-vooruzhaya-armeniyu-kak-govoritsya-podlivayut-masla-v-ogon/> (дата обращения: 01.07.2024); МИД Индии прокомментировал критику Азербайджана из-за поставок вооружения Армении // ТАСС. 2024. 25 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/20650345> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Пакистанские СМИ: Военный союз Индии и Армении угрожает миру и безопасности на Южном Кавказе // Caliber.Az. 2023. 18 января [Электронный ресурс]. URL: <https://caliber.az/post/138388/> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Мамедов Ш. Товарооборот между Азербайджаном и Индией превысил 1.1 млрд долларов // APA.Az. 2024. 5 января [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.apa.az/entrepreneurship/tovarooborot-mezdu-azerbaidzhanom-i-indiei-prevysil-1-1-mlrd-dollarov-550007> (дата обращения: 01.07.2024).

что в период с апреля 2022 г. по январь 2023 г. Индия закупила у Баку нефти на общую сумму 495,78 млн долл.¹, а 2023 г., став третьим после Италии и Израиля импортером азербайджанской нефти, заплатила за нее 1,227 млрд долл.² В начале 2024 г. посол Индии в Азербайджане Шридхаран Мадхусудханан отметил, что «Индия входит в число семи крупнейших торговых партнеров Азербайджана, и имеется серьезная перспектива роста товарооборота»³.

Поддерживая стремление России к расширению отношений с Индией посредством МТКСЮ и морского коридора Ченнаи — Владивосток, директор Объединенного института оборонных исследований (Дели) Бал Кришан Шарма в конце 2023 г. утверждал: «Как только мы сможем ввести в действие эти коридоры, зависимость России от Китая, вероятно, уменьшится. И это то направление, в котором нам следует двигаться»⁴. Тогда же и сам глава МИД Индии Субраманьям Джайшанкар по итогам переговоров в Москве с С. В. Лавровым заявил о приоритетном характере для Нью-Дели проекта МТКСЮ⁵. В июне 2024 г. министр портов, судоходства и водных путей Индии Т. К. Рамачандран вновь подчеркнул особую важность для Нью-Дели МТКСЮ, а С. Джайшанкар назвал Чехбехар частью этого коридора⁶. Поскольку стратегическая нацеленность Азербайджана на завершение работ по «западной ветке» МТКСЮ вынуждает его национально-ориентированную элиту к многовекторному взаимодействию со всеми соседями и заинтересованными партнерами, следует ожидать позитивных подвижек Баку в отношениях и с Москвой, и с Тегераном, и с Нью-Дели.

Обсуждение

Хотя соглашение по МТКСЮ вступило в силу еще в начале XXI в., его практическое воплощение все еще не завершилось. Определенный всплеск интереса к данному проекту произошел на рубеже 2010–2020-х гг., да и то в связи с пандемией COVID-19 и аварией контейнеровоза «Ever Given» в Суэцком канале, которые нарушили международную торговлю и транспортную логистику. Вместе с тем представляется, что главной причиной актуализации МТКСЮ и многих других МТК регионального значения стал обостряющийся кризис глобализации, побуждающий участников внешнеэкономической и международно-политической деятельности добиваться для себя более безопасных и рентабельных грузоперевозок.

В России адекватное понимание стратегической важности и геоэкономической значимости МТКСЮ сложилось сравнительно недавно, в условиях ее опосредован-

¹ За 10 месяцев Индия купила у Азербайджана нефти на более чем 495 млн долл. США // ИА Neftegaz.RU. 2023. 14 марта <https://neftegaz.ru/news/Trading/773233-za-10-mesyatsev-indiya-kupila-u-azerbaydzhana-nefti-na-bolee-chem-495-mln-doll-ssha/> (дата обращения: 01.07.2024).

² Италия стала главным покупателем нефти Азербайджана в 2023 году // Oilcapital.ru. 2024. 22 января [Электронный ресурс]. URL: <https://oilcapital.ru/news/2024-01-22/italiya-stala-glavnym-pokupatelem-nefti-azerbaydzhana-v-2023-godu-3158593> (дата обращения: 01.07.2024).

³ Имеется серьезная перспектива роста товарооборота между Азербайджаном и Индией — посол // Day.Az. 2024. 26 января [Электронный ресурс]. URL: <https://news.day.az/economy/1632450.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁴ Джонни С. Является ли формирующийся глобальный порядок биполярным? // The Hindu, Индия. 2023. 6 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://inosmi.ru/20231206/miroporuyadok-266936524.html> (дата обращения: 01.07.2024).

⁵ Глава МИД Индии заявил, что транспортный коридор Север — Юг отвечает интересам всего мира // ТАСС. 2023. 27 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19637771> (дата обращения: 01.07.2024).

⁶ Глава МИД: Армения может связать Индию с Европой и Россией // Голос Армении. 2024. 26 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golosarmenii.am/article/213455/glava-mid-armeniya-mozhet-svyazat-indiyu-s-evropoj-i-rossiej> (дата обращения: 01.07.2024).

ной войны с НАТО, когда ограничения российских грузоперевозок по магистралям Евросоюза, морская блокада и западные санкции окончательно определили юго-восточную перспективу внешней политики страны на многие годы вперед. Именно тогда внимание России сосредоточилось на МТК, максимально защищенных от различных посягательств со стороны внешних сил, а правительство было вынуждено одобрить детальную «дорожную карту» по развитию МТКСЮ.

С самого начала главное внимание ведущих участников проекта было приковано к «западной ветке» МТКСЮ. В дальнейшем приоритетное значение этого направления сделалось очевидным. Достаточно сказать, что в последние годы до 70% от всех инвестиций в инфраструктуру МТКСЮ приходилось на обустройство маршрута, соединяющего Россию с Ираном через Азербайджан. Неудивительно, что основные геополитические вызовы и риски МТКСЮ пришлись на его «западную ветку».

Проведенное исследование позволяет утверждать, что на протяжении последних 20 лет Россия, Азербайджан и Иран сотрудничали в освоении «западной ветки» МТКСЮ и достигли на этом пути определенных успехов. В последние годы их общие усилия были устремлены на достройку участка Решт — Астара (Иран) — Астара (Азербайджан). При этом важно отметить, что все достижения в рамках этого созидательного процесса определялись не только размерами выделяемых инвестиций, но и готовностью самих участников проекта конструктивно взаимодействовать друг с другом, исходя из своих интересов.

Регулярные контакты президентов стран-участниц, министров транспорта, руководителей железнодорожных ведомств, финансистов, представителей бизнеса, различных экспертов в трех- и двусторонних форматах свидетельствуют о положительной динамике процесса. В ходе этих встреч и выработки совместных решений Россия последовательно укрепляла отношения с каждым из участников проекта, способствуя сближению позиций сторон и урегулированию периодически возникавших между ними конфликтных проявлений. Все говорит за то, что в России правильно понимают природу азербайджано-иранских противоречий и не впадают в уныние по поводу ситуационных размолвок Баку и Тегерана, тем более что они, как правило, не являются продолжительными и всякий раз преодолеваются сторонами, объективно тяготеющими к партнерству и конструктивному взаимодействию.

Внешними факторами, оказывающими влияние на мотивацию и поведение РФ, АР и ИРИ, выступают США и ЕС, Турция и ОТГ, Индия, являющаяся одним из учредителей МТКСЮ, и Китай, а также Пакистан, республики ЦА и Армения. Москве, Баку и Тегерану приходится не только считаться с мнением этих акторов, но и реагировать на их попытки склонить ведущих участников МТКСЮ к изменению транспортной стратегии.

Выводы

Наибольшая опасность согласованной работе РФ, АР и ИРИ в рамках проекта исходит от США и их союзников по НАТО, которые, не скрывая своей враждебности к РФ и ИРИ, прилагают усилия по вовлечению АР, а также стран ЦА в свою геополитическую игру. Вместе с тем представляется маловероятным, что Азербайджан пойдет на разрыв привилегированных и значимых для него отношений с северным и южным партнерами ради сомнительных в экономическом и политическом плане выгод и преимуществ. К тому же национально-ориентированная элита этой страны отдает себе отчет в том, что поддерживаемый Западом проект ТМТМ на самом деле является частью более масштабного предприятия с преобладающим участием Китая, известного как МТК «Восток — Запад». Более того, ценность последне-

го во многом повышается посредством сопряжения с выгодами от МТКСЮ. Не следует забывать и о том, что Индия не только сохраняет приверженность, но и проявляет все большую заинтересованность в оптимизации МТКСЮ. При этом Нью-Дели и Пекин оказывают всестороннее влияние на своих евразийских партнеров, побуждая их действовать политически корректно в отношениях с Россией и Ираном.

Турция и ОТГ тоже оказывают определенное влияние на поведение Азербайджана, пытаясь сосредоточить его внимание и усилия, прежде всего, на проекте Среднего коридора (ТМТМ). При этом пронатовски настроенным сторонникам пантюркистского проекта импонирует то, что он пользуется поддержкой Запада.

Вместе с тем не следует и преувеличивать подрывную роль оголтело настроенной части пантюркистского сообщества, прежде всего, по причине ее отрыва от экономических реалий, а значит, способности влиять на выработку и принятие политических решений. Дело в том, что функционал ТМТМ не враждебен интересам России и Ирана, как пытаются представить предвзято настроенные по отношению к России и Ирану авторы. Рассудительные и патриотично настроенные представители Турции, Азербайджана и стран ЦА понимают взаимосвязь ТМТМ с МТКСЮ, а также возможные последствия от покушения на законные интересы РФ и ИРИ. К тому же РФ и ИРИ проявляют заинтересованность и непосредственно участвуют в оптимизации инфраструктуры ТМТМ.

Мало того, что Турция дорожит добрыми отношениями с РФ и КНР, она не откажется и от сотрудничества с Ираном в формате «3 + 3». Большинство стран ЦА имеют прочные хозяйственные отношения с КНР и РФ. С последней Казахстан, Киргизия и Таджикистан, вовлекаемый в орбиту тюркского влияния, связаны союзническими узами в формате ОДКБ. Отношения РФ с Узбекистаном в последнее время представляют собой образец стратегического партнерства и надежного союзничества. Казахстан и Туркмения участвуют в оптимизации «восточной ветки» МТКСЮ.

Организация грузоперевозок по МТК «Узбекистан — Туркменистан — Каспийское море — Россия» означает фактическое подключение Ташкента к МТКСЮ. Поддержка Россией строительства Трансафганской железной дороги, являющейся частью нового мультимодального транспортного коридора Беларусь — Россия — Казахстан — Узбекистан — Афганистан — Пакистан, сближает Россию с тюркским миром в транспортно-логистическом отношении. Более того, этот проект формирует параллельную МТКСЮ транспортную артерию, которая в перспективе может стать частью единого транспортного конгломерата с участием стран ШОС, БРИКС и АСЕАН.

Несмотря на подозрительное отношение Индии к Азербайджану и Турции из-за их тесного сотрудничества с Пакистаном и поддержки подхода Исламабада к решению проблемы территориальной принадлежности Кашмира, Нью-Дели, как отмечалось выше, изначально предпочитавший самостоятельно осваивать маршрут, пролегающий от Иранского Чехбехара в направлении на Афганистан и Центральную Азию, сегодня заинтересован в развитии всех «веток» МТКСЮ. К этому его побуждают многие неудобства, связанные с логистикой Суэцкого канала, сдерживающей рост торговли с Европой и Россией. Поэтому не приходится сомневаться в нарастании усилий Нью-Дели по восстановлению и наращиванию экономических связей с Баку. В свою очередь, последний весьма заинтересован в бесперебойной работе иранских портов Чехбехар и Бендер Аббас.

Не следует преувеличивать воздействие на решимость индийского руководства участвовать в продвижении МТКСЮ со стороны Вашингтона и Пекина. В работе показано, что партнерство Нью-Дели с Вашингтоном не является «всеобъемлющим». Придерживаясь нейтральной позиции во внешней политике, Индия не готова жертвовать своими экономическими интересами в угоду политизированным рекомен-

дациям Белого дома. Растущее влияние Китая в зоне евразийских интересов Индии не препятствует успешному экономическому сотрудничеству двух стран. Более того, в перспективе можно ожидать их политического сближения. По мнению российской стороны, залогом к выработке единой позиции Индии и Китая по ключевым проблемам евразийского континента является их стремление к тройственному сотрудничеству с Россией в формате РИК.

Одновременно нельзя не отметить деструктивное, хотя и незначительное влияние на проект со стороны Армении. Стремясь замкнуть на себя товарные потоки из Индии и Ирана, эта страна фактически противодействует прокладке его «западной ветки». Однако ее попытки усилить свою транзитную роль в перевалке азиатских товаров в Европу, используя при этом территорию Грузии, на данный момент трудно назвать успешными. Более того, в связи с восстановлением «северного маршрута» доставки грузов из Китая в Европу через территорию России не следует переоценивать и значение армянского транзита для Пекина, который в большей степени озабочен пропускной способностью ТМТМ, сориентированного на Азербайджан и Турцию и при этом стремится не наносить ущерба интересам России, Азербайджана и Ирана, озабоченных завершением иранского участка МТКСЮ.

Наконец, важно подчеркнуть, что в последнее время США, НАТО и ЕС усилили нажим на Армению и подталкивают ее к полному разрыву отношений с ОДКБ, РФ и ЕАЭС. Рассчитывая замирить Ереван и Баку на своих условиях и под своим контролем, подыгрывая при этом пантюркистским настроениям в Турции, Азербайджане и странах ЦА, они поощряют прокладку «Зангезурского коридора» через южную часть Армении. Развитие событий в указанном направлении представляет уже не просто «вызов», а прямую «угрозу» интересам России и многих других евразийских акторов, чреватую полной геополитической перезагрузкой Южного Кавказа и ЦА. Ситуация тревожная. Она требует от Москвы скрупулезного мониторинга и самого решительного противодействия намерениям Запада.

Литература

1. *Косов Г. В., Гукасов А. В.* Международный транспортный коридор «Север — Юг»: переосмысление ландшафта Евразии (кейс Азербайджана) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2019. № 3 (60). С. 212–217.
2. *Kumukov A. M., Luzyanin S. G.* China's Foreign Policy Strategy in the South Caucasus — a Transit Window to Europe? // *Russia In Global Affairs*. 2024. Vol. 22. N 1. P. 176–193.

Об авторе:

Шумилов Михаил Михайлович, профессор кафедры международных отношений Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор исторических наук; mshumilov@mail.ru

References

1. *Kosov G. V., Gukasov A. V.* The international transport corridor “North — South”: rethinking the landscape of Eurasia (the case of Azerbaijan) // *The Caspian region: politics, economics, culture*. 2019. N 3 (60). P. 212–217. (In Russ.)
2. *Kumukov A. M., Luzyanin S. G.* China's Foreign Policy Strategy in the South Caucasus — a transit window to Europe? // *Russia in global Politics*. 2024. Vol. 22. N 1. P. 176–193.

About the author:

Mikhail M. Shumilov, Professor of the Chair of International Relations of North-West Institute of Management, Branch of RANEP (Saint Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (History); mshumilov@mail.ru

Оценка дифференциации регионов в контексте обеспечения экономической безопасности

Ли Мэнда

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики, Санкт-Петербург, Российская Федерация; bboooookk@mail.ru

РЕФЕРАТ

В последние годы проблема экономической безопасности существенно обострилась. Одной из угроз экономической безопасности является чрезмерная дифференциация регионов страны по уровню их социально-экономического развития. Эта дифференциация делает неоднородным экономическое пространство страны. Соответствующая угроза экономической безопасности требует нейтрализации. Ключевой вопрос при этом — выбор метода оценки уровня дифференциации. В статье анализируются методические приемы, используемые для оценки региональной дифференциации. Показано, что они не только различаются, но также могут давать противоречивые результаты при применении. Выявлена необходимость унификации и комплексирования подходов в оценке региональной дифференциации в контексте обеспечения экономической безопасности. Эти рекомендации могут быть учтены при реализации экономической политики как на федеральном, так и на региональном уровне.

Ключевые слова: экономика региона, региональное развитие, экономическая безопасность, дифференциация регионов, угроза экономической безопасности, политика обеспечения экономической безопасности

Для цитирования: Ли Мэнда. Оценка дифференциации регионов в контексте обеспечения экономической безопасности // Управленческое консультирование. 2025. № 1. С. 107–115.

Assessment of the Regions Differentiation in the Context of the Economic Security Ensuring

Li Mengda

Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics, Saint Petersburg, Russian Federation; bboooookk@mail.ru

ABSTRACT

In recent years, the problem of economic security has become significantly more acute. One of the threats to economic security is excessive differentiation of the country's regions by their level of socio-economic development. This differentiation makes the country's economic space heterogeneous. The corresponding threat to economic security requires neutralization. The key issue here is the choice of a method for assessing the level of differentiation. The article analyzes the methodological techniques used to assess regional differentiation. It is shown that they not only differ, but can also give contradictory results when applied. The need for unification and integration of approaches to assessing regional differentiation in the context of ensuring economic security is revealed. These recommendations can be considered when implementing economic policy at both the federal and regional levels.

Keywords: regional economy, regional development, economic security, differentiation of regions, threat to economic security, policy of ensuring economic security

For citing: Li Mengda. Assessment of the Regions Differentiation in the Context of the Economic Security Ensuring // Administrative consulting. 2025. N 1. P. 107–115.

Введение

Экономическая безопасность — одно из фундаментальных свойств любой экономической системы, независимо от ее типа и масштаба. Это обусловлено тем, что недостижение безопасности приводит к разрушению системы и, в конечном счете, к ее исчезновению [14], по крайней мере, в том виде, в котором она существует. Заметим, что хотя в литературе приведено значительное число трактовок экономической безопасности [1; 16], с точки зрения их сущности они сводятся к такому свойству системы, экономическую безопасность которой рассматривают, что позволяет ей сохранять и/или улучшать свои характеристики, несмотря на наличие негативно влияющих на нее факторов (рисков, угроз, вызовов и др.).

Эти негативно влияющие факторы изменяются во времени, что приводит к необходимости проведения постоянного их отслеживания и динамической приоритизации (и реприоритизации). Одним из таких факторов для многих стран является чересчур высокий уровень дифференциации уровней социально-экономического развития входящих в них территорий (регионов) [2; 7; 9; 11]. Это характерно, в частности, для России. В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г. (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208) указано: «К основным вызовам и угрозам экономической безопасности относятся: ...неравномерность пространственного развития Российской Федерации, усиление дифференциации регионов и муниципальных образований по уровню и темпам социально-экономического развития».

В связи с изложенным целью авторского исследования, результаты которого представлены в данной статье, является проведение анализа методических подходов к оценке степени дифференциации социально-экономического развития регионов для последующего использования полученных результатов при формировании систем мониторинга и оценки достигнутого уровня обеспечения экономической безопасности.

Материалы и методы

На сегодняшний день существует множество концептуальных подходов и методических приемов для оценки социально-экономической дифференциации регионов, которые, по мнению автора, подразделяются на ряд направлений. Каждый из подходов обладает своими преимуществами и ограничениями, что обуславливает необходимость их комплексного применения на практике, тем не менее, для такого комплексирования следует уточнить их сущность. В этой связи, разберем известные подходы более детально.

1. Оценка интегральных показателей (индексов, весов).

Этот подход позволяет объединять различные показатели в единую оценку. Он был успешно апробирован в многочисленных исследованиях отечественных авторов [3; 4; 8; 10; 12; 17]. Он, как правило, реализуется в несколько этапов. Методика оценки интегральных показателей предполагает последовательный подход к анализу социально-экономического развития регионов. В первую очередь проводится постановка целей и задач оценки, что позволяет определить направленность анализа. Далее формируется система показателей, отражающих различные аспекты социально-экономического развития региона. Эти показатели могут включать в себя факторы, связанные с экономической эффективностью, благосостоянием населения, бюджетными процессами и социальной сферой.

Важно обеспечить охват всех значимых сфер, но не перегружать исследование избыточностью данных.

При отборе исходной информации особое внимание уделяется ее сопоставимости, что требует нормирования показателей. Используются такие методы, как стан-

дартизация данных или приведение к безразмерной шкале. Это позволяет обеспечить унификацию влияния различных единиц измерения на общий результат. Для расчета интегрального показателя применяются стандартные математические методы, такие как аддитивная или мультипликативная свертка или функция желательности Харрингтона [18].

Назначение весов частных показателей является важным аспектом методики. Для этого могут использоваться как экспертные методы, включая метод анализа иерархий, так и объективные подходы, такие как метод главных компонент, обеспечивающие независимость от субъективных оценок. Процесс завершается ранжированием регионов по интегральным показателям, что позволяет проводить сравнительный анализ и выявлять тенденции их развития. Такой подход обеспечивает всестороннюю оценку, учитывая как текущее состояние регионов, так и их динамику.

2. Кластерный анализ.

Кластеризация заключается в разделении набора данных на группы (кластеры) объектов с похожими характеристиками. Группировка регионов в кластеры на основе сходства экономических и социальных показателей широко распространена [5; 13]. Такой анализ позволяет выявить регионы со схожими характеристиками и различия между ними. Основная цель данного анализа заключается в выявлении такой структуры данных, при которой объекты, относящиеся к одному кластеру, обладают высокой степенью схожести, тогда как объекты из разных кластеров значительно отличаются друг от друга.

Первым этапом кластерного анализа является определение цели и подготовка данных. На этом этапе обозначается цель кластеризации и наиболее значимые для анализа переменные. Отобранные статистические данные подвергаются масштабированию, особенно в случае, если переменные имеют различные единицы измерения или существенно разнятся по масштабу. Следующим ключевым этапом является выбор метода кластеризации. Их довольно много, назовем некоторые, наиболее часто используемые: метод k-средних (k-means) [19], метод k-медоидов (k-medoids) (см.: <https://bigdataschool.ru/blog/k-medoids-for-graph-analysis.html>), алгоритм DBSCAN (Density-Based Spatial Clustering of Applications with Noise) (см.: <https://habr.com/ru/articles/322034>) и др.

Выбор подходящего метода определяется характером данных и специфическими целями анализа. Для оценки степени сходства объектов применяется вычисление расстояний или мер сходства. Наиболее распространенными измерителями являются евклидово расстояние, манхэттенское расстояние и косинусное сходство, которые помогают определить степень схожести между объектами.

3. Факторный анализ.

Данный многомерный метод предполагает, что известные переменные зависят от меньшего числа неизвестных факторов и случайной ошибки. Он используется для анализа взаимосвязей между значениями переменных, что позволяет выявлять скрытые факторы, влияющие на социально-экономическую дифференциацию регионов [15].

Факторный анализ способен всесторонне дать описание измеряемого объекта. Этот подход позволяет раскрыть скрытые переменные или факторы, которые объясняют наличие линейных статистических корреляций между наблюдаемыми переменными. Путем редукции размерности многомерного пространства факторный анализ способствует упрощению сложных наборов данных, что облегчает их интерпретацию и визуализацию, сохраняя при этом сущность и структуру исходной информации. Благодаря этому факторный анализ не только улучшает понимание сложных взаимосвязей, но и способствует выявлению основополагающих динамик, которые обуславливают наблюдаемые феномены в исследуемых системах.

При проведении анализа объединяются сильно коррелирующие переменные в один фактор, что приводит к перераспределению дисперсии между компонентами и формированию максимально простой и четкой структуры факторов. В результате корреляция компонентов внутри каждого фактора становится выше, чем с компонентами из других факторов. Этот процесс позволяет выявлять латентные переменные.

4. Методы, основанные на применении ГИС-технологий.

Использование геоинформационных систем (ГИС) для пространственного анализа данных позволяет визуализировать социально-экономическую дифференциацию на картах. ГИС интегрирует цифровые представления пространственных объектов и включает программное, аппаратное и организационное обеспечение. В отличие от простых автоматизированных систем, ГИС используют продвинутые технологии пространственного анализа, что усиливает их роль в управлении, в том числе при оценке уровня дифференциации развития территорий.

ГИС сочетают в себе элементы автоматизированного проектирования и различных справочно-информационных систем, включая картографические и кадастровые технологии. ГИС также интегрируют базы данных и экспертные системы, что повышает качество решения экспертных задач оценивания. Также ГИС применяют моделирование для решения специализированных проектных задач и отличаются высокой наглядностью и мультимедийными возможностями, позволяя задействовать данные в различных масштабах и форматах.

5. Применение социальных индексов.

Оценка качества жизни, уровня бедности, развития здравоохранения и образования как индикаторов социально-экономического состояния регионов активно проводится с использованием данного подхода. Первым шагом является идентификация показателей, которые будут релевантны для оценки социальных и экономических аспектов жизни (показатели, связанные со здоровьем, образованием, занятостью, уровнем бедности и доступом к социальным услугам и др.). Далее статистические показатели приводят к единой шкале безразмерных чисел, обеспечивая сравнимость.

После масштабирования получают интегральные индексы, в рамках которых различные показатели комбинируются с применением методов агрегирования. Это может быть взвешенная сумма или метод главных компонент. Веса, которые присваиваются каждому индикатору, зачастую определяются экспертно, что позволяет учесть значимость каждого аспекта в общей оценке социально-экономического состояния.

6. Индекс Джини.

Использование этого индекса применяется для оценки неравенства в распределении доходов или других ресурсов среди населения регионов. Индекс Джини — это статистический показатель, у которого значение варьируется от 0 до 1, где 0 обозначает полное равенство (все члены группы имеют одинаковые доходы), а 1 — максимальное неравенство (весь доход сосредоточен в руках одного человека) (см.: <https://habr.com/ru/companies/ods/articles/350440>). Так, на 2022 г. коэффициент Джини по Российской Федерации составляет 0,408, что указывает на ощутимый уровень социально-экономического неравенства.

Расчет индекса обычно осуществляется на основе кривой Лоренца, представляющей собой графическое изображение накопленного распределения доходов. Процедура включает в себя упорядочивание населения по уровню дохода и вычисление площади между кривой Лоренца и линией абсолютного равенства. Индекс Джини можно определить как отношение площади между линией абсолютного равенства и кривой Лоренца к общей площади под линией абсолютного равенства.

Индекс Джини широко используется для сравнений неравенства как во времени, так и между различными географическими областями. В социально-экономических исследованиях он помогает выявить тенденции в распределении богатства и оценить влияние экономической политики или социальных программ. Более высокий индекс Джини указывает на большее неравенство и, как правило, приводит к негативным политическим и экономическим последствиям, таким, как социальное недовольство или рост напряженности.

7. Метод экспертных оценок.

Вовлечение экспертов для оценки социально-экономической ситуации в регионах весьма распространено на практике. Они могут учитывать неформальные и качественные аспекты, которые трудно измерить количественно. Этот метод основывается на привлечении экспертов, обладающих глубокими знаниями и опытом в рассматриваемой области, для предоставления оценок и заключений, которые сложно получить исключительно количественными методами.

Преимущество метода заключается в возможности учитывать широкий спектр неформальных и качественных аспектов, включающих местные особенности, культурные факторы и уникальные условия, присущие каждому региону. Эксперты могут интегрировать свои знания и интуицию с данными, которые могут быть неполными или слабо структурированными.

Экспертный метод тесно связан со сравнительным анализом. Сравнение социально-экономических показателей между регионами для выявления относительных различий помогает определить регионы-лидеры и регионы-аутсайдеры. Благодаря такому сравнению становится возможным получить всестороннее представление о социально-экономическом состоянии каждого региона, идентифицировать как региональные преимущества, так и проблемные зоны.

8. Метод международных сопоставлений.

Сопоставление показателей регионов с международными стандартами и нормами производится для оценки их конкурентоспособности на глобальном уровне. Метод включает в себя сравнение полученных индикаторов с международными стандартами, что обеспечивает возможность сопоставления показателей регионального развития с некоторыми международно признанными нормами. В процессе анализа для корректного сравнения проводится адаптация региональных данных к международным требованиям (см.: <https://www.gostinfo.ru/pages/Maintask/international>).

9. Регрессионный анализ.

Этот метод помогает выявить причинно-следственные связи, он фокусируется на изучении факторов, влияющих на социально-экономическую дифференциацию. С помощью регрессионных моделей можно определить степень влияния различных переменных на ключевые показатели, что позволяет выявлять причинно-следственные связи между ними.

Такие модели помогают понять, какие факторы оказывают наибольшее воздействие на развитие регионов, и прогнозировать изменения на основе выявленных закономерностей. Использование статистических методов в этом контексте способствует более глубокому пониманию структуры данных и отношений между переменными, что является важным шагом в разработке стратегий для уменьшения дисбалансов и усиления конкурентоспособности регионов.

10. Применение эконометрических моделей.

Данный метод сосредоточен на разработке и использовании эконометрических моделей для анализа воздействия различных факторов на экономические показатели регионов. Эконометрические модели позволяют интегрировать большое количество переменных и оценивать их влияние на экономическое развитие, обеспечивая более точное понимание сложных процессов, происходящих в региональной экономике.

С помощью этих моделей можно разрабатывать сценарии на основе изменения определенных условий, что помогает в прогнозировании и формулировании экономической политики. Их применение способствует более детальному анализу влияния внутренних и внешних факторов на развитие региона, что является важным инструментом для принятия обоснованных решений.

11. Анализ временных рядов.

Изучение изменений социально-экономических показателей регионов в данном случае производится во времени для выявления тенденций и циклических изменений. Этот метод заключается в исследовании изменений социально-экономических показателей регионов на протяжении довольно длительных промежутков времени с целью выявления тенденций и циклических изменений.

Анализ временных рядов позволяет обнаруживать паттерны, такие как сезонные колебания, долгосрочные тренды и циклы развития, что способствует более глубокому пониманию динамики развития региона. Используя такие техники, как декомпозиция временных рядов, анализ трендов и стационарность, возможно предсказывать будущие изменения и адаптировать региональную политику в соответствии с этими прогнозами.

Результаты и обсуждение

Нами рассмотрено значительное число методов оценки дифференциации развития регионов. Каждый из них обладает своими ограничениями и наиболее целесообразными условиями применения. Опора на различные исходные данные, особенно с учетом их доступности, и способы их обработки оказывают влияние на применимость этих методов на практике. В этой связи для оценки региональной дифференциации в интересах выявления достигнутого уровня экономической безопасности могут применяться различные методы, результаты которых не всегда сопоставимы.

Итогом такой несопоставимости является то, что состояние экономической безопасности при применении различных методов будет также оцениваться по-разному, следствием чего является неопределенность в вопросе необходимости вмешательства органов управления и реализации ими мер по восстановлению желательного уровня экономической безопасности. Также проблему составляет то, что для использования различных методов не заданы пороговые значения экономической безопасности, которые позволяли бы оценивать степень ее достижения.

Рассмотренные выше методы оценки дифференциации основаны на различных данных, которые не всегда доступны для проведения мониторинга. А в тех случаях, когда они доступны (например, при использовании экспертного метода оценивания), могут возникать сомнения в уровне их достоверности. Это означает, что есть необходимость в выделении тех показателей, которые доступны для объективного статистического наблюдения, после чего следует произвести модификацию официально используемых для статистического наблюдения в Российской Федерации индикаторов.

Заключение

Таким образом, такой фактор-угроза экономической безопасности, как чрезмерная дифференциация регионального развития, существенно влияющий на уровень экономической безопасности крупных по площади государств (России, Китая и др.), требует мониторинга и систематической оценки. Для этого имеется необходимая методическая база. Но она не обладает свойством системного единства. Различ-

ные методы оценки дифференциации социально-экономического развития регионов не только не имеют между собой связи, но и могут давать при их применении противоречивые результаты. Это означает, что необходимо выявление и нормативное закрепление того подхода, который будет использован на практике для оценки региональной дифференциации в контексте достижения экономической безопасности.

Направлениями дальнейшего развития результатов исследования, представленных в статье, являются, по мнению автора, следующие: обоснование порядка проведения мониторинга региональной дифференциации и разработка модели обобщения его результатов для принятия решений по корректировке политики экономической безопасности; разработка системы показателей территориальной дифференциации, обладающих преемственностью в применении на муниципальном, региональном и макрорегиональном (федеральные округа) уровнях, базирующихся на единой системе статистических индикаторов.

Литература

1. *Васильева Л. П.* Экономическая безопасность: определения и сущность // Журнал прикладных исследований. 2020. № 3. С. 6–13.
2. *Вертакова Ю. В., Клевцова М. Г., Положенцева Ю. С., Некипелова А. С.* Дифференциация регионов в соответствии с фазами развития: модифицированная методика оценки структурного цикла // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2015. № 3. С. 15–19.
3. *Кислицина В. В., Чеглакова Л. С., Караулов В. М., Чикишева А. Н.* Формирование комплексного подхода к оценке социально-экономического развития регионов // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 2. С. 369–380.
4. *Клюшников Е. В., Шитова Е. М.* Методические подходы к расчету интегрального показателя, методы ранжирования // ИнноЦентр. 2016. № 1(10). С. 5.
5. *Кузнецов Д. Ю., Трошина Т. Л.* Кластерный анализ и его применение // Ярославский педагогический вестник. 2006. № 4. С. 103–107.
6. *Купер К.* Индивидуальные различия. М. : Аспект Пресс, 2000. 527 с.
7. *Ли М.* Региональная дифференциация и ее связь с экономической безопасностью // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2023. № 3(57). С. 9–13.
8. *Логинов К. К.* Вычисление весовых коэффициентов в интегральном индексе экономической безопасности региона на примере Омской области // Наука о человеке: гуманитарные исследования. 2020. № 1. С. 186–194.
9. *Лю Яи.* Методы оценки дифференциации регионального экономического развития // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 2. С. 10–14.
10. Мониторинг доходов и уровня жизни населения России / В. Н. Бобков [и др.] М. : Фабрика офсетной печати, 2019. 98 с.
11. *Мороз Н. А., Плотников В. А.* Дифференциация российского экономического пространства как фактор обеспечения экономической безопасности // Экономика и управление. 2018. № 1(147). С. 70–78.
12. *Нижегородцев Р. М., Пискун Е. И., Кудревич В. В.* Прогнозирование показателей социально-экономического развития региона // Экономика региона. 2017. Т. 13. № 1. С. 38–48.
13. *Пискун Е. И., Хохлов В. В.* Экономическое развитие регионов Российской Федерации. Факторно-кластерный анализ // Экономика региона. 2019. Т. 15. № 2. С. 363–376.
14. *Плотников В. А.* Концептуальные основы экономического обеспечения военной безопасности государства : дис. ... д-ра экон. наук. СПб. : Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов, 2005. 408 с.
15. Факторный, дискриминантный и кластерный анализ / под ред. И. С. Енюкова. М. : Финансы и статистика, 1989. 215 с.
16. *Шиндикова И. Г.* Анализ подходов к определению категории «экономическая безопасность» // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2020. № 2(44). С. 24–27.

17. Шуметов В. Г. О преобразовании социально-экономических показателей в безразмерные индексы в задачах математического моделирования // Среднерусский вестник общественных наук. 2014. № 4(34). С. 102–111.
18. Harrington E. C. The Desirable Function // *Industrial Quality Control*. 1965. Vol. 21(10). P. 494–498.
19. MacQueen J. Some methods for classification and analysis of multivariate observations // *Proc. 5th Berkeley Symp. on Math. Statistics and Probability*. 1967. P. 281–297.

Об авторе:

Ли Мэнда, аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики (Санкт-Петербург, Российская Федерация); bboooook@mail.ru

References

1. Vasilyeva L.P. Economic security: definitions and essence // *Journal of Applied Research [Zhurnal prikladny'x issledovaniy]*. 2020. N 3. P. 6–13. (In Russ.)
2. Vertakova Yu.V., Klevtsova M.G., Polozhentseva Yu.S., Nekipelova A.S. Differentiation of regions in accordance with development phases: a modified methodology for assessing the structural cycle // *Bulletin of the Saint Petersburg State University of Economics [Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo e'konomicheskogo universiteta]*. 2015. N 3. P. 15–19. (In Russ.)
3. Kisilitsina V.V., Cheglakova L.S., Karaulov V.M., Chikisheva A.N. Formation of an integrated approach to assessing the socio-economic development of regions // *Economy of the region [E'konomika regiona]*. 2017. Vol. 13. N 2. P. 369–380. (In Russ.)
4. Klyushnikova E.V., Shitova E.M. Methodological approaches to calculating the integral indicator, ranking methods // *InnoCenter [InnoCentr]*. 2016. N 1(10). P. 5. (In Russ.)
5. Kuznetsov D. Yu., Troshina T.L. Cluster analysis and its application // *Yaroslavl pedagogical bulletin [Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik]*. 2006. N 4. P. 103–107. (In Russ.)
6. Cooper K. Individual differences. Moscow : Aspect Press, 2000. 527 p. (In Russ.)
7. Lee M. Regional differentiation and its connection with economic security // *Theory and practice of service: economics, social sphere, technology [Teoriya i praktika servisa: e'konomika, social'naya sfera, texnologii]*. 2023. N 3(57). P. 9–13. (In Russ.)
8. Loginov K.K. Calculation of weighting coefficients in the integral index of economic security of a region using the example of the Omsk region // *Science of Man: Humanitarian Research [Nauka o cheloveke: gumanitarny'e issledovaniya]*. 2020. N 1. P. 186–194. (In Russ.)
9. Liu Yayi. Methods for Assessing the Differentiation of Regional Economic Development // *Theory and Practice of Service: Economics, Social Sphere, Technology [Teoriya i praktika servisa: e'konomika, social'naya sfera, texnologii]*. 2022. N 2. P. 10–14. (In Russ.)
10. Monitoring the Income and Standards of Living of the Population of Russia / V.N. Bobkov, A. A. Gulyugina, I. B. Kolmakov, E. V. Odintsova, E. A. Chernykh. Moscow, 2019. 98 p. (In Russ.)
11. Moroz N. A., Plotnikov V.A. Differentiation of the Russian Economic Space as a Factor in Ensuring Economic Security // *Economy and Management [E'konomika i upravlenie]*. 2018. N 1(147). P. 70–78. (In Russ.)
12. Nizhegorodtsev R. M., Piskun E. I., Kudrevich V.V. Forecasting the indicators of socio-economic development of the region // *Economy of the region [E'konomika regiona]*. 2017. Vol. 13. N 1. P. 38–48. (In Russ.)
13. Piskun E. I., Khokhlov V.V. Economic development of the regions of the Russian Federation. Factor-cluster analysis // *Economy of the region [E'konomika regiona]*. 2019. Vol. 15. N 2. P. 363–376. (In Russ.)
14. Plotnikov V.A. Conceptual foundations of economic support for the military security of the state: dissertation for the degree of Doctor of Economics / Saint Petersburg State University of Economics and Finance. Saint Petersburg, 2005. 408 p. (In Russ.)
15. Factor, discriminant and cluster analysis / ed. by I. S. Enyukov. Moscow : Finance and Statistics, 1989. 215 p. (In Russ.)
16. Shindikova I.G. Analysis of approaches to defining the category of “economic security” // *Theory and practice of service: economics, social sphere, technology*. 2020. N 2(44). P. 24–27. (In Russ.)
17. Shumetov V.G. On the transformation of socio-economic indicators into dimensionless indices in problems of mathematical modeling // *Central Russian Bulletin of Social Sciences [Teoriya*

- i praktika servisa: e`konomika, social'naya sfera, texnologii]. 2014. N 4(34). P. 102–111. (In Russ.)
18. Harrington E. C. The Desirable Function // Industrial Quality Control. 1965. Vol. 21(10). P. 494–498.
19. MacQueen J. Some methods for classification and analysis of multivariate observations // Proc. 5th Berkeley Symp. on Math. Statistics and Probability. 1967. P. 281–297.

About the author:

Li Mengda, graduate student of Saint Petersburg University of Management Technologies and Economics (Saint Petersburg, Russian Federation); bboooookk@mail.ru

Оценка перспектив развития региона на основе концепции устойчивого развития

Бородин С. Н.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; borodin.semensochi@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Вопросы перспективного развития регионов России не теряют свою актуальность, как с теоретической, так и с практической точки зрения. Одним из важных вопросов региональной экономики, стоящим на повестке, остается вопрос устойчивого развития региональных социально-экономических систем. На сегодняшний день остаются нерешенные вопросы по формированию комплексной методики оценки перспектив развития региона с позиции его устойчивого развития. Целью статьи является разработка методики оценки перспектив развития региона на основе концепции устойчивого развития, реализованной в виде блок-схемы. Для реализации поставленной цели были определены следующие задачи: провести обзор исследований в области оценки перспектив развития региона, выявить оптимальный набор методов и инструментов оценки перспектив развития региона, дифференцированный по компонентам устойчивого развития, сформулировать определение инструментов и методов оценки перспектив развития региона, сформулировать определение оценки перспектив развития региона. Предметом исследования выступают инструменты и методы оценки перспектив развития региона. В ходе анализа научной литературы было установлено, что оценка перспектив развития региона осуществляется путем выполнения шести шагов: отбор индикаторов развития региона, ретроспективный анализ, прогнозирование, оценка перспектив, формирование мер корректирующего воздействия, разработка стратегии социально-экономического развития. На основании обзора научной литературы были сформулированы определения прогнозирования социально-экономического развития, оценки перспектив развития региона. В рамках сравнения содержаний понятий «прогнозирование» и «оценка перспектив» развития региона установлены общие характеристики и разность между этими понятиями, которая заключается в самой цели проведения той или иной процедуры. В статье было дано определение инструментов и методов оценки перспектив развития региона с позиции теории государственного управления и теории социально-экономических систем. Определено различие между этими понятиями. В ходе составления схемы оценки перспектив развития региона были описаны предлагаемые для использования исследовательские инструменты и методы оценки перспектив, а также сформулирован ожидаемый результат в рамках выполнения каждого шага алгоритма по комплексной оценке перспектив развития региона на основе концепции устойчивого развития. Предложена комплексная схема оценки перспектив развития региона, которая включает в себя анализ внешних и внутренних условий, влияющих на устойчивое развитие региона, оценку перспектив развития по трем компонентам устойчивого развития, а также комплексную оценку перспектив развития с применением интегрального индекса устойчивого развития, который позволяет в целом оценить устойчивое развитие региона. Предложенная схема нивелирует недостатки существующих методик оценки перспектив развития региона.

Ключевые слова: прогнозирование развития региона, инструменты и методы оценки перспектив развития региона, устойчивое развитие, схема оценки перспектив развития региона, региональная социально-экономическая система

Для цитирования: Бородин С. Н. Оценка перспектив развития региона на основе концепции устойчивого развития // Управленческое консультирование. 2025. № 1. С. 116–129.

Assessment of the Prospects for the Development of the Region Based on the Concept of Sustainable Development

Semen N. Borodin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; borodin.semensochi@yandex.ru

ABSTRACT

The issues of long-term development of Russian regions do not lose their relevance, both from a theoretical and practical point of view. One of the important issues of the regional economy on the agenda remains the issue of sustainable development of regional socio-economic systems. To date, there are unresolved issues on the formation of a comprehensive methodology for assessing the prospects for the development of the region from the perspective of its sustainable development. The purpose of the article is to develop a methodology for assessing the prospects for the development of the region based on the concept of sustainable development, implemented in the form of a flowchart. To achieve this goal, the following tasks were identified: to review research in the field of assessing the prospects for the development of the region, to identify the optimal set of methods and tools for assessing the prospects for the development of the region, differentiated by components of sustainable development, to formulate a definition of tools and methods for assessing the prospects for the development of the region, to formulate a definition of assessing the prospects for the development of the region. The subject of the research are tools and methods for assessing the prospects for the development of the region. During the analysis of the scientific literature, it was found that the assessment of the prospects for the development of the region is carried out by performing 6 steps: selection of indicators for the development of the region, retrospective analysis, forecasting, assessment of prospects, formation of corrective measures, development of a strategy for socio-economic development. Based on the review of scientific literature, definitions of forecasting socio-economic development and assessing the prospects for the development of the region were formulated. As part of the comparison of the contents of the concepts of «forecasting» and «assessment of prospects» for the development of the region, common characteristics and the difference between these concepts are established, which lies in the very purpose of carrying out a particular procedure. The article defines the tools and methods for assessing the prospects for the development of the region from the perspective of the theory of public administration and the theory of socio-economic systems. The difference between these concepts is defined. During the preparation of the scheme for assessing the prospects for the development of the region, the proposed research tools and methods for assessing prospects were described, as well as the expected result was formulated within the framework of each step of the algorithm for a comprehensive assessment of the prospects for the development of the region based on the concept of sustainable development. A comprehensive scheme for assessing the prospects for the development of the region is proposed, which includes an analysis of external and internal conditions affecting the sustainable development of the region, an assessment of development prospects for three components of sustainable development, as well as a comprehensive assessment of development prospects using the integral index of sustainable development, which allows to assess the overall sustainable development of the region. The proposed scheme eliminates the shortcomings of existing methods for assessing the prospects for the development of the region.

Keywords: forecasting the development of the region, tools and methods for assessing the prospects for the development of the region, sustainable development, development prospects assessment scheme, regional socio-economic system

For citing: Borodin S. N. Assessment of the Prospects for the Development of the Region Based on the Concept of Sustainable Development // Administrative consulting. 2025. N 1. P. 116–129.

Введение

Вопросы перспективного развития регионов России не теряют свою актуальность, как с теоретической, так и с практической точки зрения. Одним из важных вопро-

сов региональной экономики, стоящим на повестке, остается вопрос устойчивого развития региональных социально-экономических систем. Как было отмечено И. Р. Кормановской, исследование современных взглядов пространственного развития территорий в рамках концепции устойчивого развития позволяет выделить два основных направления исследований устойчивости территорий: разработка общей теории устойчивого развития и устойчивости; методология региональной политики, направленной на обеспечение долгосрочного сбалансированного развития [8]. На сегодняшний день можно отметить, что по направлению исследований в области оценки перспектив регионального устойчивого развития остается актуальным вопрос формирования комплексной методики оценки перспектив развития региона [2]. Оценка перспектив развития региона выполняет функцию идентификации слабых и сильных сторон достигнутого и перспективного уровня социально-экономического развития региона. Проведенная оценка перспектив развития региона в рамках его отдельных подсистем и в разрезе административно-территориальных образований служит основой для формирования и/или корректировки стратегии социально-экономического развития и плана ее реализации. При этом, как отмечают исследователи в современных стратегиях социально-экономического развития регионов, недостаточное внимание уделяется параметрам устойчивости, не хватает элементов устойчивого развития, в особенности в части установления главных целей стратегии [6]. Оценка перспектив в данном случае помогает спрогнозировать возможности развития региональных социально-экономических систем, учитывая все риски [11]. Вместе с тем в рамках изучения теории устойчивого развития недостаточное внимание уделено вопросу прогнозирования устойчивого развития и включению результатов прогнозирования в документы стратегического планирования [9]. Кроме того, недостаточное внимание уделено оценке и прогнозированию динамики социально-экономического развития муниципальных образований региона, оценке их вклада в устойчивое развитие региона в текущем и прогнозном периоде и повышению точности таких прогнозов. В подобных исследованиях регион рассматривается как минимальная социально-экономическая система, обладающая определенным уровнем экономического развития, природным, производственным, демографическим потенциалом. Оценка развития осуществляется «сверху-вниз» на основе специализации региона согласно стратегии пространственного развития Российской Федерации. Такой подход нельзя назвать комплексным, так как он не позволяет прогнозировать и идентифицировать угрозы развития внутри региона и, как следствие, своевременно выработать комплекс мер, направленных на их нивелирование. Предлагаемый подход еще не нашел свое отражение в работах отечественных ученых, что обуславливает актуальность его разработки и распространения. Нерешенность ряда проблем в области изучения вопроса оценки перспектив устойчивого развития региональных социально-экономических систем определила цель статьи.

Обзор исследований в области оценки перспектив развития региона

В российской исследовательской практике сложился определенный алгоритм оценки перспектив развития социально-экономических систем, который в упрощенном порядке можно описать следующим образом:

- 1) разработка и отбор индикаторов развития региона;
- 2) ретроспективный анализ;
- 3) прогнозирование состояния социально-экономических систем;
- 4) определение перспектив развития по подсистемам социально-экономической системы региона;

5) формулирование мер корректирующего воздействия, разработка стратегии социально-экономического развития.

Необходимость разработки и отбора индикаторов обуславливается отсутствием общепринятой точки зрения относительно факторов развития региона и особенностями объекта исследования. Для одного региона один индикатор может не влиять на социально-экономическое развитие, в то время как в другом регионе этот индикатор будет играть значительную роль. О. А. Киселева предлагает оценивать перспективу развития региона с помощью анализа следующих подсистем: экономическая (производственная), инновационная, экологическая, непродовольственная, социальная, финансовая [7]. Р. В. Фаттахов группирует показатели в финансово-экономический, социальный и экологический блоки [15]. В целом стоит отметить, что группировка индикаторов устойчивого развития обычно осуществляется в рамках трех составляющих устойчивого развития.

С теоретической точки зрения важно различать технологию (процесс) прогнозирования развития региона и оценку перспектив развития региона. Общее между этими технологиями то, что в рамках прогнозирования можно задавать сценарные условия, определять параметры, при которых возможно достижение прогнозируемого значения исследуемого показателя, и устанавливать объективные пределы изменения значений показателей в прогнозном периоде. Прогнозирование, так же, как и оценка перспектив развития, всегда опирается на ретроспективную базу. Однако все равно прогнозирование является лишь одним из этапов оценки перспектив регионального развития.

В региональной экономике под прогнозированием социально-экономического развития региона понимается деятельность, направленная на предвидение будущего состояния экономики и социальной сферы, которая является составной частью государственного регулирования экономики, призванная определять направления развития регионального комплекса и его структурных составляющих [1].

Под оценкой перспектив социально-экономического развития региона понимается процесс оценки текущего и перспективного состояния социально-экономической системы региона, направленный на идентификацию и прогнозирование рисков, угроз, возможностей и потенциала развития социально-экономической системы региона, проводимый с помощью различных инструментов и методов анализа и прогнозирования индикаторов развития с целью разработки или корректировки модели развития, обеспечивающей преодоление негативных тенденций и максимального использования возможностей и реализацию имеющегося потенциала.

Таким образом, принципиальная разница между прогнозированием и оценкой перспектив состоит в том, что целью прогнозирования является наиболее точное определение будущего состояния развития социально-экономической системы при определенных сценарных условиях. А целями оценки перспектив развития является ответ на исследовательский вопрос и предоставление аналитической информации для принятия оптимального набора решений или стратегии развития, в которой минимизируются негативные влияния и угрозы, максимизируются сильные стороны и возможности.

С точки зрения управления устойчивым развитием региона оценка перспектив служит инструментом для формирования управленческих решений, стратегии социально-экономического развития, государственных программ. Предлагаемый термин соотносится с международной практикой. По мнению Дж. Д. Сакса и Ф. Б. Ларсена, органы государственной власти должны выбрать конечные цели экономической политики, что обычно делается в терминах максимизации функции общественного благосостояния. Далее, используя функцию общественного благосостояния, они определяют целевые показатели, к достижению которых стремятся. Во-вторых, при формировании стратегии и плана реализации составители должны оценить, какими

инструментами, ресурсами они располагают. В-третьих, они должны иметь в своем распоряжении модель экономики, связывающую целевые показатели и инструменты их достижения, что позволит выбрать оптимальный масштаб применяемых мер [14].

Методика оценки перспектив развития региона на основе концепции устойчивого развития

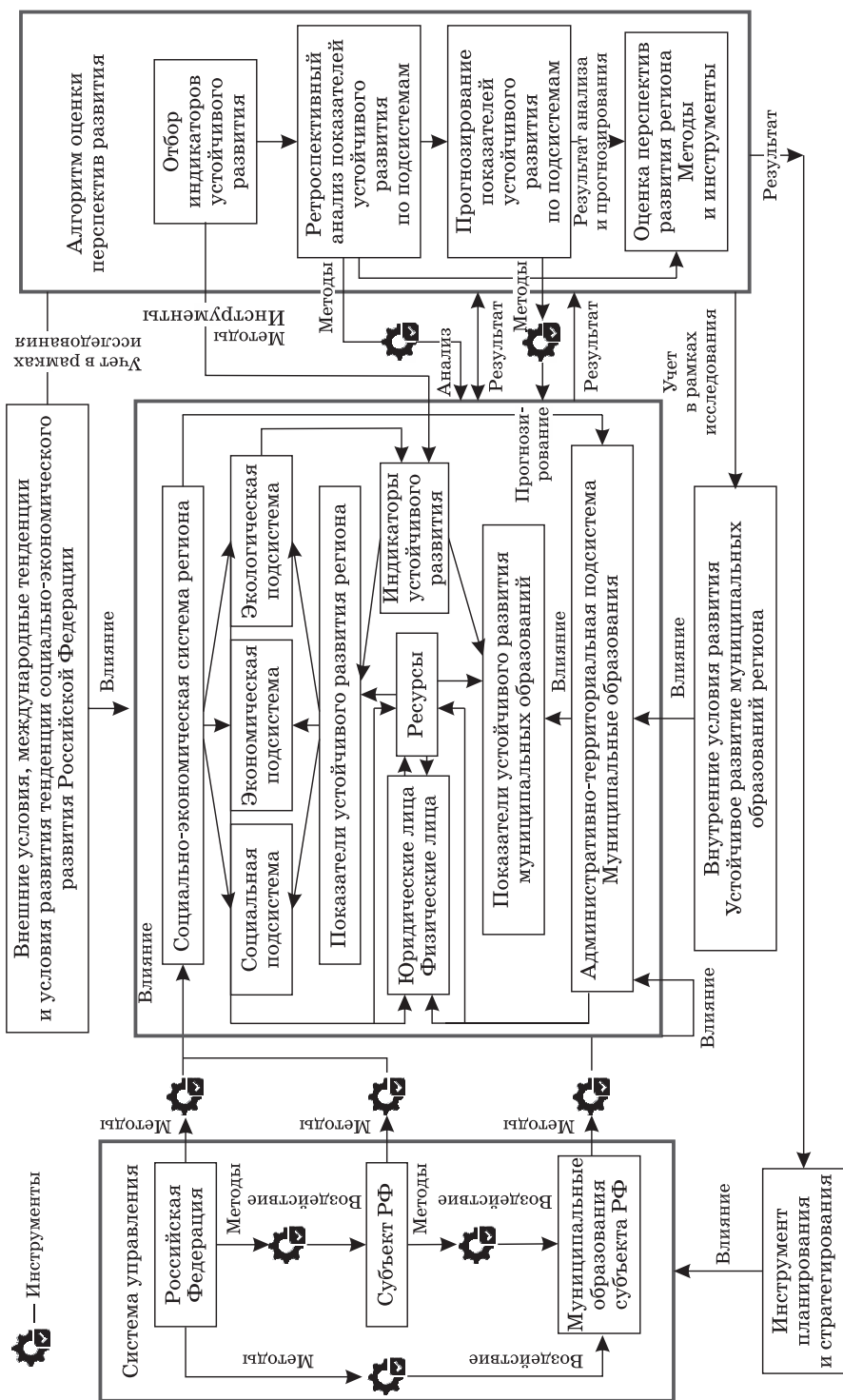
В рамках обзора российских исследований, в которых предлагаются концептуальные схемы оценки перспектив развития региона, либо модели социально-экономического развития, были рассмотрены работы Н. Ю. Сорокиной [13], А. С. Горького [5], П. П. Холодова [16], Ю. К. Машунина [10], М. А. Шаталова [17]. По итогам анализа установлены недостатки существующих алгоритмов, описанные во введении. На основе анализа научной литературы, триединого подхода к устойчивому развитию социально-экономических систем была сформирована концептуальная схема оценки перспектив развития региона на основе концепции устойчивого развития, представленная на рисунке.

На основе анализа рисунка видно, что на социально-экономическое развитие региона влияют внешние и внутренние условия. К внешним факторам относят тенденции развития мировой экономики, внешнюю торговлю, тенденции социально-экономического развития Российской Федерации. К внутренним факторам предлагается относить тенденции социально-экономического развития муниципальных образований региона. Как подчеркивают некоторые исследователи, наибольшая эффективность функционирования региона достигается при налаженных взаимоотношениях между уровнями власти в рамках матричной системы управления. Такой подход позволяет нивелировать недостатки структурно-функциональной модели управления и позволяет взаимоувязывать отраслевые и территориальные программы развития [4]. Подобный подход еще не нашел широкого распространение в исследовательской практике, однако, это скорее является недостатком нежели преимуществом. Исследование и формирование стратегии социально-экономического развития на основе межрегионального анализа и оценки потенциала расширения экономической специализации конечно важны, но не маловажным фактором, влияющим на устойчивое развитие региона, является социально-экономическое развитие муниципальных образований региона в части наличия у них трудовых, инфраструктурных, природно-климатических и иных ресурсов, возможности развития локальных рынков по секторам экономики, уровень развития социальной инфраструктуры, показатели качества жизни [3]. Как видно из рисунка, на социально-экономическую систему региона по-разному влияет система управления в зависимости от своих полномочий с помощью определенных методов и инструментов.

Согласно общепринятой точки зрения под методом государственного управления понимается совокупность правовых средств или способов осуществления регулирующего воздействия права на общественные отношения и их участников [12]. То есть в данном случае законы, нормативно-правовые акты, методические рекомендации по составлению прогнозов развития региона являются методами оценки перспектив развития региона. А инструментами являются информационные ресурсы и статистические данные, бюджетные средства, полномочия, механизм государственных закупок, мероприятия государственных программ.

Согласно предложенной схеме оценка перспектив развития происходит в пять этапов. На первом этапе отбираются индикаторы устойчивого развития, которые впоследствии группируются в тематические блоки. Затем в рамках ретроспективного анализа и прогнозирования исследуются четыре подсистемы региона: социальная, экономическая, экологическая и административно-территориальная по ото-

Концептуальная схема оценки перспектив развития региона на основе концепции устойчивого развития
 Conceptual scheme for assessing the prospects for the development of the region based on the concept of sustainable development

бранным индикаторам с помощью различных методов и инструментов. Так как административно-территориальная подсистема представляет собой совокупность муниципальных образований региона, то в рамках оценки перспектив развития региона по этой компоненте исследуются практически те же самые показатели, которые анализируются в социальной, экономической компоненте. Единственное отличие в том, что они детализированы на уровень муниципальных образований и в том, что для анализа устойчивого развития муниципальных образований по экологической компоненте используются другие, доступные для анализа данные по показателям, на которые муниципальные образования могут повлиять. На основе проведенного анализа комплексно оценивается устойчивое развитие региона на основе индексного метода, делаются выводы о текущем и перспективном состоянии социально-экономической системы региона. Результат оценки перспектив используется системой управления для формирования стратегии социально-экономического развития региона, государственных программ.

В свою очередь непосредственно сама оценка перспектив с исследовательской точки зрения также осуществляется с помощью определенных методов и инструментов. Под методом понимается сформированный последовательный алгоритм действий, направленный на достижение поставленной цели, например, метод кластерного анализа или регрессионного анализа. При этом метод подчиняется выбранной методологии и включает в себя набор инструментов своей реализации. Под инструментом понимается объект или субъект, выполняющий поставленную исследователем задачу в рамках четко прописанной последовательности действий, составляющих методику, являющийся средством достижения цели и средством воздействия на объект исследования. Инструментом может быть оборудование, механизм, программа, человек (интервьюер), деньги, нормативно-правовые акты, база данных и т. д. То есть инструмент — составляющая часть метода. Выбор методов и инструментов оценки перспектив развития региона зависит от исследователя. В рамках разработанной схемы оценки перспектив развития региона предлагается следующий набор методов и инструментов, описанный в таблице.

Выводы и заключение

Таким образом, в рамках данной статьи была рассмотрена современная отечественная исследовательская практика по оценке перспектив развития региона. В ходе анализа научной литературы было установлено, что оценка перспектив развития региона осуществляется путем выполнения шести шагов: отбор индикаторов развития региона, ретроспективный анализ, прогнозирование, оценка перспектив, формирование мер корректирующего воздействия, разработка стратегии социально-экономического развития. На основании обзора научной литературы были сформулированы определения прогнозирования социально-экономического развития, оценки перспектив развития региона. Так, под оценкой перспектив развития региона предложено понимать процесс оценки текущего и перспективного состояния социально-экономической системы региона, направленный на идентификацию и прогнозирование рисков, угроз, возможностей и потенциала развития социально-экономической системы региона, проводимый с помощью различных инструментов и методов анализа и прогнозирования индикаторов развития с целью разработки или корректировки модели развития, обеспечивающей преодоление негативных тенденций и максимального использования возможностей и реализацию имеющегося потенциала. В рамках сравнения содержания понятий «прогнозирование» и «оценка перспектив» развития региона установлены общие характеристики и разность между этими понятиями, которая заключается в самой цели проведения той или иной процедуры.

Инструменты и методы оценки перспектив развития региона
Tools and methods for assessing the prospects for the development of the region

Алгоритм оценки перспектив развития региона	Объект исследования	Методы оценки	Инструменты оценки	Результат
Отбор индикаторов	Совокупность индикаторов	Факторный анализ, корреляционный анализ, анализ научной и нормативно-правовой базы	Программные средства, источники информации об концепции устойчивого развития, показатели, характеризующих устойчивое развитие	Набор индикаторов устойчивого развития, сгруппированный по тематическим блокам
Ретроспективный анализ				
Социальная компонента	Демографическая структура региона, рынок труда: баланс трудовых ресурсов, потребность в кадрах, показатели качества жизни	Демографический анализ, социологические методы сбора информации, сравнительный статистический анализ, методы моделирования, корреляционно-регрессионный анализ	Источники данных, пологовозрастные таблицы, таблицы баланса трудовых ресурсов, матрица кадровой потребности, математические методы, нормативные методы, балансовые методы, методы моделирования, программные средства	Определение пологовозрастной структуры населения, выявление тенденций рождаемости, смертности, миграции, определение текущей потребности в социальных учреждениях, выявление тенденций и структуры рынка труда, определение потребности в кадрах, расчет текущего дефицита кадров, определение качества жизни населения и факторов, повлиявших на установление текущего качества жизни
Экономическая компонента	Показатели, характеризующие хозяйственную деятельность компаний, бюджетную обеспеченность региона, макроэкономические показатели	Методы моделирования, статистического анализа, математические методы анализа	Источники данных, программные средства	Определение сильных и слабых сторон развития экономики региона, определение бюджетной обеспеченности, определение текущей зависимости региона от внешних факторов, определение уровня устойчивости экономики, анализ формируемого спроса

Продолжение таблицы

Алгоритм оценки перспектив развития региона	Объект исследования	Методы оценки	Инструменты оценки	Результат
Экологическая компонента	Природно-ресурсный потенциал, зеленая экономика региона	Математические методы, методы сравнительного анализа, модель векторной оптимизации использования природно-ресурсного потенциала, метод воспроизводственного потенциала, рентный метод, альтернативный метод, балльно-индексный метод, рентный метод, затратный метод, рыночный метод	Источники данных, формулы расчета воспроизводственного потенциала, данные об использовании природно-ресурсного потенциала, данные о запасах природных ресурсов, программные средства анализа данных, специальное оборудование, фиксирующие загрязнения природной среды, использование природных ресурсов	Анализ результативности вложенных средств в охрану окружающей среды по направлениям природопользования, определение положения региона на кривой Кузнеца, определение степени использования природных ресурсов относительно их воспроизводственного потенциала, степени рациональности добычи невозобновляемых природных ресурсов
Административно-территориальная компонента	Социальная, экономическая, экологическая подсистемы	Помимо перечисленных: кластерный метод (метод Варда)	Источники данных, программные средства анализа	Определение текущего уровня развития муниципальных образований региона, выявление групп муниципальных образований, вносящих наименьший вклад в устойчивое развитие региона, определение сильных и слабых сторон муниципальных образований, определение скрытых угроз устойчивого развития региона

Прогнозирование				
Алгоритмы оценки перспектив развития региона	Объект исследования	Методы оценки	Инструменты оценки	Результат
Социальная компонента	Демографический прогноз, прогноз баланса трудовых ресурсов, прогноз потребности в кадрах, прогноз дефицита кадров, прогноз показателей качества жизни	Когортно-компонентный метод, методы макроэкономико-демографического прогнозирования, нормативные методы прогнозирования, эконометрические методы прогнозирования, нейросетевые модели прогнозирования	Программные средства, источники данных, сценарные условия	Определение демографической перспективы, оценка входящего и выходящего потока трудовых ресурсов, прогнозирование состояния рынка труда, анализ возможностей и угроз экстенсивного развития экономики, прогноз потребности в социальных учреждениях, прогноз качества жизни населения
Экономическая компонента	Экономическая система региона	Эконометрические модели прогнозирования, нейросетевые модели прогнозирования, регрессионно-нейросетевые модели	Программные средства, источники данных, сценарные условия	Определение перспектив развития отдельных отраслей экономики, определение финансовых ресурсов для закрытия социальных нужд, определение перспектив обеспечения экономического роста экономики региона в целом
Экологическая компонента	Природно-ресурсный потенциал, зеленая экономика региона	Регрессионно-нейросетевые модели прогнозирования	Программные средства, источники данных, сценарные условия	Определение перспектив наращивания использования или уменьшения использования природно-ресурсного потенциала, определение перспектив развития туристической отрасли в регионе, определение направлений по повышению эффективности природопользования, оценка перспектив равномерного распределения загрязнителей окружающей среды по территории региона

Окончание таблицы

Алгоритм оценки перспектив развития региона	Объект исследования	Методы оценки	Инструменты оценки	Результат
Административно-территориальная компонента	Социальная, экономическая, экологическая подсистемы	Помимо перечисленных: кластерный метод (метод Варда)	Источники данных, программные средства анализа	Определение скрытых угроз устойчивого развития, не определяемых в официальном прогнозе социально-экономического развития региона, определение территорий, за счет которых будет достигаться устойчивое развитие, определение направлений межбюджетных трансфертов, направленных на решение конкретных проблем, характерных для каждого муниципального образования, выявление специфических проблем и конкурентных преимуществ кластеров, определение основных направлений государственной территориальной политики региона на среднесрочную перспективу
Комплексный анализ перспектив развития региона	Социально-экономическая система региона	Индексный метод	Источники данных, программные средства анализа	Комплексная оценка перспектив устойчивого развития, аналитическая записка, используемая как инструмент для составления документов планирования и стратегирования

В статье было дано определение инструментов и методов оценки перспектив развития региона с позиции теории государственного управления и теории социально-экономических систем. Определено различие между этими понятиями. В ходе составления схемы оценки перспектив развития региона были описаны предлагаемые для использования исследовательские инструменты и методы оценки перспектив, а также сформулирован ожидаемый результат в рамках выполнения каждого шага алгоритма по комплексной оценке перспектив развития региона на основе концепции устойчивого развития.

Предложена комплексная схема оценки перспектив развития региона, которая включает в себя анализ внешних и внутренних условий, влияющих на устойчивое развитие региона, оценку перспектив развития по трем компонентам устойчивого развития, а также комплексную оценку перспектив развития с применением интегрального индекса устойчивого развития, который позволяет в целом оценить устойчивое развитие региона в ретроспективном и прогнозном периоде. Также схема взаимосвязывает непосредственно исследовательскую оценку перспектив в рамках существующих и обязательных форм оценки и прогнозирования состояния региона в рамках исполнения органами государственной власти своих законодательно установленных обязательств по формированию прогноза баланса трудовых ресурсов, прогноза потребности в кадрах, среднесрочного и долгосрочного прогноза социально-экономического развития, что придает практическую значимость и позволяет проводить подобную оценку системно, комплексно и постоянно. Предлагаемая схема позволяет нивелировать недостатки существующих подходов, так как учитывает внутренние факторы развития (социально-экономическое развитие муниципальных образований региона), включает методологию устойчивого развития региона, позволяет прогнозировать устойчивое развитие и включать результаты оценки перспектив развития региона в документы стратегического планирования.

Литература

1. Агоева З. И. Прогнозирование социально-экономического развития региона // Теоретические и прикладные аспекты современной науки. 2014. № 5–5. С. 7–17.
2. Баранов А. Б., Абдрахимов В. З. Методики оценки и прогнозирования перспектив регионального экономического развития. Проблемы и способы их решения // Сборник статей международной научной конференции: вопросы внедрения результатов комплексных исследований в области высоких технологий. СПб. : Нацразвитие, 2023. С. 40–43.
3. Бородин С. Н. Механизм формирования стратегии развития региона на основе оценки перспектив его развития в рамках концепции устойчивого развития // Сборник материалов XVII международной научно-практической конференции «Современные вопросы устойчивого развития общества в эпоху трансформационных процессов». М. : АНО ДПО «ЦРОН», 2024. С. 212–218. DOI: 10.34755/IROK.2024.72.85.007
4. Воронина Е. В., Ушакова Е. В., Дмитриева Т. А. Особенности реализации стратегий устойчивого развития на региональном уровне управления в условиях глобальных вызовов // Креативная экономика. 2023. Т. 17. № 6. С. 2061–2080. DOI: 10.18334/ce.17.6.118240
5. Горький А. С. Система оценки и прогнозирования перспектив развития региональных промышленных систем с учетом инновационно-технологического фактора // Вестник Самарского университета. Экономика и управление. 2023. Т. 14. № 3. С. 50–58. <http://doi.org/10.18287/2542-0461-2023-14-3-50-58>
6. Жигалов В. М. Стратегия повышения устойчивости регионов России и ее элементы // Проблемы современной экономики. 2024. № 1. С. 144–148.
7. Киселева О. А. Оценка и прогнозирование развития региональных социально-экономических систем : автореф. дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 — Экономика и управление народным хозяйством: региональная экономика. Ставрополь, 2010. 21 с.
8. Кормановская И. Р. Устойчивость развития региональных социально-экономических систем в условиях турбулентности // Проблемы современной экономики. 2015. № 4(56). С. 189–192.

9. Коршунов И. В. Устойчивое развитие в стратегиях регионов: выбираемые подходы и решения // Экономика региона. 2023. № 19(1). С. 15–28. <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-2>
10. Машунин Ю. К., Машунин И. А. Организация управления, моделирование и прогнозирование развития экономики региона // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2016. № 1(45) [Электронный ресурс]. URL: <https://eee-region.ru/article/4503/> (дата обращения: 06.10.2024).
11. Нечаев А. С. [и др.]. Оценка и прогнозирование перспектив развития региональных экономических систем // Экономика строительства. 2023. № 8. С. 30–33.
12. Попов Л. Л., Мигачев Ю. И., Тихомиров С. В. Административное право Российской Федерации : учебник / под ред. Л. Л. Попова. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2011. 447 с.
13. Сорокина Н. Ю. Оценка перспектив развития старопромышленных регионов как региональных «центров роста» Российской Федерации // Экономическая безопасность. 2022. Т. 5. № 2. С. 639–654. DOI: 10.18334/ecsec.5.2.114476
14. Тимофеев И. Ю. Оценка роли региона в национальной экономике: подходы и методы // Экономика и социум. 2015. № 1(14). С. 859–865.
15. Фаттахов Р. В., Низамутдинов М. М., Орешников В. В. Оценка устойчивости социально-экономического развития регионов России // Мир новой экономики. 2019. № 2. С. 97–110. DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-97-110
16. Холодов П. П. Формирование ресурсного потенциала для комплексного социально-экономического развития региона // Проблемы современной экономики. 2012. № 3(43). С. 216–220.
17. Шаталов М. А. Обоснование методического инструментария прогнозирования устойчивого развития региональных экономических систем // Вектор науки ТГУ. 2018. № 3(34). С. 59–64. DOI: 10.18323/2221-5689-2018-3-59-64

Об авторе:

Бородин Семен Николаевич, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); borodin.semensochi@yandex.ru

Reference

1. Agoeva Z. I. Forecasting the socio-economic development of the region // Theoretical and applied aspects of modern science [Teoreticheskie i prikladnye aspekty sovremennoj nauki]. 2014. N 5–5. P. 7–17. (In Russ.)
2. Baranov A. B., Abdрахимов V. Z. Methods of assessing and forecasting prospects for regional economic development. Problems and ways to solve them // Collection of articles of the international scientific conference: issues of implementation of the results of complex research in the field of high technologies. Saint Petersburg : Private scientific and educational institution of additional professional education Humanitarian National Research Institute “National Development”, 2023. P. 40–43. (In Russ.)
3. Borodin S. N. The mechanism for forming a regional development strategy based on an assessment of the prospects for its development within the framework of the concept of sustainable development // Collection of materials of the XVII international scientific and practical conference “Modern issues of sustainable development of society in the era of transformational processes”. Moscow : ANO DPO “TSRON”, 2024. P. 212–218. (In Russ.) DOI: 10.34755/IROK.2024.72.85.007
4. Voronina E. V., Ushakova E. V., Dmitrieva T. A. Features of the implementation of sustainable development strategies at the regional management level in the context of global challenges // Creative Economics [Kreativnaya ekonomika]. 2023. Vol. 17. N 6. P. 2061–2080. (In Russ.) DOI: 10.18334/ce.17.6.118240
5. Gorky A. S. The system of assessment and forecasting of prospects for the development of regional industrial systems, taking into account the innovation and technological factor // Bulletin of the Samara University. Economics and management [Vestnik Samarskogo universiteta. Ekonomika i upravlenie]. 2023. Vol. 14. N 3. P. 50–58. (In Russ.) <http://doi.org/10.18287/2542-0461-2023-14-3-50-58>
6. Zhigalov V. M. Strategy for increasing the sustainability of Russian regions and its elements // Problems of modern economics. [Problemy sovremennoj ekonomiki]. 2024. N 1. P. 144–148. (In Russ.)

7. Kiseleva O.A. Assessment and forecasting of the development of regional socio-economic systems: abstract of the dissertation of the Candidate of Economic Sciences: 08.00.05 — Economics and management of the national economy: regional economy. Stavropol, 2010. 21 p. (In Russ.)
8. Kormanovskaya I.R. Sustainability of the development of regional socio-economic systems in conditions of turbulence // Problems of modern economics [Problemy sovremennoj ekonomiki]. 2015. N 4(56). P. 189–192. (In Russ.)
9. Korshunov I.V. Sustainable development in regional strategies: selected approaches and solutions // The economy of the region [Ekonomika regiona]. 2023. N 19(1). P. 15–28. (In Russ.) <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2023-1-2>
10. Mashunin Yu.K., Mashunin I.A. Management organization, modeling and forecasting of regional economic development // Regional economics and Management: an electronic scientific journal [Regional'naya ekonomika i upravlenie: elektronnyj nauchnyj zhurnal]. 2016. N 1(45) [Electronic resource]. URL: <https://eee-region.ru/article/4503> (accessed 06.10.2024). (In Russ.)
11. Nechaev A.S. [al.] Assessment and forecasting of prospects for the development of regional economic systems // The economics of construction. [Ekonomika stroitel'stva]. 2023. N 8. P. 30–33. (In Russ.)
12. Popov L.L., Migachev Yu.I., Tikhomirov S.V. Administrative law of the Russian Federation: textbook / ed. by L.L. Popov. 3rd ed., reprint. and add. Moscow : Yurait Publishing House, 2011. 447 p. (In Russ.)
13. Sorokina N. Yu. Assessment of the prospects for the development of old industrial regions as regional "growth centers" of the Russian Federation // Economic security [Ekonomicheskaya bezopasnost]. 2022. Vol. 5. N 2. P. 639–654. (In Russ.) DOI: 10.18334/ecsec.5.2.114476
14. Timofeev I. Yu. Assessment of the role of the region in the national economy: approaches and methods // Economy and society [Ekonomika i socium]. 2015. N 1(14). P. 859–865. (In Russ.)
15. Fattakhov R.V., Nizamutdinov M.M., Oreshnikov V.V. Assessment of the sustainability of socio-economic development of Russian regions // The world of the new economy [Mir novoj ekonomiki]. 2019. N 2. P. 97–110. (In Russ.) DOI: 10.26794/2220-6469-2019-13-2-97-110
16. Kholodov P.P. Formation of resource potential for integrated socio-economic development of the region // Problems of modern economics [Problemy sovremennoj ekonomiki]. 2012. N 3(43). P. 216–220. (In Russ.)
17. Shatalov M.A. Substantiation of methodological tools for forecasting sustainable development of regional economic systems // Vector of science TSU [Vektor nauki TGU]. 2018. N 3(34). P. 59–64. DOI: 10.18323/2221-5689-2018-3-59-64. (In Russ.)

About the author:

Semen N. Borodin, postgraduate student of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); borodin.semensochi@yandex.ru

Рецензия на книгу J. Walklate “Time and the Museum: Literature, Phenomenology, and the Production of Radical Temporality”

Карнаух В. К.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; karnaukh-vk@ranepa.ru

Review on the book of J. Walklate “Time and the Museum: Literature, Phenomenology, and the Production of Radical Temporality”

Vladimir K. Karnauh

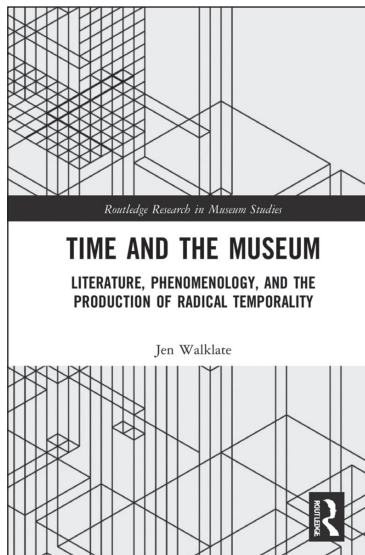
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; karnaukh-vk@ranepa.ru

Walklate J. Time and the Museum: Literature, Phenomenology, and the Production of Radical Temporality. — L. ; N.Y. : Routledge, 2023. — X, 199 p.

ISBN: 978-1-032-16406-9 (hbk)

ISBN: 978-1-032-16410-6 (pbk)

Книга Джен А. Уолклейт посвящена исследованию музейного времени. Согласно автору, в темпоральном аспекте музеи в науке до сих пор понимались слишком упрощенно — как пространства отчуждения, смерти, памяти и истории. По мнению автора, с которым можно вполне согласиться, нам следует выйти за пределы ассоциации музеев с местами застоя и смерти. Особенность подхода Джен А. Уолклейт к музейной темпоральности заключается в том, что она исследует время как ключевую этическую и политическую характеристику музейного пространства.

Особенность подхода Джен А. Уолклейт к музейной темпоральности заключается в том, что она исследует время как ключевую этическую и политическую характеристику музейного пространства.

Книга Джен А. Уолклейт посвящена музеям Оксфорда, включая Эшмолеанский музей искусства и археологии, Оксфордский музей естественной истории и музей Питта Риверса этнографии и археологии. Выбор автора был обусловлен как богатым наследием этих музеев, так и разнообразными временными наслоениями, наложившими отпечаток на их содержание.

При исследовании темпоральности Уолклейт использует феноменологический подход. Время рассматривается автором как грань человеческого опыта, исследуется, как оно переживается в сознании

человека. С этой целью автор анализирует время в творчестве таких философов, как Гуссерль, Бергсон, Хайдеггер.

Обычно феноменологическое переживание темпоральности непосредственно не рассматривалось в литературе о музеях. Новизна работы Джен А. Уолклейт заключается в том, что именно этой теме посвящена ее книга. Особенность подхода автора состоит в том, что музейные темпоральности исследуются через ряд ключевых тем, таких как отчуждение, смерть, память и история.

В первой главе книги Джен А. Уолклейт обращает внимание на то, что для исследования музейного времени требуется специальный язык, которого, по мнению автора, пока нет в музееведении. Тем не менее такой язык имеется в литературе, и он, как считает автор, может быть переведен в музейный контекст. Именно такой язык дает возможность вводить понятия и термины в музееведение из литературы. Ввиду этого для выявления сущности музейной темпоральности автор обращается к литературе, где понятие темпоральности получило применение.

Рассматривая особенности структуры повествования, Уолклейт уделяет существенное внимание хронотопу, который впервые был введен М. М. Бахтиным. Хронотопы выражают внутреннюю связь временных и пространственных отношений, и они, согласно автору, могут быть перенесены в музейный контекст.

Во второй главе «Линейность» рассматривается одна из основных форм темпоральности — линейная темпоральность, исследуются ее музейные формы, политические и социальные последствия, которые обусловлены ее существованием. Несмотря на позитивное отношение к линейной темпоральности, Уолклейт критически относится к ней. Такая форма времени, как справедливо утверждает автор, принуждает историю к однонаправленному движению, напряженной прогрессии, которая не может учесть многообразные движения и отношения, существующие в действительности.

В третьей главе «Нелинейность» рассматривается множество других форм времени, которые используются в музейных пространствах. Эти формы времени демонстрируют существование не только одного линейного времени. В музейных галереях, относящихся к Ближнему Востоку, нарушается структура линейного сюжета. В них в настоящее время притягиваются как прошлые, так и будущие события.

При исследовании музейного времени автор использует понятия присутствия и отсутствия, которые рассматриваются им в соответствующих главах. В главе 4 «Присутствие» исследуется, как вещи осознанно воспринимаются в музее, как они становятся присутствующими и очевидными и как это влияет на существующее понимание музейной темпоральности.

Противоположная ситуация рассматривается в пятой главе «Отсутствие». В ней исследуется, как отсутствующее и пустота артикулируются и ощущаются в музейном пространстве, и что это может означать для онтологии музея. По мнению автора, музеи демонстрируют особый вид отсутствия. Несмотря на то, что музейные предметы находятся в музее, присутствуют в музее, люди, вовлеченные в историю этих предметов — их создатели, хозяева, владельцы, коллекционеры — отсутствуют в нем.

В главе 6 «Подлинность» известный вопрос музеологии — подлинность — рассматривается под новым углом зрения. Исследуя подлинность как временной, так и онтологической вопрос, возникает возможность не только изучить то, как природа предметов влияет на восприятие музейного времени, но и исследовать способы, с помощью которых объекты могут быть поняты и оценены разным способом.

Представления объектов в цифровых интерактивных системах, по мнению автора, еще более сложны в своем отношении к подлинности, чем объект или чувственное представление о нем. Виртуальные образы объектов сформированы из цифрового кода, отфильтрованы через компьютерный экран. Физической основой их существования выступает терминал, на котором они отображаются.

Реальность, воспринимаемая человеком в музее, является, по мнению автора, одновременно подлинной и символической. Именно эта особенность музейных пространств, по утверждению Уолклейт, частично ответственна за музейные ауры. Ауры — это характерные ощущения, которые придают индивидуальность любому объекту или месту. Аура основана на времени, возникающем из воспринимаемых диегетических, исторических и ритмических отношений между вещами и сознательными существами. Аура, по мнению автора, темпорально аффективна; она создает ощущение местоположения в пространстве и во времени, чувство стабильности или дезориентации.

В заключительной главе книги автор вновь обращается к одной из особенностей музейной практики и теории, исследуя, как идея ауры и другие связанные с ней концепции влияют на восприятие музейного времени. Аура является, по мнению автора, решающим фактором во взаимоотношениях между посетителем и музеем, и независимо от того, намеренно ли она создана или случайно, ее нельзя игнорировать. Это эмпирические явления, возникающие на пересечениях между объектами, средой и сознательными наблюдателями. В книге рассмотрены три формы хронотопа, характеризующиеся узнаваемыми, отличимыми аурами — возвышенная, сверхъестественная и странная.

По мнению автора, нет единого фактора, определяющего природу музейного времени. Тем не менее, согласно Джен А. Уолклейт, существуют три агента, обладающих властью над музейным временем. Такими агентами являются люди, предметы и пространство.

Существенную роль в исследовании времени музеев играет вводимое автором понятие радикальной музейной темпоральности. Радикальная темпоральность позволяет музею частично избавиться от тяжести прошлого и жить в качестве политического агента.

Таким образом, работа Уолклейт представляет собой первое углубленное исследование природы музейной темпоральности, что является безусловной заслугой автора, а также использование возможностей литературы, ее понятийного аппарата для исследования музейной деятельности.

Об авторе:

Карнаух Владимир Кузьмич, профессор кафедры общественных наук Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор философских наук, профессор; karnaukh-vk@ranepa.ru

About the author:

Vladimir K. Karnauh, Professor of the Department of Social Sciences of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation); Doctor of Science (Philosophy), Professor; karnaukh-vk@ranepa.ru

Учеными не рождаются, учеными становятся: о Первой научно-практической конференции сети СНО РАНХиГС «Молодые ученые РАНХиГС – 2024»

Кашина М. А.

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Российская Федерация; Kashina-ma@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В ноябре 2024 года впервые состоялась конференция сети СНО РАНХиГС «Молодые ученые РАНХиГС — 2024». Работа велась в рамках трех секций: социогуманитарной, экономико-управленческой, международных отношений. Участками стали обучающиеся всех уровней подготовки — студенты бакалавриата, магистратуры, аспирантуры. Конференция решала две основные задачи: 1) дать возможность студентам филиалов РАНХиГС представить результаты своих научных исследований и получить их профессиональную оценку со стороны модераторов секций — ученых СЗИУ РАНХиГС; 2) определить поле общих научных интересов студентов разных филиалов, чтобы в будущем создавать межрегиональные молодежные научные коллективы. Обе задачи были успешно решены. Участники конференции получили конструктивный импульс для продолжения своих исследований, результаты которых будут представлены уже на следующей, Второй конференции сети СНО РАНХиГС в 2025 году.

Ключевые слова: студенческое научное общество, студенческий научный коллектив, молодежная наука, Министерство науки и образования Российской Федерации, Десятилетие науки, региональная сеть РАНХиГС

Для цитирования. Кашина М. А. Учеными не рождаются, учеными становятся: о Первой научно-практической конференции сети СНО РАНХиГС «Молодые ученые РАНХиГС — 2024» // Управленческое консультирование, 2025. № 1. С. 133–136.

Scientists are Not Born, Scientists Become Scientists: About the First Scientific and Practical Conference Scientific Community of Students of the RANEPANetwork “Young Scientists of RANEPANetwork – 2024”

Marina A. Kashina

Russian Academy of National Economy and Public Administration (North-Western Institute of Management RANEPANetwork), Saint Petersburg, Russian Federation; Kashina-ma@ranepa.ru

ABSTRACT

In November 2024, the first conference of scientific community of students of the RANEPANetwork “Young Scientists of RANEPANetwork — 2024” was held. The work was carried out within the framework of three sections: socio-humanitarian, economic and managerial, international relations. Students of all levels of training — undergraduate, graduate and postgraduate — became the participants of these sections. The conference solved two main tasks: 1) to give an opportunity to students of RANEPANetwork branches to present the results of their scientific research and receive professional assessment of their works from the moderators of the sections — scientists of the North-Western Institute of Management RANEPANetwork; 2) to determine the field of common scientific interests of students from different branches of RANEPANetwork in order to create interregional youth research teams in the future. Both tasks were successfully solved. The conference participants received a constructive impetus to continue their research, the results of which will be presented at the next Second Conference of the RANEPANetwork SSS Network in 2025.

Keywords: scientific community of students, student scientific team, youth science, Ministry of Science and Education of the Russian Federation, Decade of Science, regional network of RANEPА

For citing. Kashina M. A. Scientists are Not Born, Scientists Become Scientists: About the First Scientific and Practical Conference Scientific Community of Students of the RANEPА Network “Young Scientists of RANEPА — 2024” // Administrative consulting, 2025. N 1. P. 133–136.

Путь от выпускника общеобразовательной школы до доктора наук занимает десятилетия. Но, как говорит китайская мудрость, дорога в тысячу ли начинается с первого шага. И сделать этот шаг студентам помогает участие в работе Студенческого научного общества (СНО).

2024 год был объявлен в РАНХиГС Санкт-Петербург Годом молодежной науки. Кроме того, проект «Альянс РАНХиГС — от Владивостока до Калининграда: объединение студенческих научных сообществ Президентской академии», разработанный в нашем Институте, получил поддержку Минобрнауки России и был реализован на средства из федерального бюджета грантов в форме субсидий образовательным организациям высшего образования на проведение мероприятий, направленных на поддержку студенческих научных сообществ.

27 ноября 2024 года в рамках данного проекта в Санкт-Петербурге состоялась Первая научно-практическая конференция сети СНО РАНХиГС «Молодые ученые РАНХиГС — 2024». В ее работе участвовали обучающиеся из московского кампуса и десяти филиалов РАНХиГС — Северо-Западного института управления, Поволжского института управления им. П. А. Столыпина, Нижегородского, Чебоксарского, Дальневосточного, Выборгского, Владимирского, Московского областного, Смоленского и Алтайского. Формат участия был гибридный: можно было прийти на заседание в Санкт-Петербурге или присоединиться онлайн.

Работа велась в рамках трех секций, отражающих интересы молодых исследователей и объединяющих студентов разных направлений подготовки. Большинство участников конференции были студентами бакалавриата, для некоторых из них это было первое выступление на научном мероприятии. Часть выступавших уже обучается в магистратуре. Были и докладчики-аспиранты. Это дало участникам конференции уникальную возможность на практике увидеть, как разворачивается научная карьера: от попытки публично заявить о своем научном интересе на 1-м курсе бакалавриата к исследованию аспиранта, вносящем вклад в развитие конкретной области научного знания. Одной из отличительных черт данной конференции является то, что на ней были представлены результаты работы ряда Студенческих научных коллективов, сформированных в СЗИУ РАНХиГС в рамках экосистемы научной деятельности обучающихся.

Несколько слов о содержательном наполнении конференции. В работе секции «Исследовательский потенциал СНО в решении задач государственного управления и социально-экономического развития» ее модератором выступила канд. экон. наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления СЗИУ Е. А. Усачева, принимали участие представители сразу трех факультетов СЗИУ РАНХиГС — государственного и муниципального управления, экономики и финансов, факультета международных отношений и политических исследований, а также обучающиеся из Поволжского института управления им. П. А. Столыпина, Выборгского и Чебоксарского филиалов РАНХиГС. Доклады были объединены в несколько тематических блоков.

Первый блок докладов был посвящен истории, общим принципам и инструментам государственного управления. Работу секции открыли два доклада студенток

1-го курса бакалавриата К. Воробьевой и А. Рав, которые рассматривали опыт проведения реформ государственного управления в России на современном этапе и во времена Екатерины Второй.

Второй блок включал доклады, раскрывающие современные проблемы государственного управления с акцентом на молодежной политике и решении проблем молодежи. Так, доклад студентки 4-го курса бакалавриата Е. Довжик был посвящен теме развития молодежных консультативно-совещательных органов Санкт-Петербурга. Он был интересен, в том числе и потому, что студентка сама имеет опыт практической работы в этих органах.

Третий тематический блок составили доклады, анализирующие проблемы экономического развития России. Большой интерес вызвали сообщения студентов 1-го курса бакалавриата, посвященные отечественной нефтегазовой промышленности. М. Козяков рассказал о крупнейших нефтяных месторождениях в России, а Д. Люлицин — о биржевых котировках по акциям ПАО «Газпром».

Секция «Международные отношения в фокусе молодежной науки», ее работой руководила доцент кафедры международных отношений СЗИУ, к.п.н. Е.Д. Пронякина, обсудила целый ряд актуальных тем, в частности, историческая память, национальное самосознание, национальная и территориальная идентичность, трансрегионализм. Большой отклик у участников вызвало обсуждение идеологических оснований внешней политики современных государств. С докладами выступили студенты факультета международных отношений и политических исследований, факультета социальных технологий нашего Института, а также магистрант Поволжского института управления им. П.А. Столыпина. Наибольший интерес вызвало выступление студента 1-го курса магистратуры Г. Бойцова на тему «Психология доверия к СМИ в реалиях глобальной информационной войны». Международная тематика была представлена в докладе студентов бакалавриата 3-го курса Д. Бахарева и Е. Долотова «Аспекты взаимодействия республиканизма и шиитского консерватизма в Исламской Республике Иран». Широту географии научных интересов членов СНО показали доклады студентки 4-го курса бакалавриата В. Лоцманенко «Особенности и перспективы формирования арктической политики НАТО после февраля 2022 года» и студентки 3-го курса бакалавриата А. Сукиасян «Транспортные пути Южного Кавказа: перспективы и ограничения».

Секция «Многоликий соц-гум в исследованиях молодых ученых», как следует из ее названия, собрала исследователей из самых разных областей социогуманитарной науки — социологов, политологов, юристов, психологов, специалистов по социальной работе и даже представителей бизнес-информатики. Ее модерировал старший преподаватель кафедры социальных технологий Н.Е. Киселев. Кроме обучающихся факультета социальных технологий в работе секции участвовали студенты факультетов экономики и финансов, безопасности и таможни, международных отношений и политических исследований. Филиальную сеть представляли обучающиеся из Смоленского и Московского областного филиалов РАНХиГС, Поволжского института управления им. П. А. Столыпина. Некоторые докладчики выступили онлайн.

В социологическом блоке секции обсуждалась методологическая проблематика, студентками бакалавриата 4-го курса А. Зайцевой и 3-го курса Д. Поповой был сделан доклад на тему «Digital-инструменты в эмпирической социологии: возможности и ограничения (на примере исследований массовой культуры)». Были представлены результаты эмпирических исследований, в частности, о связи юмора и сексизма — доклады студенток бакалавриата 4-го курса Д. Жарковой и 3-го курса С. Агаевой и К. Зубковой. Рассматривались и проблемы семьи — доклад «Ценностное отношение молодежи Санкт-Петербурга к институту семьи» студентки 1-го курса бакалавриата К. Гасановой.

В психологическом блоке большую часть времени заняло обсуждение темы доверия как психологического и социального явления. Студентка 1-го курса магистратуры А. Ракитянская затронула важную общественную проблему — реабилитацию людей с расстройствами зависимости.

К политологическому блоку следует отнести выступление аспиранта 3-го курса О. Намазова по теме «Трансформация социально-политических институтов в Турции под влиянием исламского фактора», а также доклад студентки бакалавриата 2-го курса А. Хрипуновой на тему «Влияние плакатно-карикатурного искусства на взаимное восприятие граждан СССР и США в годы холодной войны». Прозвучавшие на секции доклады наглядно продемонстрировали разнообразие и широту исследовательских интересов молодых ученых Президентской академии.

Все модераторы отмечали, что на секциях велось очень заинтересованное и неформальное обсуждение, и аудитория порой задавала докладчикам весьма «неудобные» вопросы, но те с честью защищались, отстаивая свою позицию.

Подводя итоги, следует сказать, что эта конференция была не совсем обычной, ее участники не просто представляли данные своих исследований, они еще и знакомились друг с другом как членами одного большого научного сообщества — СНО РАНХиГС. И организаторы этого мероприятия очень надеются, что одним из результатов конференции станет формирование не только междисциплинарных, но и межрегиональных молодежных исследовательских коллективов, развитие реального сетевого взаимодействия филиальных СНО. Тезисы докладов участников конференции наряду с материалами других научных студенческих мероприятий Года молодежной науки войдут в сборник студенческих трудов, который готовится нашим Институтом, и выйдет в свет в начале 2025 года.

Данная конференция, по замыслу руководства Президентской академии, призвана стать ежегодным смотром достижений молодых ученых, поэтому в следующем году ожидается не только рост числа ее участников, но и формирование большего количества секций, привлечение дополнительных экспертов и модераторов для их проведения, чтобы дальше развивать молодежную науку в РАНХиГС.

Об авторе:

Кашина Марина Александровна, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегического планирования и евразийской интеграции, профессор кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент; Kashina-ma@ranepa.ru

About the author:

Marina A. Kashina, leading researcher of the Research Laboratory for Strategic Planning and Eurasian Integration, professor of the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor; Kashina-ma@ranepa.ru

Андрей Хлутков вошел в ТОП-10 самых цитируемых персон 2024 г.

Журналисты назвали имена петербургских политиков, деятелей культуры, науки и спорта, которых чаще всего цитировали средства массовой информации в прошедшем году.

Директор Президентской академии в Санкт-Петербурге Андрей Хлутков занял почетное 3-е место среди руководителей учреждений культуры и науки. Руководителя института процитировали 4936 раз. Рейтинг составлен изданием «Петербургский дневник» на основе данных аналитической системы «Медialogия».

В течение года Андрей Хлутков активно участвовал в общественном дискурсе, представляя свою точку зрения по важным вопросам образования, экономики и государственного управления в многочисленных интервью и комментариях для ведущих СМИ: Вечерний Санкт-Петербург, ЛенТВ 24, НТВ, Коммерсантъ, Царьград и другие. Андрей Драгомирович давал комментарии для информационных агентств ТАСС и Интерфакс, а также регулярно ведет авторскую колонку в самом массовом издании Санкт-Петербурга — «Петербургском дневнике».

Андрей Драгомирович заслуженно вошел в число самых цитируемых руководителей в сфере культуры и науки. Поздравляем!

Состоялась II торжественная церемония вручения премии «Признание РАНХиГС Санкт-Петербург» (30 января, 2025)

Торжественная церемония награждения победителей премии «Признание РАНХиГС Санкт-Петербург» состоялась в Хрустальном зале петербургского кампуса Академии, в рамках которой традиционно отметили самых активных студентов по итогам года.

Победителями премии стали 55 студентов, которые имеют активную жизненную позицию и реализуют свои инициативы в стенах вуза изо дня в день. Лауреаты были номинированы факультетами и подразделениями.

После торжественного награждения состоялся прямой диалог с директором института. Во время беседы с Андреем Хлутковым все ребята — активисты в учебе, спорте, науке, волонтерской деятельности — смогли напрямую задать все интересующие их вопросы, получить ценный совет, рекомендацию от руководителя института. Так, одной из волнующих собравшихся тем стали вопросы развития студенческого самоуправления, предстоящих выборов, дальнейших векторов работы института, приоритетом которого, бесспорно, остается высокое качество подготовки специалистов для ключевых направлений деятельности нашего государства.

От всей души поздравляем победителей премии, желаем покорения новых высот и успехов в учебной и внеучебной жизни Президентской академии!

По материалам сайта: <https://spb.ranepa.ru/news/>

2025. № 1 (187)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал

Выходит 6 раз в год

Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Подписано к печати 24.02.2025.
Выход в свет 25.02.2025.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 11,13. Тираж 50 экз.
Заказ № 1/25.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72